

КОСТЁР

10 ОКТЯБРЬ 1988

КОСТЁР

10
ОКТЯБРЬ
1988

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года
© «Костёр», 1988 г.

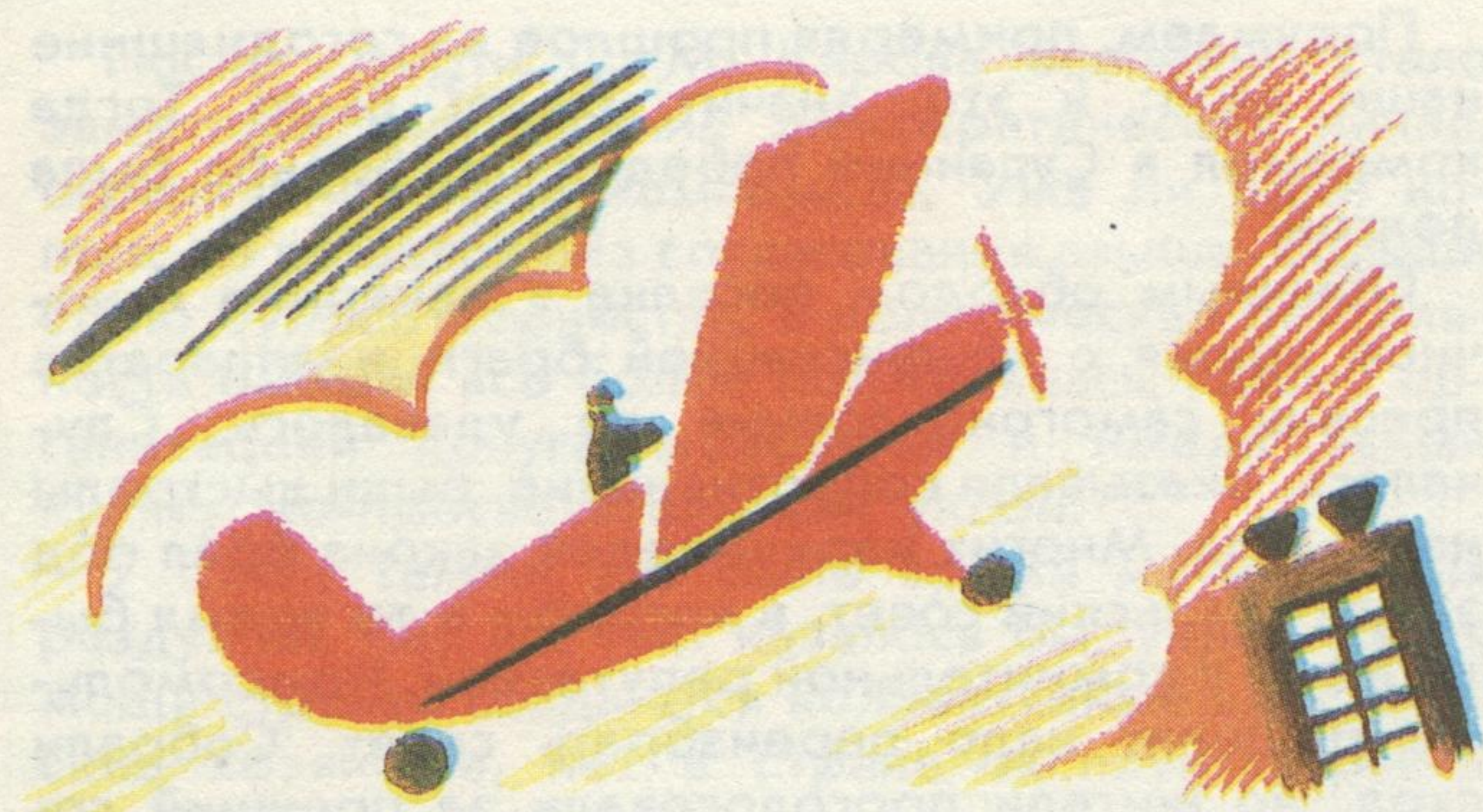
АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА
ПЕРЕДАЮТ ГОНОРАР
В ДЕТСКИЙ ФОНД
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Ее звали Мария хроника одного поиска	4
В первом бою	11
Барабан	12
«Бригантина» в волнах равнодушия заметка Оли Кузнецовой	15
Когда поднимаются первыми репортаж В. Михайлова, С. Цымбаленко	16
Город юности на карте страны очерк С. Махотина	22
Стихи В. Суворов	25
Черемуха рассказ Р. Шорина	26
Человеку нужна помощь очерк А. Гостомыслова	31
Клетка для буйных фантастическая повесть А. Тюрина и А. Щеголева	33
Морская газета	40
Колония имени Горького очерк Е. Перехвальской	41
Веселый звонок	44
Творчество твоих ровесников	46
Арчбек	47

На обложке рисунок А. Аземши

ЧТО БЕРЕМ В БУДУЩЕЕ

В тот солнечный день 19 июля 1920 года ребятам 1-й школы повезло: они стояли у самого подъезда Смольного, слева от ступеней. Рядом и напротив расположились другие школы. И так — шеренгами с полевыми цветами и красными флажками, образуя широкий коридор до самого Таврического дворца, выстроились петроградские школьники.

Они встречали представителей коммунистических партий разных стран. Делегатов II конгресса Коминтерна увидеть интересно. Но главное взбудоражило ребят еще вчера, когда их собрали в школе, — сообщение: «Возможно, будет Ленин». Это сейчас по телевидению деятелей партии и правительства показывают довольно часто, а тогда и в газетах фотографии Владимира Ильича печатали сравнительно редко. «Возможно... Ленин». Это звучало в ушах, когда накануне собирали ромашки в пригороде, когда утром шли к историческому зданию. «Возможно...»

И вот на ступени Смольного из больших дверей вышла группа делегатов, и среди первых, о чем-то оживленно беседующих, — Ленин! Уговора такого, чтобы что-то приветственное кричать, не было, но невозможно было удержаться, в радостном ликовании слова вырывались сами. И Саша вместе со всеми закричал: «Ленин! Ленин!» Ребята невольно подались вперед, кто-то выбежал с букетом, кто-то бросил цветы под ноги идущим. А Ленин улыбался, приветственно поднимая руку, и что-то говорил своим спутникам. Конечно, о них, о будущем страны Советов.

Делегаты уже вышли на площадь, и по мере их движения издали все доносилось: «Ленин! Ленин!»

Взволнованный встречей, Саша с друзьями вернулся тогда на Разъезжую в свою школу. Давно у ребят велись разговоры о комсомоле, а теперь решили: вступаем! Не было с ними ни учителей, ни кого-то из комсомольского актива города или района, никто не подталкивал. Время подсказало: нельзя стоять в стороне. Но одно дело решить, а другое — вступить. В комсомол

тогда принимали в первую очередь подростков-рабочих, а тут — школьники. Ребята пошли в районный комитет.

Что мог ответить Саша Тамми на вопрос: расскажи о себе? Родился в 1906-м. Отец — безземельный эстонский крестьянин, перебравшийся из деревни в Лифляндской губернии поближе к столице — в Петербургскую губернию, и здесь ходил в батраках — пас скот у помещицы. Теперь работает на железной дороге стрелочником. Чтобы собрать денег на учебу, до революции Саша тоже прирабатывал — был пастухом.

Александра Тамми приняли в комсомол. И с тех пор слово «ленинский» в названии ВЛКСМ для него исполнено особого смысла.

Тридцать учащихся 1-й советской единой трудовой школы создали тогда комсомольский коллектив. Именно «коллектив». Нам привычнее слышать «организация»: комсомольская организация, пионерская, а тогда «коллектив» звучало убедительнее, словно подчеркивалась необходимость сплочения, объединения усилий во имя общего революционного дела. Юные комсомольцы старались поднять дух товарищества, разрабатывали основы школьного самоуправления. Нынче мы о самоуправлении в школе говорим как о чем-то новом, а это хорошо забытое старое, утерянное в дороге десятилетий.

Через год Саша вынужден был прервать учебу. Семья очень нуждалась, надо было помогать старшим, и он устроился рабочим на дровяной склад в своем поселке. Ездить в город за 50 километров, совмещая работу с учебой, каждый день он не мог.

Здесь, в Сусанино, понятие «комсомольский коллектив» раскрылось для Саши в полном значении. Он стал одним из его организаторов. Отметим, что комсомольские организации, да и пионерские в то время создавались, как мы теперь говорим, по месту жительства. Значит, и это уже было? Было, и еще как было! Сусанинские комсомольцы, в коллектив которых входили крестьянские ребята, рабочие мелких предприя-

тий и железнодорожники — всего около 40 человек, взялись за дело энергично. Отсеком — то есть ответственным секретарем выбрали Сашу.

Клуб, открытый в доме сбежавшего от революции сельского богатея, не пустовал. Здесь проводили каждую неделю комсомольские собрания, как тогда называли — «союзный день». На повестку дня выносились самые важные вопросы жизни молодежи поселка, да и не только молодежи. В Сусанино в то время не было партийной организации, и комсомольцы понимали свою роль политического руководителя, чувствовали ответственность за все происходящее. Заканчивая собрание, всегда пели, встав плечо к плечу: «Мы — молодая гвардия рабочих и крестьян...» По дням красного календаря исполняли «Интернационал».

Конечно, на собраниях обсуждалось порой то, что по тем временам вызывало горячие споры, а теперь об этом нельзя вспоминать без улыбки. Например, можно ли носить галстук или широкие брюки-клевш? Одно из собраний так и называлось «Клевш и молодежь». А как относиться к дамской шляпке, к губной помаде? Не признаки ли это буржуазно-мещанского образа жизни? Саша был против галстуков. Вот рубашка-косоворотка другое дело — это пролетарская одежда.

Спорили о танцах. В общем, хотя и осуждали, но с жаром танцевали. Полон зал был, когда драмкружок разыгрывал сценки «на злобу дня» или ставил спектакль «Горе от ума».

А вот в антирелигиозной пропаганде не обошлось без значительных перегибов, молодые атеисты увлекались шумными мероприятиями, что вызывало неодобрение верующих.

Комсомольцы резко выступали против так называемой «свободной любви», распространенной у части молодежи, но порой впадали в другую крайность, вмешиваясь в личную жизнь товарищей. На полном серьезе на одном из собраний рассматривался вопрос: «О поведении комсомолки такой-то, допустившей «флирт» с отрицательным типом таким-то, выразившийся в легкомысленном времяпрепровождении и в кокетничанье с ним». Собрание постановило: «Сделать комсомолке такой-то серьезное предупреждение».

Саша был душой комсомольского коллектива. Изучали в кружке «Капитал» Маркса — нельзя комсомольцу без знания теории, организовывали первую сельскую кооперативную торговлю, чтобы сбить цену у частных торговцев, грузили дрова на субботнике, чтобы помочь Петрограду с топливом, — всюду он был одним из первых. А как же иначе — ответственный секретарь!

А годы были тревожные, отмечались случаи бандитизма. У сусанинцев одно время была даже своя часть особого назначения — ЧОН. Дежурили с винтовками.

Но самое, пожалуй, трудное, с чем пришлось не день и не два бороться, — самогонование. Некоторые жители поселка тайно занимались этим промыслом, переводя нужные стране продукты — сахар, зерно, картошку — на самогонку и продавая ее из-под полы в Питере.

Подумаем, примеряя прошлое на сегодняшние наши дела: и это, значит, было? Было. Тогда комсомол в Сусанино победил, но борьба была долгой.

Обычным обходом поселка в вечернее и ночное время с конфискацией браги и аппаратов пресечь самогонование не удавалось. Случалось, оказывали сопротивление, были выстрелы из-за угла. Многих нарушителей закона брал под защиту сельский совет, в котором в то время были люди с сомнительной репутацией. Комсомольцы решили: надо переизбрать совет. Собрали сход, но жители проголосовали за прежний состав. Что делать? Пошли посоветоваться в волостной партийный комитет. Старый большевик, бывший балтийский матрос Василий Кузьминский предложил обходной маневр: «А что, если вам с поселковыми женщинами поговорить? Они, по-ди, натерпелись от пьяниц-мужей и ваше начинание поддержат?» Провели комсомольцы кропотливую разъяснительную работу, и на следующем сходе большинство было обеспечено. Выборы нового состава сельсовета состоялись. С самогонщиками было покончено.

Заботились комсомольцы о своей молодой пионерской смене. Саша — а его в 1925 году выбрали в волостной комитет комсомола Председателем бюро Детской коммунистической организации, сокращенно ДКО, — организовал для сельских ребятшек свой пионерский лагерь. Поначалу казалось это непонятным: здесь ребята живут, здесь им и лагерь устраивать? Но ребятам вместе быть интересно. О палатках договорились с воинской частью. Из взрослых в лагере были только повариха да гармонист. Все остальное делали сами ребята — полная самостоятельность.

А потом был большой совместный праздник сельских и городских пионеров. Приехали из города артисты, и среди них очень даже известные певцы, которых ребята могли раньше только по радио слышать. Саша запомнил, какой неподдельной радостью сияли лица ребят, как они дружно аплодировали, как замечательно потом сами пели у огромного пионерского костра под звездным небом: «Взвейтесь кострами, синие ночи...»

Все время находясь среди комсомольцев и пионеров, Саша видел, как распрямлялись люди навстречу новой жизни, сколько у них было неподдельного оптимизма, убежденности в правоте своего дела, жажды учиться и учиться, самоотверженно работать. И сам он был одним из них — с горячей головой и восторженным сердцем. В него тоже верили. В 1926 году он стал коммунистом. Его избрали первым секретарем волостного комитета ВЛКСМ, затем первым секретарем Волосовского райкома ВЛКСМ. А вскоре перевели на комсомольскую работу в Ленинград. Александр Тамми был избран членом бюро Обкома ВЛКСМ.

Здесь ему довелось часто встречаться с Сергеем Мироновичем Кировым, который в те годы возглавлял областную партийную организацию.

После смерти С. М. Кирова особенно стало заметным свертывание демократических начал, ограничение прав комсомола. Уже ни один вопрос не решался без согласования свыше. Больше стало бумаготворчества, а политическая деятельность ВЛКСМ все более подменялась только организацией досуга молодежи и имела явный культурно-просветительский уклон.

У Саши Тамми это было время мучительных раздумий. Как же так: казалось бы, укрепляется мощь страны, создаются коллективные крестьянские хозяйства, нет в стране эксплуататорских классов, а все чаще идут разговоры о вредительстве, о выявленных врагах народа, партийных оппозициях, шпионах империализма? Теперь мы больше знаем об этом сложном времени, которое называем «периодом культа личности» с безграничной властью одного человека, располагаем фактами незаконного преследования советских людей и гибели многих преданных делу социализма ветеранов партии и командиров Красной Армии. Саше тогда всю полноту происходящего было трудно представить, как комсомольский работник и молодой коммунист он безоговорочно верил в партию, в ее Центральный Комитет во главе с И. В. Сталиным.

Но обстановка недоверия и страха все нагнеталась. Коснулось это и Обкома комсомола, где появились списки «скрытых врагов народа». Один из близких Сашиних друзей был арестован. Стоило Саше попробовать вступить за него, пойти к тогдашнему партийному руководству с разъяснением полной невиновности товарища, как у него в тот же день при выходе из Смольного отобрали пропуск. Вскоре, в декабре 1937 года, его арестовали, обвинив в контрреволюционной деятельности.

Следствие велось недозволенными методами — сутками не давали спать, избивали. Саша на всех допросах стоял до конца на своем: он предан партии и народу, предан комсомолу. Не было в его жизни шага, чтобы он поступился революционными принципами. Своей вины он не признал, но был осужден.

Из тюрьмы он писал письма Сталину, полагая, что тот не знает о несправедливых арестах. Он думал, что в беззаконии и произволе виноваты лишь те, кто проводят следствие. Ответов не было. Со временем на основе своего горького опыта и долгих бесед с товарищами, которых он встречал в тюремных камерах, он многое понял, и слепая вера в вождя прошла. Но все годы заключения он, Александр Тамми, верил, что рано или поздно ленинские большевистские нормы жизни восторжествуют. Верил, как в годы войны он верил в Победу, когда заключенным работал в шахте на севере, добывая руду, из которой плавил металл, нужный фронту. Верил.

В 1956 году было восстановлено его доброе имя, его полностью реабилитировали, он снова в рядах партии. Александр Карлович вернулся в город на Неве, вслушиваясь в прекрасное имя — Ленинград. Многие годы до выхода на заслуженный отдых работал в одном из производственных объединений. Впрочем, какой же отдых?

Александр Карлович Тамми,
председатель Совета ветеранов комсомола
при Ленинградском обкоме ВЛКСМ,
1988 г.

Председатель Совета ветеранов комсомола при Ленинградском Обкоме ВЛКСМ Александр Карлович Тамми не хочет и не знает покоя. Он отстаивает необходимость создания музея ленинградского комсомола, встречается с молодежью. Но, рассказывая о комсомольской юности 20—30-х годов, он выделяет прежде всего добрые дела и подвиги тех лет, которые могут в чем-то пригодиться и сегодня.

Да, необходимо вспоминать прошлое, чтобы лучшее из накопленного опыта брать с собой в будущее, чтобы не повторять горьких ошибок.

Главное, считает Александр Карлович, не забывать, что комсомол — это политическая организация. Заботиться о досуге несомненно надо. Музыка, танцы, различные модные увлечения — как молодым без этого. Но прежде всего надо считать себя политическим бойцом, особенно сейчас, когда в стране происходит революционная перестройка. Больше света, больше социализма — призыв прежде всего для молодых — за ними будущее.

И надо брать в это будущее поменьше кабинетной и бумажной суеты. Больше конкретных дел. Быть самостоятельнее. Быть инициативнее, смелее в поиске, чтобы не приходилось догонять «неформалов» во многих их начинаниях. Быть душевнее, милосерднее, как мы сейчас любим повторять, высоко ценить чувство товарищества. Уважать настоящий труд.

Друзья его юности пишут: «Дорогой наш Сашка! Как был комсомолец, молодой, задорный, так и остался, пройдя через все годы борьбы и мужания, через все годы трудные...»

Ветеран верен комсомолу и верит в него.

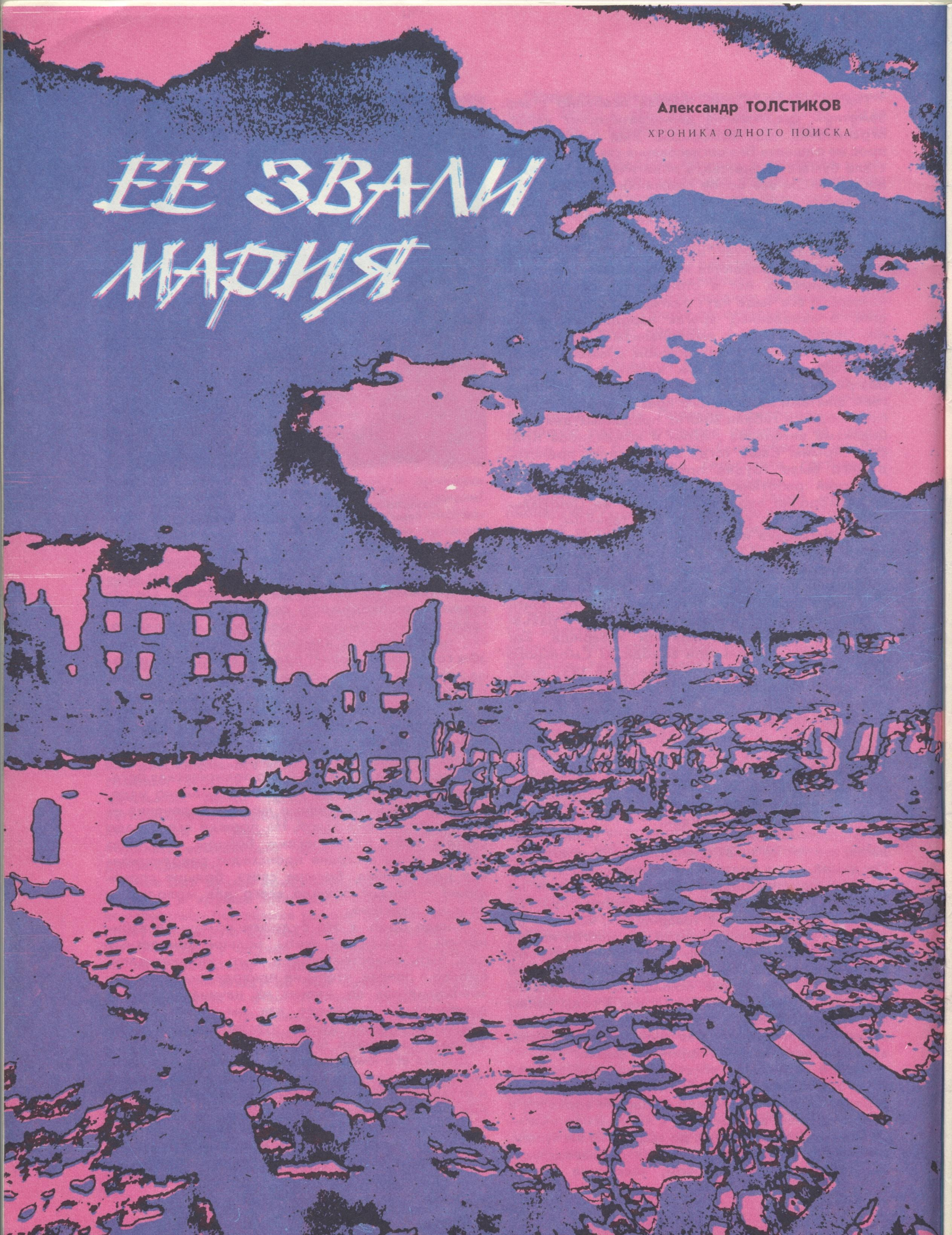
А из книг, которые брать молодым в будущее, он называет первой «Как закалялась сталь».

О. ЦАКУНОВ

Александр ТОЛСТИКОВ

ХРОНИКА ОДНОГО ПОИСКА

ЕЕ ЗВАЛИ МАДИЯ

С ЗАДАНИЯ НЕ ВЕРНУЛИСЬ

ГЛАВА 1

КОМАНДИРОВКА

Осенью 1984 года я впервые побывал в Волгограде. Мне понравился город — современный, с широкими улицами и проспектами, гранитными набережными. И лишь несколько полуразрушенных зданий, чудом уцелевших здесь после жесточайших бомбардировок немецкой авиации в 1942—43 годах и специально сохраненных до наших дней, напоминают о его подвиге в дни Великой Отечественной войны: знаменитый дом сержанта Павлова, здание старой мельницы...

Я приехал сюда с корреспондентским удостоверением журнала «Костер».

Побывал в нескольких волгоградских школах, посмотрел одинаковые, скучные стенды в комнатах «Боевой славы», почитал такие же скучные отчеты о «проделанной работе» и понял, что командировка моя «горит». Интересного материала о следопытском движении волгоградских школьников мне не найти.

Гуляя по городу, в маленьком скверике на Рабоче-Крестьянской улице я увидел памятник. На высоком гранитном постаменте бюст парнишки и надпись: «Саша Филиппов. Комсомолец-партизан, зверски замученный фашистами».

И я подумал тогда: какой же подвиг должен был совершить этот мальчик, чтобы ему поставили памятник в городе, где подвиги были делом обычным?

К скверу подъехал автобус, из него высыпали первоклассники и с ними девушка-экскурсовод. Дети столпились вокруг памятника, и экскурсовод стала рассказывать о подвиге юного разведчика Саши Филиппова.

— На земле сталинградской совершили свои подвиги Сережа Алешков, Жора Акулов, Коля Петушков, Миша Романов, Саша Филиппов. И надо каж-

дый свой шаг, ребята, измерять по погибшим героям. Ведь можно прожить сто лет и никто не будет знать об этом, словно и не жил человек. А можно прожить столько, сколько Саша Филиппов, и остаться в памяти народной навсегда. О том, как жил и погиб Саша, и расскажет наша экскурсия. Она так и называется: «Имени Саши Филиппова». Экскурсия начнется с Советского района, с улицы, на которой жил Саша, вы побываете у школы, куда каждое утро он спешил с ребятами. А сейчас мы тихо, спокойно, не толкаясь, сядем в автобус и поедem на улицу Саши Филиппова, к дому, в котором он родился и вырос...

Делать мне было нечего, в Ленинград я улетал завтра. Я попросил разрешения сесть в автобус и покатил с первоклашками по Волгограду, к улице Саши Филиппова.

В автобусе познакомились. Экскурсовода звали Нина, мы разговорились.

— Я недавно стала водить эти экскурсии, и уже замучилась, — жаловалась Нина. — Кому пришла такая мысль — сделать экскурсию «Имени Саши Филиппова» для детей младшего возраста?

Автобус остановился. И снова пошел тот же скучный, заученный текст:

— Мы находимся на территории Советского района города в поселке Дар-гора. До сих пор его так и называют. Около ста лет назад здесь поселились жители Царицына, пострадавшие от пожара... Каждый житель этого района знает улицу Саши Филиппова...

Узкая улочка, поросшая алычой и вишнями, деревянные домики со ставенками. Дом Саши ничем не отличается от других, его выделяет только мемориальная доска: «В этом доме родился и жил Саша Филиппов, комсомолец, юный разведчик, зверски замученный фашистами в 1942 году».

— А сейчас кто живет в этом

доме? — спросил какой-то мальчишка.

— Сестра Саши, Вера Александровна. Родители Саши умерли несколько лет назад, они жили в этом доме. Отец — Александр Тимофеевич, и мама — Евдокия Афанасьевна. Сейчас мы пройдем немного вверх по улице, к школе, в которой учился Саша...

Школа была небольшая, двухэтажная, обычная школа. Мы попали как раз на перемену. На баскетбольной площадке гулко бухал мяч — две команды, человек по пять в каждой, играли в футбол, в одни ворота. Штангами здесь служили два кирпича. Какой-то чернявый мальчишка, он был меньше всех на площадке, обыграл одного, второго, третьего, четвертого, за ним уже бегал длинный хвост, а он ловко продолжал обыгрывать одного за другим, никому не отдавая мяча...

— Степа, кончай водиться! — запальчиво кричали футболисты. — Договорились же — играем в пас!

Маленький Степа, однако, и не думал ни с кем делиться мячом, он настойчиво продолжал «водиться», пока мяч у него все-таки не отобрали...

— В свободное от уроков время Саша вместе с отцом работал в саду, занимался столярным делом, с детства стремился научиться полезному делу, хотел как можно скорее работать самостоятельно, материально помогать семье...

Нину уже не слушали совсем. Мальчишки с интересом следили за футбольной баталией, девочки — за сверстницами, играющими в «классики». В дальнем углу дымился костер — там сжигали сухие листья, и дым от костра медленно плыл по школьному двору, напоминающая о том, что лето уже кончилось...

Настроение было паршивым. Редакционного задания я не выполнил, очерка не получится.

— Еще живы люди, которые хорошо помнят Сашу Филип-

пова, — его учителя, сверстники, родственники. В Волгограде живут родные брат и сестра Саши — Вера Александровна и Константин Александрович, директор школы Алексей Иванович Буланов. В Ленинграде живет участник Сталинградской битвы, разведчик, который отправлял Сашу на последнее задание...

Мы снова сели в автобус, поехали на Чарджуйскую улицу, где была немецкая комендатура. Нина еще много рассказывала, а я уже знал точно — очерк будет. В Ленинграде я встречу с разведчиком, который давал задание Саше Филиппову, и он расскажет мне все, что знает о юном герое. Живой расскажет о живом.

Фамилии разведчика Нина не помнила, адреса тоже. Обещала узнать в экскурсионном бюро. Договорились встретиться на следующий день, у памятника Саше. Возвращаясь в гостиницу, я сочинял в уме начало очерка. Решил начать так: рано утром к памятнику юного героя-разведчика пришел пожилой человек. Положил к подножию живые цветы, сел на лавочку. И долго сидел, о чем-то задумавшись. О чем он думал? Он думал о том, что бронзовый Саша совсем не похож на того мальчишку из далекого сорок второго года, память о котором до сих пор отзывается болью в сердце...

Утром следующего дня мы снова встретились у памятника. Нина сдержала свое обещание.

— Записывайте. Иван Николаевич Николаев. Живет в Ленинграде. Улица Третья Советская, дом двадцать, квартира шесть.

— Спасибо, — машинально поблагодарил я. Третья Советская? Да ведь это же рядом с нашей редакцией!

ГЛАВА 2

САША И МАРИЯ

Я в гостях у Ивана Николаевича Николаева, в старом доме на Третьей Советской улице.

Комната Николаева не то

чтобы маленькая, но очень уж здесь тесно. Пока хозяин варит на кухне кофе, рассматриваю обстановку. Глухая стена занята книжным стеллажом — от пола до потолка. Большой письменный стол, пишущая машинка, горы бумаги, стопки книг. Лампа с зеленым абажуром. Кровать, рядом гантели. Небольшой круглый стол посредине. У стеллажа с книгами два мягких, низких кресла. Уютно. Звуки из коридора и соседних комнат сюда не доносятся — звукоизоляция в старых петербургских домах отменная.

Комната похожа на кабинет писателя или старого, заслуженного профессора. Когда я поделился своим открытием с хозяином, Николаев засмеялся и сказал, показывая на письменный стол:

— Я, конечно, не профессиональный писатель, но вот уже несколько лет пишу книгу «Вспоминая дороги войны». Хочу вспомнить и рассказать все, что я видел, от первого до последнего дня войны.

— Тесновато живете, Иван Николаевич.

— А вы думаете, ветерану войны не дали отдельной квартиры? Была у меня квартира, двухкомнатная. Старшему сыну отдал. А нам с Марьей Григорьевной и здесь неплохо.

О встрече мы договаривались по телефону, и я опасался, что Иван Николаевич не очень откровенный собеседник — к моей просьбе рассказать о Саше Филиппове он отнесся без особого энтузиазма.

Я ошибся. Мой собеседник оказался человеком общительным, как сейчас принято говорить — контактным. Лицо изрезано морщинами — словно реки на географической карте. Голос слегка хриплый — курит «Беломор». А глаза молодые, веселые, умные. Только изредка, я заметил, они теряли обычную веселость, взгляд на мгновение становился острым и изучающим. Это случалось, когда он выслушивал очередной вопрос.

— Расскажите, Иван Николаевич, о Саше Филиппове.

— А почему вы заинтересовались Сашей?

Я рассказал о своей поездке в Волгоград.

— Вы слушали текст экскурсии «Имени Саши Филиппова»? Как он вам?

— Текст как текст. Может быть, немного суховато. Дети плохо слушают.

— То, что суховато, полбеда. Там вранья больше половины. Во всяком случае, в той части, где говорится о работе Саши в разведке.

— Как же так?

И снова я поймал на себе мгновенный, изучающий взгляд.

— О Филиппове написано много. Я не писал о Саше никогда, хотя часто просили — газеты, журналы. Писали другие. Кто лучше, кто хуже, но врал все.

— Почему же вы не расскажете правду?

— Давайте так: я расскажу все, что знаю, а потом будем делать выводы.

БРАТ И СЕСТРА

рассказ И. Н. НИКОЛАЕВА,
подполковника в отставке,
бывшего начальника разведки
96-й отдельной стрелковой бригады
7-го стрелкового корпуса
64-й армии

Как-то на досуге я подсчитал: из 1418 дней войны 1150 я был на передовой, войсковым разведчиком, 200 пролежал в госпиталях, остальные шестьдесят восемь — на формировании.

Участвовал в пограничных боях за Мурманском в июле 1941 года, тонул во льдах Ладожского озера, воевал на Курской дуге, когда фашистские танки утюжили наши окопы. Помню развалины Дрездена, Оллау, ночные поиски «языка» на румынской, польской, чехословацкой землях. На Эльбе встречался с американскими солдатами, видел восставшую Прагу.

Но особенно врезались в память события зимы 1942—43 годов.

В декабре сорок второго наша бригада находилась под Сталинградом, в поселке Бекетовка. В то время я был началь-

Саша Филиппов. Фото 1941 года

Начальник разведки 96-й отдельной стрелковой бригады старший лейтенант И. Н. Николаев. Фото 1943 года

ником разведки бригады. После окружения немецкой группировки в Сталинграде в ноябре сорок второго командование фронта сообщило, что окружено около 90 тысяч человек. Было решено немедленно уничтожить окруженную группировку. Но когда мы перешли в наступление, то встретили многоэшелонное организованное сопротивление. Понесли потери. Возник вопрос: а сколько же на самом деле окружено?

Перед разведчиками поставили задачу — уточнить количество и состав окруженных. Но регулярные ночные поиски не давали результата. Мы не могли пробиться в тыл дальше третьей траншеи противника, потому что она была буквально забита немецкими солдатами. Наши ночные вылазки заставили немецкое командование до двух третей войск ночью держать в полной боевой готовности.

И тогда штаб фронта принял

решение: организовать разведку силами местных жителей, которые смогли бы пробраться в глубину обороны, в город, и добыть нужные нам сведения.

Так в бригаде появился помощник начальника разведки Семенихин Владимир Андреевич. Его задачей было готовить разведчиков: поведение в тылу противника, знакомство с опознавательными знаками немецких войск в Сталинграде, знание того или иного оружия, разработка для каждого разведчика своей «легенды». Эта подготовка проводилась в Бекетовке, где у нас был специальный дом, оставленный жителями. Разведчики находились там до перехода линии фронта.

Мы, войсковые разведчики, должны были сформулировать и поставить конкретную боевую задачу, переправить разведчика через линию фронта, организовать встречу по возвращении, получить данные, обработать их, сравнить с другими, сделать

соответствующие выводы и доложить вышестоящему начальству.

В декабре нашей бригаде был дан приказ: ударить по противнику в районе Ельшанки и Даргоры, и оттянуть на себя как можно большее количество фашистов. Чтобы подготовиться к такому удару, нужны были точные данные о дислокации немецких войск, артбатарея, штабов и т. д. Задача сложная, выполнить ее могли только люди, хорошо знающие местность и сам город. Людей для агентурной работы нам присылали из штаба корпуса или непосредственно из городского комитета комсомола. Так к нам прибыли Саша Филиппов и Мария Ускова.

Сначала о Саше.

Он был совсем еще мальчишка, к началу войны успел закончить семь классов и вступить в комсомол. Невысокий ростом, широкоплечий, черноглазый. Серьезный, упрямый взгляд.

Он был признанным лидером среди своих сверстников, за словом в карман не лез, при случае легко пускал в ход кулаки. Никогда не трусил и не сомневался в себе.

Через несколько лет после войны, в начале пятидесятых годов, я прочитал воспоминания отца Саши Филиппова. Александр Тимофеевич писал, что в семье было шесть сыновей и три дочери. Четверо старших ушли на фронт, младшему Косте было пять лет, Саше — пятнадцать. К началу войны Саша уже имел две специальности — на заводе «Красный Октябрь» сдал экзамен на слесаря, а в артели имени Шаумяна — на мастера по сапожному делу.

Комсомолка Маша Ускова была старше Саши на несколько лет. Жизнь ее, вероятно, сложилась нелегко, хотя о ее доверенной жизни я почти ничего не знал. Знал, что Мария жила одна, родных у нее не было. Еще до войны, работая на каком-то заводе, она покалечила левую руку, и рука высохла, стала неживая. Мария заправляла искалеченную руку под поясок кофты. Поначалу я сомневался, сможет ли Мария выполнять разведзадания. Да и не по себе было посылать в разведку девушку-инвалида.

Все мои опасения оказались напрасными. У Маши была великолепная память, особенно зрительная. Она легко и быстро запоминала немецкие опознавательные знаки, которые мы показывали ей, калибры орудий, сразу освоила карту. Беспрекословно выполняла приказы. Маша понимала серьезность и необходимость такой подготовки. Поэтому, когда в разведку она ходила с Сашей, ее назначали старшей.

Несколько раз разведчики переходили линию фронта и доставляли в штаб бригады ценные сведения, которые всегда подтверждались. В расположении части Сашу и Марию видели многие, но кто они такие, какие выполняют задания, знали только трое: начальник штаба майор Аглицкий, старший лейтенант Семенихин и я. Мы и провожали Сашу и Марию в их последнюю разведку. С на-

ми были бойцы разведроты Сергей Шипоренко, Михаил Рахимов, Коля Степанов.

Конкретное задание: разведать оборонительную систему немцев в районе Ельшанки и дальше, на Дар-горе, где жили родители Саши, уточнить расположение штабов и артбатарей, наличие танков, минных полей и так далее.

Линия фронта проходила по Купоросной балке — неглубокому оврагу, который тянулся на несколько километров. Справа — обрывистый берег Волги, слева — Лапшин Сад. Решено было переходить рядом с берегом, в наименее укрепленном районе.

Ночь была темная, безлунная. Мела легкая метель. Тихо, никаких выстрелов. Саша и Мария сняли маскхалаты, оставшись в своей обычной одежде, в какой всегда ходили на задание. На Маше — старенький ватник, за спиной торба с продуктами. Саша в черном драповом пальто не по росту, на голове шапка-кубанка. Эту шапку Саше пошили бойцы нашей бригады. Разведчики были готовы выполнить задание.

«Легенда» у Саши и Марии была прежняя — «брат и сестра». Сестра с братом ходят по окрестным селам, меняют вещи на продукты. В то голодное время жители оккупированных районов города часто отлучались в соседние села в поисках пропитания. В торбах у Саши и Марии лежали черствый хлеб, старое сало, крупа.

Сергей Шипоренко привязал к Сашиной руке шпагат, другой конец держал сам. Один рывок — можно ползти, два — лежать на месте. Саша и Мария спустились в балку. Прошло несколько минут, мы вели наблюдение. Ничего подозрительного. Шипоренко дернул веревку — пошли! Ответный рывок — поняли! Мы ждали еще час и ушли, убедившись, что разведчики благополучно перешли линию фронта. Оставили двух бойцов с пулеметами. Теперь здесь будет дежурство — трое суток — срок выполнения задания. Степанов и Рахимов должны были встре-

тить разведчиков в любое время дня и ночи и прикрыть в случае необходимости.

Прошло трое суток. Саша и Мария не вернулись.

Через несколько дней в Сталинград была переправлена опытная разведчица Федосья Михайловна Пирогова. Вернувшись, она доложила, что Саша и Мария были схвачены немцами и казнены. Их долго держали в комендатуре, пытали и, ничего не добившись от разведчиков, повесили у церкви на Дар-горе. Три дня фашисты не разрешали снимать трупы, а потом ночью, тайно закопали их. Где — этого Пирогова не смогла узнать.

Когда Сталинград был освобожден, нам было дано задание: найти тела Саши и Марии и похоронить их со всеми воинскими почестями. Это была нелегкая задача — город лежал в развалинах, почти все здания были разрушены, не было даже очертаний улиц...

С помощью местных жителей двенадцатого февраля 1943 года специальная комиссия нашей бригады откопала трупы разведчиков и похоронила их в сквере на Рабоче-Крестьянской улице. На могиле был поставлен маленький деревянный памятник.

Саша и Мария выполнили задание. Мы были уверены в этом. Разведчиков схватили у Купоросной балки, у самой линии фронта. Это говорит о том, что они возвращались с задания. Им оставалось только перейти балку в том месте, где их ждали. Но они не успели.

Было много версий и предположений — почему их схватили? Считаю, что наиболее вероятно следующее: Сашу и Марию выследили полицаи, знавшие про частые отлучки Саши из города. Очень возможно, что этими предателями были два перебежчика из нашей бригады, которые перешли на сторону немцев в одной из разведок боем. Один из них был убит при штурме города, другого взяли в плен. Предателя не успели расстрелять, он сам повесился на веревке, сделанной из собственных кальсон.

Командование бригады пред-

ставило Сашу и Марию к награде: ордену Отечественной войны 1 степени. Но случилось так, что наша бригада вскоре была расформирована, мы отправились воевать дальше, на Курскую дугу, а наградные листы, по-видимому, где-то затерялись. Саша Филиппов посмертно был награжден Сталинградским обкомом ВЛКСМ — орденом Боевого Красного Знамени и медалью «За оборону Сталинграда».

А Маша Ускова была... забыта.

...Я часто бываю в Волгограде. Встречаюсь со старыми фронтовыми друзьями, брожу по городу, по берегу Волги, и все вспоминаю, вспоминаю...

Вот я иду по улице Саши Филиппова, вижу дом, в котором он жил, мемориальную доску на нем. На Рабоче-Крестьянской улице всегда останавливаюсь у памятника Саше. И будто бы не прошло с тех пор четыре десятка лет, и Саша, как живой, перед моими глазами — слышу его голос, вижу независимую, слегка вразвалочку походку и лихо заломленную набок шапку-кубанку.

И вижу Марию. Я всегда вижу их рядом. Черная ночь, метет поземка, справа затянута льдом Волга, бойцы в маскхалатах — Саша и Мария идут в свою последнюю разведку. Как

брат и старшая сестра. Для меня они такими и остались — неразлучными в жизни и смерти.

ГЛАВА 3

РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО

— Как это могло произойти? Почему была забыта Мария?

— Тут много причин. Наградные листы, как я уже говорил, потерялись — это случилось на войне, хотя и не часто. Сашу, как известно, наградили позже. Почему не представили к награде Марию? Можно только гадать. Мы уже воевали далеко от Сталинграда и ничего не могли рассказать о ней. Родных у нее не было, в Бекетовке, естественно, никто не знал о работе Марии в разведке. А Саша был знаменитостью — вся Дар-гора знала его, и он знал всех. У Саши остались мать, отец, братья и сестры, учителя, которые учили его в школе, соседи и знакомые... У Марии не было никого.

— Иван Николаевич, существуют ли какие-нибудь документальные данные, где говорится, что Мария была казнена вместе с Сашей?

— Вот, прочитайте. Это цитата из книги первого секретаря Сталинградского обкома партии Алексея Семеновича Чуянова «На стремнине века».

«...Начальник разведки 96 стрелковой бригады, действовавшей в Ворошиловском районе города, ...Николаев Иван Николаевич отдельным донесением сообщил, что на Дар-горе фашисты повесили трех наших партизан-разведчиков, комсомольцев. Среди них Саша Филиппов. Ему только исполнилось шестнадцать лет...»

— Но здесь нет фамилии Усковой! И почему он пишет, что повесили троих?

— Потому что третьим был какой-то неизвестный парень. Впервые мы узнали о нем от Федосьи Михайловны Пироговой, потом — от очевидцев, которые сами видели казнь. Никто этого парня не знает. Как он оказался вместе с Сашей и Марией — неизвестно. Мы похоронили его в той же могиле.

— А вы пытались восстановить истину?

— Уже много лет пытаюсь. И единственное, чего добился — того, что из текста экскурсии «Имени Саши Филиппова» вообще выбросили сведения о Марии. Не удивляйтесь, это действительно достижение. У меня есть старый текст, можете убедиться.

Николаев достал из стола старую, пожелтевшую папку с текстом экскурсии. На титульном листе значилось, что он был составлен в 1976 году Волгоградским бюро путешествий и экскурсий. На семнадцатой странице впервые была упомянута Мария Ускова.

70 ВЛКСМ

В октябре 1918 года в Москве открылся Первый съезд Российского коммунистического союза молодежи.

Республика была единым военным лагерем. На восемь тысяч километров растянулись фронты гражданской войны.

Пятьдесят боевых отрядов отправляет комсомол Петрограда на борьбу с Юденичем.

Тридцать восемь тысяч комсомольцев в возрасте от 16 лет направлены на Южный фронт.

5103 юных героя в годы

гражданской войны удостоены высшей награды революции — ордена Красного Знамени. В огне боев гражданской

войны рождался Ленинский комсомол. К осени 1920 года ряды комсомольцев выросли в двадцать раз!

«...Мария Ускова была студентка Московского химико-технологического института, куда она поступила после школы без экзаменов, закончив школу с отличием. В войну Мария с сестрой переехали в Сталинград. Эта волевая девушка с черными глазами, непокорными каштановыми локонами работала на окопах. А когда фашисты оккупировали Сталинград, убили ее сестру, Мария ушла в разведку. Как хорошо знающей немецкий язык ей поручали немало сложных операций. На этот раз в разведку она пошла вместе с Сашей под видом брата и сестры. Вроде бы они хотят поменять вещи на продукты. Была зима, холодно. Ночью они попросились переночевать к одной старухе, полицай их выследил и выдал немцам».

А вот как описывалась казнь разведчиков:

«Когда в декабре 1942 г. партизаны /М. Ускова и С. Филиппов/ были схвачены фашистами, то их привели сюда. Этот дом Саше был знаком. На карнизе дома висела табличка на русском и немецком: «Комендатура».

Арестованных встретил высокий пожилой офицер, он посмотрел на партизан и приказал отвести их в небольшой домик, где была камера предварительного заключения. Немецкие солдаты погнались арестованных, подталкивая прикладами автоматов. Мрачно выглядела камера предварительного заключения. В ней было темно. В маленькое окошечко, заделанное железной решеткой, еле-еле проникал свет. Через несколько часов сюда же в камеру толкнули парня (имя его неизвестно). Он упал, повалился на пол. Мария и Саша подбежали к нему, помогли подняться на ноги. Саша взглянул на измученное лицо парня с большими кровоподтеками под глазами. Теперь в камере их было трое. Здесь их свела одна судьба. Все они любили свой народ, свою Родину. Во имя мира и счастья на земле они шли на подвиги. Герои были уверены в том, что будет стерт с лица земли ненавистный фашизм. Вот почему партизаны не шли ни на какие уговоры, когда им предлагали деньги, обещали жизнь и свободу. Ведь эти палачи, безжалостные люди, запугивали партизан, рассказывая им о том, что в Сибири стоят морозы по 50 и 60 градусов, там на лету замерзают птицы, люди спят в шубах. Но героев ничего не пугало. Находясь в камере, Саша думал только об одном — убежать к своим и все рассказать. Трое суток он провел в камере. Его допрашивали, а после допросов юноша подвергался нечеловеческим пыткам. Палачи избивали Сашу плеткой. Но он не молил о пощаде, когда ему ко лбу прикладывали горящую сигарету, когда выворачивали руки.

Так трое суток напролет,
От пыток став, как тень,
Ждал сталинградец-патриот
Последний в жизни день.

И он наступил.

После мучительных пыток разведчиков повели на казнь. Вот мы и поедem по дороге, по которой Сашу вели на казнь. Это был последний путь. 7 де-

кабря 1942 года. Стоял мороз. Солнце низко нависло над заснеженными крышами. Падали снежинки. В такой холодный морозный день Саша шел по снегу, словно по горячему песку.

Снег под ногами, словно холст,
Вдали стоит мороз.

И гордо, смело, во весь рост
Сашок на смерть идет.

Бессильная, безысходная ярость душила Филиппова — убежать и только убежать. Он знал, куда и зачем его ведут.

...Арестованных подвели к дереву. Саша поднял глаза и увидел, что на акации, как змеи, висели три веревочных петли. Он знал, что идут последние минуты его жизни. Но Саша не встал на колени и не стал просить пощады. В последний раз обратился гестаповец к Саше с вопросом: «Если расскажешь все — отпустим».

Саша ответил: «Ты, гад, за кого меня принимаешь? Нас не возьмешь и все равно вам всем крышка!» После этого он вступил в борьбу с мерзавцами, пытался бежать, но не удалось. Долгое время сопротивлялся, но палачи связали ему руки, поставили на ящик, и холодная веревка обвила Сашину шею. Он напряг все силы и крикнул: «Все равно наши придут и перебьют вас всех, как бешеных собак!»

Ящик выбили. Тело повисло на веревке».

— В этом тексте — сплошные выдумки. С какой это стати мы стали бы посылать разведчиков в район завода «Красный Октябрь»? Это в другом конце города, а нас интересовали сведения о противнике непосредственно перед фронтом наступления бригады. О Маше Усковой и говорить нечего — здесь она превратилась в студентку московского института, прекрасно знавшую немецкий язык...

— Откуда в туристском бюро брали эти сведения?

— Из книги волгоградского литератора Александра Ивановича Ширяева, называется книга «На заре». Это повесть о Саше Филиппове. Вышла она в конце пятидесятых годов и, как это часто бывает, люди стали воспринимать эту книгу как документальную — что написано, то и было. А было-то совсем не так. Я написал письмо Ширяеву, он мне ответил. Сейчас найду письмо, прочитаю его.

Письма Николаев хранил отдельно, в огромной дерматиновой папке, скорее, даже не папке, а портфеле.

— Это все переписка с Волгоградом. Со школами, с официальными учреждениями. Вот

вы спрашивали — пытался ли я восстановить справедливость? Пытался, в этих письмах и есть ответ на вопрос. Только переписка эта так и осталась перепиской. Вот оно, письмо от Ширяева.

«Уважаемый Иван Николаевич! Получил от Вас сразу два письма — на Союз писателей и на дом. Благодарю.

О туристском маршруте «Имени Саши Филиппова» слышу впервые от Вас. Очень хорошо, что Вы хотите внести ясность в этот вопрос, в историю Саши и Марии, тем более, Вы были участником Сталинградской битвы.

Моя повесть «На заре», подчеркиваю, художественная повесть, не преследовала цели дать перечень мест, событий и т. д. Поэтому Вам лучше знать, где действовал Саша Филиппов, Вы ведь были связаны с ним.

О Марии Усковой. В книге это вымышленный образ. Я ничего не знаю о ней. Ее биографию я придумал. Так что если Вы располагаете документальными данными о Марии Усковой — это замечательно...»

— Вот и судите сами. Сорок с лишком лет прошло с тех пор. История Саши Филиппова стала как бы незыблемой, официальной. И кому какое дело сейчас до того, что в этой истории — правда, а что — вымысел. О Маше вообще не знают. Так, слышали кое-что, краем уха, была какая-то студентка...

— И все же непонятно, сразу после войны были ведь в Сталинграде люди, которые знали о Марии? Работники обкома, райкома комсомола, местные жители, которые видели казнь. Вы сами говорите — на могиле был поставлен деревянный памятник и на нем — имена Саши и Марии.

— С памятником тоже странная история вышла. Несколько лет назад я узнал — после захоронения фамилия Марии с памятника исчезла. Кто-то стер, уничтожил ее.

— Почему?

— Это самый больной вопрос. Потому, что кто-то пустил слух, будто бы Мария выдала Сашу, что она — предательница. В появлении этого слуха ничего странного нет — немцы сами распространяли подобную информацию, чтобы опорочить честных людей. Но известно и то, что людская молва бывает очень стойкой и продолжительной...

Продолжение на стр. 17.

В ПЕРВОМ БОЮ

Сергея Воронина призвали в армию в 1985 году.

Через три месяца он уже служил в одном из подразделений на севере Афганистана.

Молодых солдат в Афганистане сразу на боевые действия не берут. Дают возможность оглядеться, привыкнуть к обстановке. Его военные будни начались с самого простого, как считалось в их подразделении, дела — сопровождения автоколонны, идущей в Советский Союз.

Но однажды командир получил приказ выручить афганских солдат, попавших в засаду. На выручку пошел разведвзвод, в котором служил Сергей. Шли на предельной скорости. Впереди — гусеничная боевая машина пехоты, за ней — два бронетранспортера. Кишлак стоял на возвышенности в окружении залитых водой рисовых полей — чеков.

Опасаясь минирования, машины пошли по полям. БМП проскочила, а колесный бронетранспортер завяз.

Воронин ехал на замыкающей машине. Они тоже остановились, завели трос, стали вытаскивать увязшую в грязи машину.

Слышат — впереди стрельба, выстрелы, разрывы, но не отвлекаются особенно — война. Обычное дело. В своих ребятах, ушедших вперед, они были уверены.

И тут по радиации им сообщили: головная БМП подбита!

Бросили они тросы и буксир, прыгнули на броню, понеслись в горы. Видят — стоит подбитая безэпешка, чадит густым черным дымом. А навстречу им экипаж и десант. Кто контужен, кто обгорел слегка, но все живые...

— Осторожно, ребята! — кричат. — Там у них в низинке безоткатное орудие! Пулеметами можно достать с фланга.

Они спешили, стали решать, что делать дальше. И вдруг кто-то говорит:

— Смирненко, нашего оператора-наводчика, нет!.. Кто видел?

Как он из БМП вылез — видели все. Снаряд угодил в моторный отсек, экипаж почти не пострадал... Но куда же он делся потом?

Воронин схватил пулемет, побежал по руслу арыка в горку. Слышит — рядом топает кто-то, оглянулся. Догоняет его товарищ с двумя коробками, в которых пулеметные ленты.

— Куда столько? — удивился Сергей. — До утра воевать собираешься?

— Там видно будет. Ты лучше мне пулемет отдай. Тащи патроны.

Поднялись они наверх, залегли, огляделись. Рядом — рукой подать — их подбитая БМП, а не подойти, открытое место. А внизу у безоткатки, спрятанной в кустах, — мятежники возьматся. В наушниках, чтобы не глохнуть от выстрелов.

Товарищ его к пулемету прикинул:

— Патроны оставь! Давай! Я тебя прикрою. Подыми, Серега!

Воронин бросил дымовую гранату, еще одну. Пулеметчик создал такую плотность огня, что противник и высунуться не смел.

При такой стрельбе ствол раскалится выстрелов через пятьсот, а потом его нужно будет менять. Только нет у них на это времени! Значит — в распоряжении Воронина всего несколько минут. Он должен успеть сделать все!

Он обшарил почти всю высоту. Нет оператора. И вдруг, пробегая мимо горящей машины, увидел... Лежит у самой двери. Убит... Обгорел весь... Видно, когда пробежал мимо БМП, прикрывая отход своих ребят, рвануло топливо в баках — они как раз в задних дверях машины находятся. Полоснуло его огненной струей...

Банду они разгромили в пыль... Что делал, как воевал в тот день, Воронин не помнит. Наверное, хорошо и умело, потому что был награжден за него орденом Красной Звезды.

Б. ИПАТОВ

МАФАФА

Всесоюзному Ленинскому Коммунистическому Союзу молодежи - 70 лет!

Журнал
Юнкоры
печатает
твои
заметки,
стихи,
рисунки

Как мама была вожатой

Недавно моя мама рассказала, как она была вожатой. Тогда она училась в девятом классе и это было ее комсомольское поручение. Шестиклассники сначала ее не слушались. Особенно один мальчик — Димка, ужасный хулиган и двоечник. Тогда мама однажды подошла к нему и сказала: «Почему ты такой? Давай поговорим откровенно». «Знаю я эти разговоры,— ответил Димка,— опять воспитывать будете». «Нет,— сказала она,— я хочу, чтобы мы стали друзьями». Он согласился и с тех пор стал ее лучшим помощником во всем: во время субботников и походов, при подготовке к сборам и КВН.

А когда этот Димка вырос и вернулся из армии, он первым делом пришел к маме, и они долго вспоминали свои школьные годы.

Слушая маму, я думал, а кто вожатый нашего отряда? Говорят, кого-то назначили, но я его до сих пор не видел.

Костя Ларионов,
Ташкент

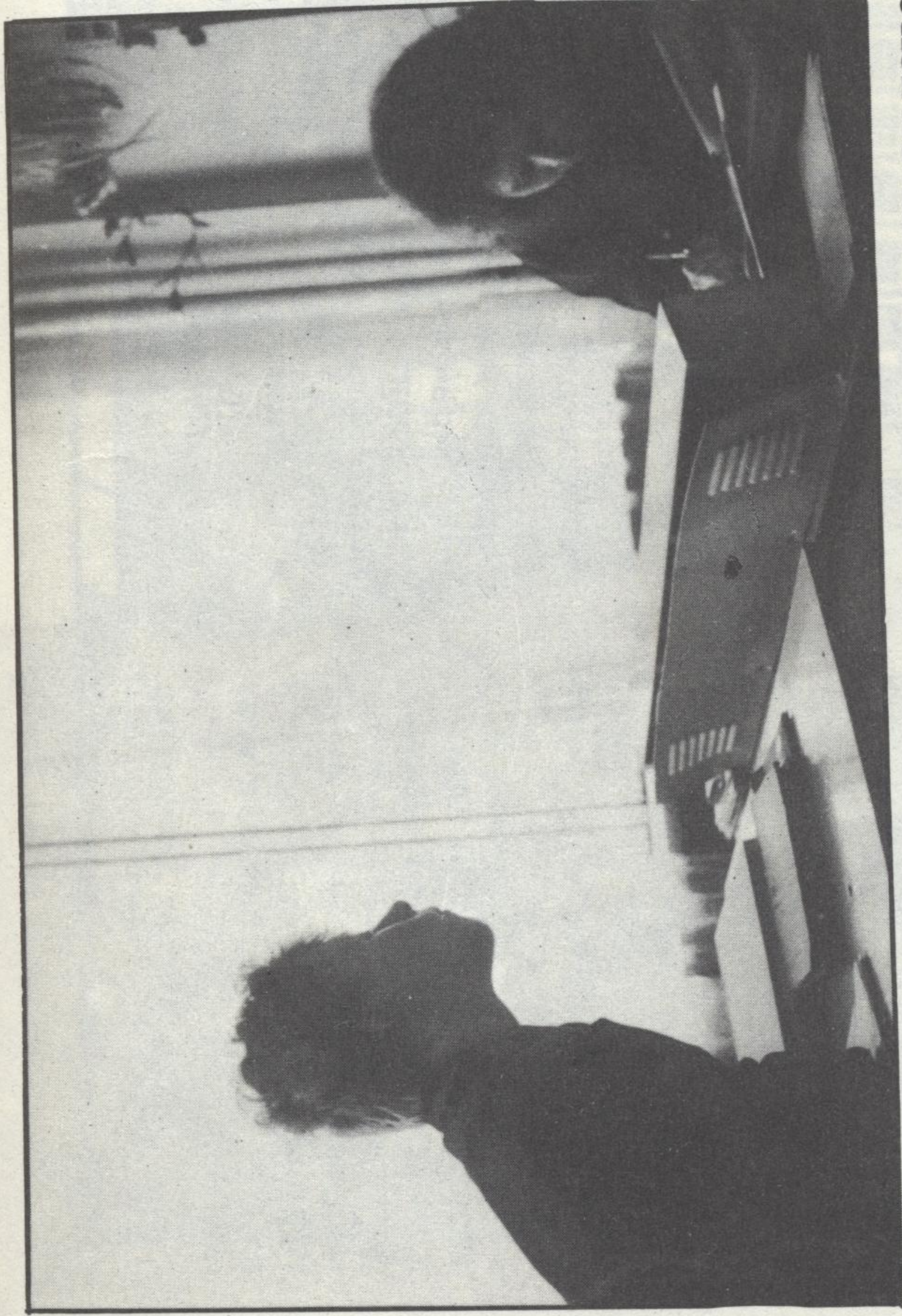
А почему бы и нет?

Наши шефы — 8-б класс. Но дружба с ними не получается. Обещают в чем-нибудь помочь и забывают о своем обещании. А как бы хорошо пойти вместе на экскурсию, послушать их рассказ о чем-нибудь интересном, поспорить. Мне кажется, многие из восьмиклассников даже не знают, что они наши шефы. А может, нам взять над ними шефство?

Диана Уразаева,
5 класс, школа № 8,
Кириши

У мамы 4^я — замечательная вожа-
тая. Она красивая, добрая и
часто бывает с нами. Она сочиняет
песни и мы очень любим их
слушать. Дюмарева Юлия, Красное Село

Фотоконкурс

ЛЮБОПЫТСТВО
Владислав Патенко,
Ленинград

салют, увлеченные!

Сколько себя помню, рисовал только корабли. Потом стал заниматься в судомодельном кружке Дворца пионеров. Начиная с картонных моделей, а сейчас автор двух больших моделей-копий. Недавно был участником Всероссийских соревнований.

Каждый раз, когда иду во Дворец и вижу мальчишек, которые слоняются по улицам, мне хочется сказать им: «Ребята, пойдемте со мной и вы найдете себе дело по душе».

Костя Комаров,
8 класс,
школа № 531,
Ленинград

Руководящие девушки

Классный воспитатель выбирает в совет отряда одних отличников. А отличники у нас только девочки. И мы должны им подчиняться, хотя руководят они неправильно. Вот, например, мы давно боремся с кличками. Одного ученика еще в четвертом классе прозвали «Утюг», но после разговоров на классных часах все утихло, прозвище забыли. А тут отличницкая редколлегия выпустила газету, где снова назвала этого мальчика по кличке. Ну и пошло-поехало...

Саша Ивашкин,
6 класс,
Лукьянов

2 октября — День учителя

Ольга Александровна — наш классный руководитель, всегда доброжелательная, в трудную минуту умеет подбодрить или даст хороший совет. А самое главное — никогда не вмешивается в наши пионерские дела и ничего за нас не решает. В школе Ольга Александровна преподает немецкий язык и труд. На ее уроки мы ходим как на праздник.

Совет отряда 5-го класса
Верх-Сейской школы,
Хакасская автономная область

Моя мама — учительница истории. В школе ее все любят. Я тоже люблю и стараюсь помочь ей по хозяйству. Домой она приходит усталая, но всегда в хорошем настроении. Однажды, когда она возвращалась с работы, я незаметно ее сфотографировала. И, конечно, она не знает, что снимок я послала в «Барабан». Если напечатаете, вот будет сюрприз.

Алена Степанникова,
7 класс, Березовский
Свердловской обл.

По-моему, слово Учитель надо писать с большой буквы, как слово Родина. Не подумайте, что я подлизываюсь к учителям, но ведь они учат нас быть честными и трудолюбивыми.

Настя Иванова,
5 класс, школа № 42,
Красноярск

Привет, Настенька,
Аленочка, классничка,
и привет, Сейской школе
и родителям учителей!

Смешно
и
интересно

Сейчас в нашей стране идет перестройка. Она идет на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах. А у нас в классе все остается по-прежнему. Кто прогуливал, тот и прогуливает. Кто получал двойки, тот и получает. Значит, лодыри против перестройки...

Клим Бешенковский,
4 класс,
Ленинград

В прошлом году к нам в класс пришли двое новеньких — девочка и мальчик. Мальчик сразу же понравился многим девочкам, которые стали наряжаться: носить золотые цепочки, кольца, часы. А девочка понравилась нашим мальчикам. Они начали курить, перечить учителям, да еще навешали на себя всякие цепи и побрякушки. Ни о каких пионерских делах теперь никто даже не вспоминает.

Алена С.,
Якутская АССР

Каждому хочется, чтобы его уважали. Но уважают в первую очередь тех, кто модно одет. Если на тебе колготки в клетку да еще подстрижена черт знает как — тут и авторитет, и ты всегда в центре внимания. А я хочу не одеждой, а делами доказать, что я — личность. И каждый день слышу одно и то же: «Тебе что, больше всех надо?»

Наташа Шалопутина,
Воронежская обл.

Два раза в неделю по два часа работаем на заводе «Металлопосуда». Наклеиваем декоративные рисунки на кружки, миски, кастрюли. За два часа, если очень постараться, можно наклеить декорации на 200 кружек. Одна кружка стоит 0,7 копейки. Но я хотела заработать и ходила на завод пять раз в неделю. За месяц заработала 25 рублей. Больше так работать не хочу! Не подумайте, что я — рвач и мечтаю получить деньги, ничего не делая.

Оля Левиш,
8 класс,
школа № 491,
Ленинград

Много или мало получила Оля за свой труд? Приглашаем всех наших юнкоров и читателей продолжить разговор на эту тему.

Разве это?
правильно?

Пока учитель проверял, как мы дежурили в классе, все было в порядке. Потом проверить поручили мне. Большинство ребят убирало хорошо. Но одна пара убирала безобразно, и я поставил им двойку. Они разозлились и стали говорить, что я угнетатель и что ученики должны учиться, а убираться должны уборщицы.

Мердан Байралиев,
п. Мургаб
Туркменской ССР

Фотоконкурс

ИНТЕРЕСНАЯ КНИГА
Андрей Шибяев,
8 класс, Ленинград

Я не согласна!

Сейчас все кричат: «Самоуправление, самоуправление...» И получается, что хорошие ученики сами собой управляют и сами работают. На них навешивают по несколько поручений и заставляют сидеть на бесконечных заседаниях. А ведь они и в кружки еще ходят. Значит, гулять и дышать свежим воздухом им некогда.

Зато двоечники управляют собой по-другому — целыми днями гоняют в футбол.

Почему такое положение? В отрядах нет вожатых. На все наши просьбы члены комитета комсомола отвечают: «Теперь самоуправление. Со своими двоечниками справляйтесь сами. Вожатые вам не нужны!»

Оля Молодкина,
6-в класс, школа №15,
Стерлитамак

Не пожимают!

Запрещают ходить в кино, если начало в 19 часов. А нам уже по 13—14 лет. Что же, только на утренники ходить, на мультфильмы? А нам и на дискотеку хочется. Мы с секретарем комитета комсомола Ирой Мамонтовой поставили этот вопрос на педсовете. Учителя ответили, что они в наши годы сидели дома. Но мы живем и взроslеем в такое время, когда дома сидеть невозможно.

Наташа Степанова,
председатель совета дружины
Песоцкой школы
Новгородской обл.

«Бригантина» в волнах равнодушия

Эта история началась в тот день, когда меня приняли в комсомол. Я шла радостная, мир казался прекрасным. Вдруг вижу — во дворе нашего дома на дверях подвала — пудовый замок, а на окошках — новенькие решетки.

Почему появились замок и решетки, я не спрашивала. Не секрет, что некоторые подростки любят проводить время в подвалах — приносят вино и «веселятся».

Наш двор окружают шесть пятиэтажных домов, и сколько в нем таких подростков — никто даже не считал. Но именно для них наше домоуправление решило открыть подростковый клуб — как раз освободилась трехкомнатная квартира. С трудом нашли воспитателя — мало желающих идти на такую хлопотную должность. Но пока ребята приглядывались к клубу,

воспитатель ушла, а замену ей найти не смогли...

И когда комитет комсомола школы предложил мне создать сводный дворовый отряд, я охотно согласилась. В отряд записалось 32 человека. Я стала комиссаром отряда, а двое моих одноклассников — командирами. Отряд назвали «Бригантина». Придумали девиз:

Пусть не будет скуки, тины
На борту у «Бригантины»!

Первое время мы собирались во дворе, играли или ходили в кино. Но скоро наступили холода. «Бригантина» нуждалась в удобной и надежной гавани. Тут я и вспомнила о свободном помещении дворового клуба. Но попасть в него оказалось совсем не простым делом. В домоуправлении категорически заявили: «Без взрослого ключ не дадим!» Я ходила, просила,

умоляла, требовала — все безрезультатно!

До этого я не знала, что у взрослых слово расходится с делом. На словах все обеспокоены проблемой досуга ребят, на деле никто не хочет помочь. И как я благодарна своей маме — видя мое безвыходное положение, она согласилась отвечать за клубное помещение! А ведь мама перед этим долго болела и всякие волнения ей были противопоказаны.

Когда перед нашим отрядом открылись двери клуба, появилась возможность интересно организовать работу. Правда, мы собирались только в воскресенье: всю неделю ребята занимались в школе в разные смены.

Но и за один день успевали многое. Совершали лыжные походы по лесу. Собрали для клуба интересную библиотеку. Ходили на завод, где работает мой папа. А в один из зимних дней провели военную игру. Сшили всем белые маскировочные халаты. Ползали по сугробам, бегали, прятались, сражались за знамя. Сколько было смеха, веселья, когда вспоминали потом свои «боевые» действия!

Так интересно проходило у нас каждое воскресенье. На замки от подвалов никто из наших, конечно, не покушался.

Но однажды позвонили из домоуправления и попросили вернуть ключ. Должна была выйти на работу воспитатель-организатор. Выйти-то она вышла, но тут же уволилась, а мы снова остались без помещения... Впрочем, на улице уже стало теплее.

В конце учебного года я отчитывалась о проделанной работе. В домоуправлении меня поблагодарили. А в школе, когда проводили аттестацию комсомольцев, обещали наградить Почетной грамотой... А я в тот день плакала от обиды: «Бригантина» опять без гавани — куда-то прибьют ее волны равнодушия взрослых?

Оля Кузнецова,
9-а класс,
школа № 5, Березовский
Свердловской обл.

Рисунок Б. Чупова

КОГДА ПОДНИМАЮТСЯ ПЕРВЫМИ

Какая неведомая сила заставляет пионеров жить скучно и делать то, что не хочется?

Почему все за ребят даже в детской организации решают взрослые?

О том, что думают об этом пионеры Пятигорска, мы рассказали в девятом номере журнала «Костер». Мнения ребят были самые разные, но мало кто предложил выход из тупика, и все-таки такие предложения были.

Давайте думать вместе

Из стенограмм пионерской дискуссии в школе № 5

Марат Царгасов, 7 класс: Школьный отряд сам себя изжил. Надо создавать отряды по месту жительства. Но так, чтобы у каждого было свое дело — тимуровская или юнкорская работа, следопытство или моделирование. Из таких отрядов в микрорайоне можно организовать дружину.

Юля Сухарева: А если в этих отрядах нет того, что меня интересует?

Марат Царгасов: Если интересуется, организуй в отряде кружок. Мы все должны делать своими руками.

Голос из зала: А если я плохо учусь, возьмете?

Марат Царгасов: Конечно. И

поможем учиться. По дружбе поможем... Но я еще не сказал о помещениях. В каждом доме есть подвалы, пустые комнаты. Приведем в порядок, отремонтируем.

Женя Кузин: На ремонт требуются деньги. Как ремонт, так проблема с деньгами. А еще они нужны для покупки флага, горнов, барабанов.

Марат Царгасов: Заработаем. Родители помогут.

Голос из зала: Хорошо. Предположим — заработали. А если в отряде будет неинтересно и все разбегутся. Тогда — что?

Марат Царгасов: Все зависит от нас самих. Но хуже, чем сейчас, все равно не будет.

Таня Калтакова: Не согласна. Зачем искать и ремонтировать подвалы, это — лишние трудности. В каждой школе есть удобные помещения. Пусть отряды остаются в школе. Но их нужно по-другому организовать. Не отряд-класс, а отряд по интересам, но одного возраста. С ровесниками всегда интересней.

Голос из зала: А где найдете такого вожатого?

Юля Вращкая: К нам приходят практиканты из пединститута. Попробуем с ними подружиться.

Марат Царгасов: Почему же они до сих пор не оставались? Не знаешь? А я знаю!

Женя Кузин: Вожатый — это профессия. Такая же, как профессия учителя. Учителя руководят классом, нашей учебной, а за отряд должен отвечать вожатый. Юля и Таня предлагают создавать отряды в школе, из ребят одного возраста, то есть из параллельных классов. Что может получиться в жизни? Например, класс идет в поход, а у отряда по плану другое мероприятие. Может так случиться, может?

Ира Кружкова: А я хочу, чтобы отряд был в классе. Чтобы наша дружба не пострадала. Кто будет главным в отряде? У нас в четвертом классе главный — наш руководитель. А вот неизвестному человеку родители не доверят своего ребенка.

Голос из зала: Вы бы назначили родителей. Разве не идея?

Где быть отряду?

А в школе № 14 во время дискуссии о пионерских делах зашел разговор и о том, какой должна быть школа. Учителя только головами качали, одни — в знак одобрения, другие явно не верили в то, что предлагали их ученики. Но что же тут нереального?

«В столовой обеды и завтраки готовить самим ребятам. А шеф-повар пусть только руководит. А если на всех этажах торговать с лотков соками и бутербродами, в буфете не будет очередей».

Лично мы согласны с таким проектом. Пусть попробуют, попытаются. Даже, если не получится, ничего страшного.

«Перемены сделать веселыми — музыкальными и спортивными».

Все правильно. Во многих школах давно так думают.

«Издавать школьный журнал со сказками, стихами, научными статьями учеников». И тут нет ничего фантастического. Давно можно издавать.

«Отменить домашние задания. И оценки — учиться ради знаний».

Молодцы. Первое, о чем подумалось: ребята читали книгу грузинского учителя Амонашвили «Здравствуйте, дети!», и она им понравилась. Но оказалось, что никто эту книгу не читал.

«Самим разрабатывать модели школьной формы». Любопытно. Но почему не предложили, чтобы и шить ее в школьной мастерской?

«У дверей в школу сделать лабиринт с препятствиями, чтобы каждый, прежде чем попасть в школу, сделал небольшую физическую разминку».

Что же получается? А получается вот что: буквально у каждого ученика есть свои идеи и предложения.

И, конечно, интересно узнать, что думают по этому поводу те, кто учит мальчишек и девчонок.

А вы умеете играть?

Почему-то считается, что играть можно только в футбол, шахматы или прятки, что игра — это просто развлечение. А если трудно решить, каким быть городскому совету пионерской организации, из кого он должен состоять — может ли помочь игра?

Во Дворце пионеров, где собрались самые «зубастые» участники дискуссии, были организованы сразу три Совета: из одних взрослых, из одних пионеров и смешанный. Так предложили сами ребята в своих анкетах. И теперь каждый из этих Советов отвечал на вопросы, которые им задавали.

— Как вы связаны с отрядами и дружинами? Кто вас выбирал? Хватит у вас фантазии, чтобы без нас придумывать новое? — сразу атаковали пионеры Совет, в котором были одни взрослые.

И тем, кто на самом деле много лет проработал в таком Совете, пришлось признаться: «До сих пор мы, действительно, были оторваны от вашей жизни. И никто из вас, как выяснилось, даже не подозревал о нашем существовании».

Охотнее всего ребята обращались за помощью в Совет из своих ровесников. Но тем приходилось постоянно просить помощи у взрослых. Действительно, как они могут помочь, если не могут запретить автомашинам ездить через школьный двор? Не могут приказать администрации школы разрешить пионерам работать в колхозе?

Игра игрой, но в результате все убедились: городской совет пионерской организации должен состоять из взрослых и пионеров. И тех и других должен выбирать общий сбор пионерской дружины как своих представителей.

Что же дальше?

— Вот мы тут спорили, напредлагали всего. И все останется по-прежнему? — настороженно спрашивали ребята в конце дискуссии.

В самом деле, можно ли осуществить задуманное? Как?

В. МИХАЙЛОВ,
С. ЦЫМБАЛЕНКО

ЕЁ ЗВАЛИ МАРИЯ

Начало на стр. 4

— Значит, нужно доказать, что Мария, как и Саша, заслуживает памяти, она героиня, разведчица...

— Чтобы доказать, нужно очень многое знать. Кто такая Мария? Откуда она взялась? И была ли она вообще? Где родилась, когда? Где училась, работала? А может, и не было никакой Марии — все это выдумки?

— Но вы-то живы!

— И не только я, есть еще люди, которые помнят Марию. Генерал Аглицкий, например, бывший наш начальник штаба, он сейчас в Москве живет. В Сочи — Сережа Шипоренко, Семенович — в Новосибирске, Замяткин Алексей Иванович — этот в Свердловске... А помнят ли они Марию — не уверен. Очень много лет прошло...

— Но есть люди, которые видели казнь, они подтвердят, что Марию повесили вместе с Сашей.

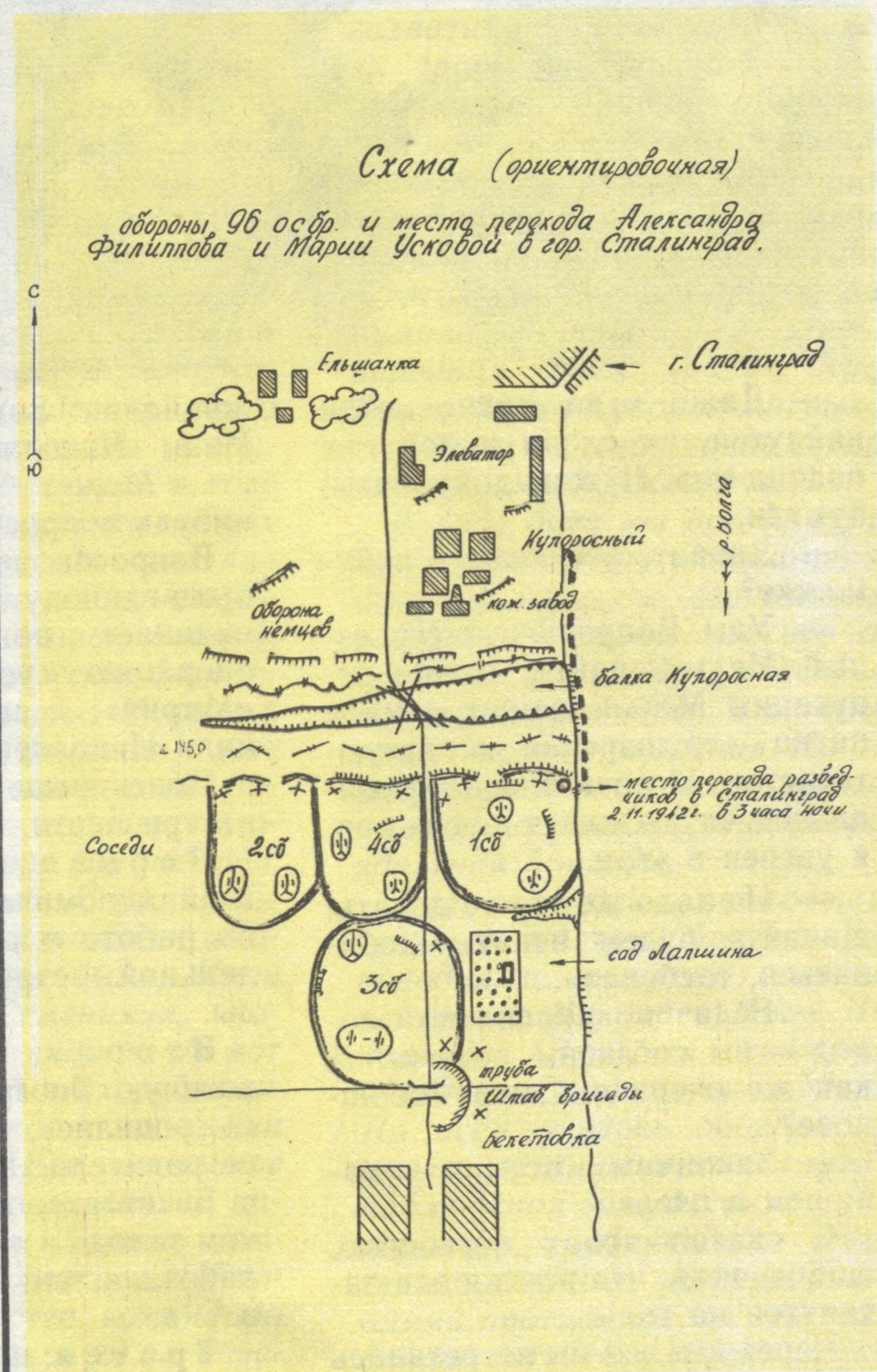
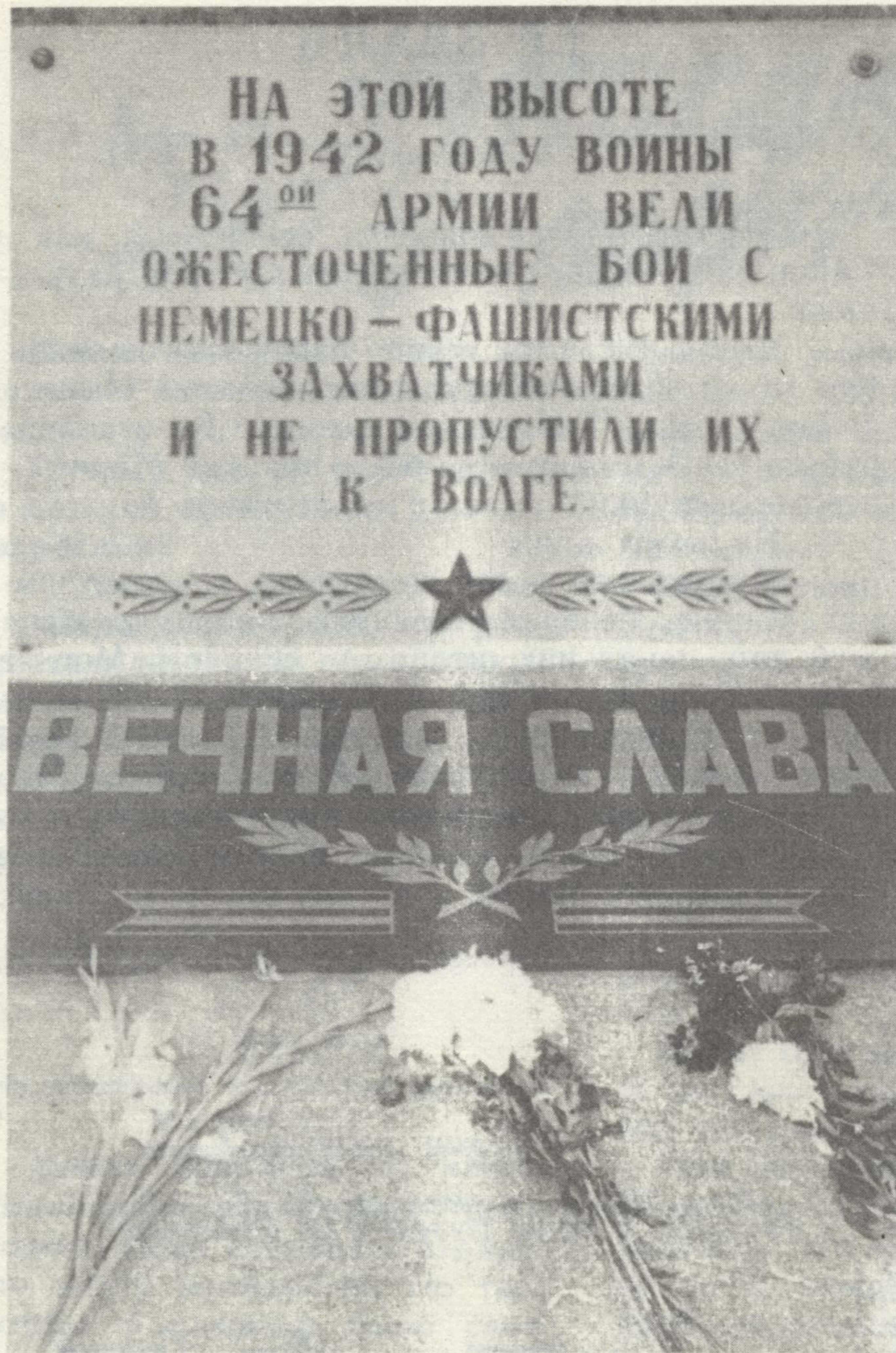
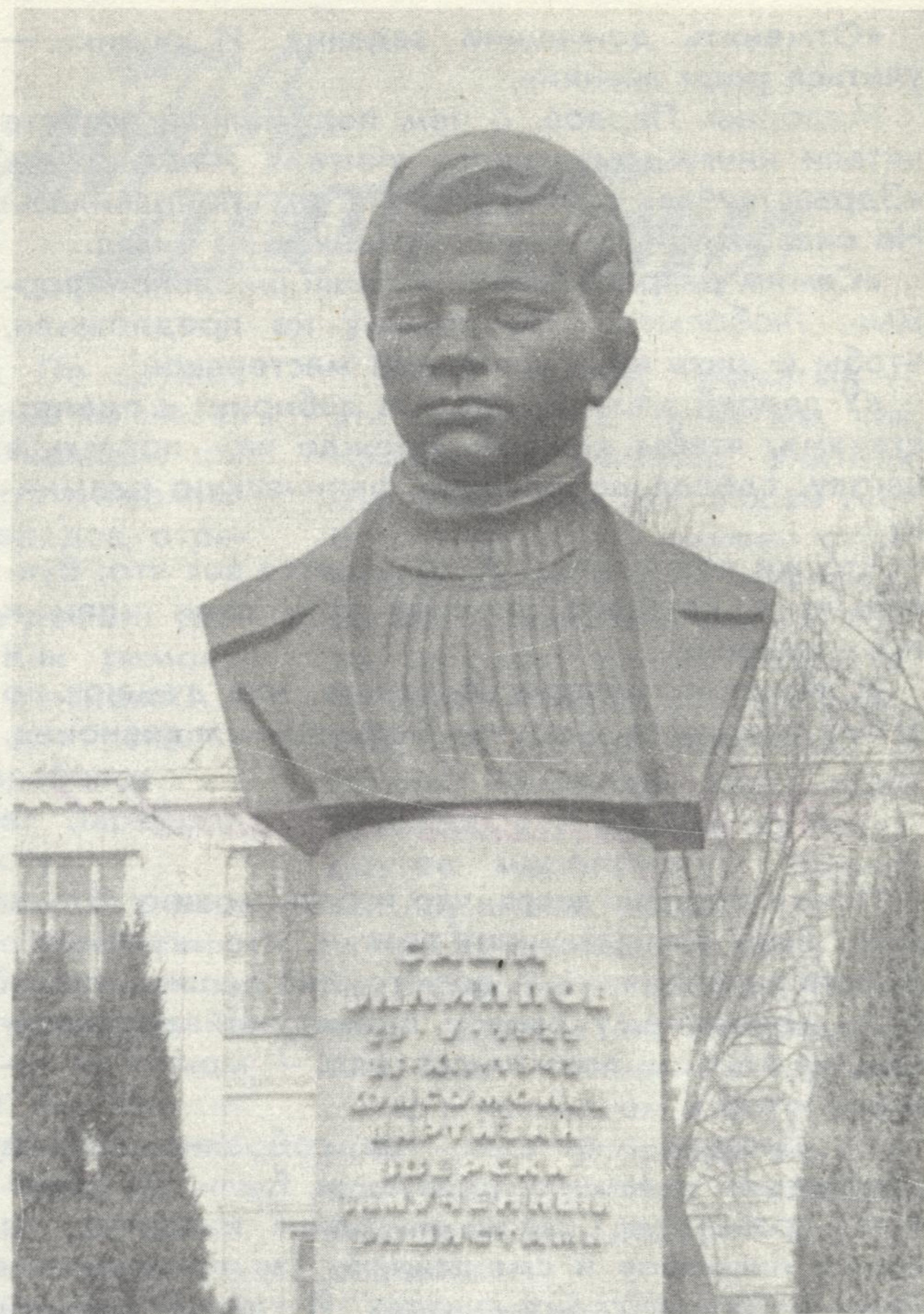

Схема перехода
Саши Филиппова и Марии Усковой в тыл врага.
Восстановлена М. П. Аглицким в 1985 году

НА ЭТОЙ ВЫСОТЕ
В 1942 ГОДУ ВОИНЫ
64ой АРМИИ ВЕЛИ
ОЖЕСТОЧЕННЫЕ БОИ С
НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ
ЗАХВАТЧИКАМИ
И НЕ ПРОПУСТИЛИ ИХ
К ВОЛГЕ.

ВЕЧНАЯ СЛАВА

Памятник Саше Филиппову на Рабоче-Крестьянской улице

— Даже если такие люди найдутся, их слова к делу не подошьешь. Нужны документы, бумаги.

— Значит, все дело — в бумажке?

— Увы. Вопрос очень серьезный. Не забывайте, что на репутации Марии лежит темное пятно — подозрение в предательстве. И хоть оно неофициальное, слухи живут до сих пор, я уверен в этом.

— Но надо же что-то делать! Давайте будем искать, добиваться, требовать...

— Если я правильно понял — вы согласны помочь? А как же очерк о Саше Филиппове?

— Закончим поиски — напишем и очерк.

Я сказал это с легкостью, еще не зная, что поиски эти затянутся на годы...

Через два дня мы встретились с Николаевым вторично, уже в редакции «Костра». На этот раз историю Саши и Марии слушали уже все сотрудники

журнала. Закончив рассказ, Иван Николаевич спросил:

— Может быть, есть какие-нибудь вопросы?

Вопросов не было. Решение было единодушным — «Костер» начинает поиск. Поисковую операцию условно назвали «Мария», возглавить ее поручили Николаеву.

Поиск решено было разбить на три части.

Первая: найти людей, кто знал и помнил Марию Ускову по работе в разведке 96-й отдельной стрелковой бригады.

Вторая: восстановить довоенную биографию Марии — где родилась, училась, кто были ее родители. Найти ее соседей в Бекетовке, выяснить, на каком заводе и в какое время она работала, что это был за завод и т. д.

Третья: попытаться узнать подлинную историю гибели Саши и Марии, найти очевидцев, точно определить место казни.

ГЛАВА 4

«КОСТЕР» НАЧИНАЕТ ПОИСК

Сначала написали письма однополчанам Николаева, которые должны были помнить Марию. Их было четверо. Через несколько дней два ответа были получены.

Первое письмо пришло из Новосибирска.

«Здравствуйте, уважаемые товарищи!»

Пишет вам сын Семенихина Владимира Андреевича, Эдуард Владимирович. Ваше письмо доставило нам и грустные, и приятные минуты. Отец мой умер давно, 14 февраля 1975 года, а ваше письмо мы как раз получили в годовщину его смерти. Хотя мы рады, что вы вспомнили об отце. Если будет возможность и вы встретите знакомых отца, я имею в виду сталинградцев, передавайте им от нас большой привет и пожела-

ния самого хорошего, а главное — здоровья.

Вы интересовались подвигом Саши Филиппова и Марии Усковой. Отец переписывался с волгоградской школой № 14, видимо, он давал туда материалы. Я же могу от себя лично сказать вот что: отец часто рассказывал мне о войне, о Саше Филиппове и Марии Усковой я особенно хорошо запомнил. Отец был помощником начальника разведки 96-й отдельной стрелковой бригады 64-й армии и лично руководил подготовкой Саши и Марии. Рассказывал, как отправлял их в последнюю разведку, как ждали их возвращения и не дождался, как искали их трупы и хоронили на Рабоче-Крестьянской улице. Все это я помню, конечно, только в общих чертах, без подробностей.

Выполняю вашу просьбу, высылаю фото отца.

Всего вам хорошего!»

Второе письмо прислал Николаеву его однополчанин из Свердловска Алексей Иванович Замяткин.

«Здравствуй, дорогой Иван Николаевич!

Сегодня получил твое письмо. Ты называешь меня хранителем истории. Спасибо. Только какой же я хранитель, если не могу всего описать, что знаю, тут надо владеть пером писателя.

Помню, дорогой, что у нас в 96-й особой были двое — мальчик и девочка, которые были повешены гитлеровцами, и помню разговоры о том, что их предали предатели русского народа, которых потом, после второго февраля сорок третьего года наши разведчики нашли и расстреляли. Перехоронили мы их — это помню, а на какой улице — убей, забыл. Помню точно, что представляли мы их к правительственной награде, а к какой — не помню. Передай все это редакции «Костра», а заодно и поздравь сотрудников от меня с приближающимся праздником — 40-летием Победы.

Твой Алексей».

Эти два письма, к сожалению, ничем не могли помочь поиску.

Если бы Владимир Андреевич Семенихин был жив, мы бы получили сведения из первых рук — он должен был хорошо знать довоенную биографию Марии.

Свидетельство Замяткина можно было использовать только как факт — еще один человек помнит. Замяткин не был напрямую связан с Сашей и Марией, поэтому в письме он даже не упоминает их имен.

Вскоре пришло письмо из Сочи, от Сергея Васильевича Шипоренко.

«Здравствуйте, мой дорогой фронтовой однополчанин Иван Николаевич! Спасибо вам и редакции «Костра» за письмо. Прошу простить, что немного задержался с ответом, — болел. Боюсь, не сумею точно ответить на ваши вопросы. Старый я уже стал, память уже не та. Ведь я постоянно сопровождал кого-нибудь на передовую, потому что наша разведрота в основном находилась в землянках около штаба бригады, который располагался в трубе, под полотном железной дороги. Помните нашу знаменитую «Трубу»? Интересно, сохранилась ли она сейчас? Я знаю, что вы, Иван Николаевич, часто бываете в Волгограде. Напишите, что там осталось с того времени, можно ли что-нибудь узнать? Нас всегда посылал командир роты — кого-нибудь из радистов и наших бойцов, знающих расположение батальонов и рот бригады. И кого я сопровождал — фамилий уже не помню. Но пацана и девушку с ним помню хорошо, потому что переводил их не раз. Дело было ночью. С нами еще был, помнится, начальник штаба Аглицкий, вы были, Иван Николаевич, Семенихин, кажется, Коля Степанов. А вот имен и фамилий этих ребят не знаю. Помню, ждали их, а они не вернулись. Все остальное знаю по рассказам, как их нашли, похоронили. Хорошо помню Минеева, Аглицкого и Илюхина, а вот своего командира роты забыл. Так что не обесудьте. Войну я закончил в составе 286-го полка, в мае 1945 года, в Берлине.

Дорогой Иван Николаевич!

Примите от меня поздравления с праздником весны и сорокалетием Победы — самым дорогим для всех фронтовиков праздником! Пусть годы щадят ваше здоровье.

С гвардейским приветом —
Сергей Шипоренко».

Четвертое письмо редакция получила из Москвы, от бывшего начальника штаба 96-й бригады Михаила Павловича Аглицкого.

«Уважаемые товарищи!

По вашей просьбе рассказываю о подвиге наших разведчиков Саши Филиппова и Марии Усковой. В октябре 1942 года, после ранения и контузии начальника штаба 96-й бригады подполковника Минеева В. И. я был назначен на его место. Шли ожесточенные бои, фашисты стремились любой ценой захватить Сталинград, но все их попытки разбивались о прочность нашей обороны. Мы постепенно обескровливали гитлеровцев и уже к середине октября сорок второго года вынудили их перейти к обороне. К этому времени бригада занимала оборону на участке с передним краем: правый берег Волги, балка Купоросная, высота 1450 и тыльная точка северной окраины Бекетовки.

В ходе боев мы всегда стремились знать противника перед фронтом бригады, его сильные и слабые стороны, на что он способен и на что не способен, оценивали его силы и огневые средства, его намерения. На основе этих данных мы организовывали боевые действия подразделений бригады.

Организацией разведывательных действий бригады руководил в то время старший лейтенант Николаев Иван Николаевич. Это был отважный, одаренный офицер-разведчик. На всем участке обороны он умело организовывал службу наблюдения за действиями гитлеровцев, наблюдатели тщательно следили за передвижениями противника, за его поведением в течение суток, засекали огневые позиции пулеметов, минометных батарей и даже расположение вражеских снайперов.

Мы также организовывали глубинную разведку, засылая разведчиков непосредственно в Сталинград. И в этих делах организатором был Николаев.

В населенном пункте в Бекетовке в то время находилась часть жителей города Сталинграда. Они всеми силами старались чем-то нам помочь. Среди них были комсомольцы Александр Филиппов и Мария Ускова, которые не раз ходили в тыл врага. Я их и сейчас хорошо помню, потому что сам лично провожал их в разведку в Сталинград. Александр Филиппов — парень невысокого роста, подвижный, находчивый. Мария Ускова — неприметная девушка, светловолосая, по характеру настойчивая, мужественная, обладала отменной наблюдательностью и памятью, имела большое желание работать в тылу врага.

Оба они хорошо знали расположение улиц, закоулков, оврагов. После тщательной подготовки на местности Филиппова и Ускову 11 или 12 декабря 1942 года на участке обороны 1-го батальона бригады по обрывистому берегу Волги в три часа ночи при полной тишине отправили в Сталинград. Мы хорошо знали, что в эти часы бдительность у немцев притуплялась. Я, старший лейтенант Николаев, лейтенант Семенихин и несколько бойцов в то время находились на месте их перехода. Вот схема перехода, я начертил ее по памяти.

Тогда мы не предполагали, что видим их в последний раз.

О том, как погибли Филиппов и Ускова, мы узнали позже. При выходе батальонов бригады к реке Царица в январе сорок третьего года мне сообщили, что нашими разведчиками найдены трупы Александра Филиппова и Марии Усковой. Отдельные местные жители, оставшиеся в Сталинграде, рассказывали, что их захватили гитлеровцы, долго держали в подвале, водили на допросы, жестоко пытали.

Были организованы по-фронтовому скромные похороны Саши и Марии.

Если мне не изменяет память, они были представлены к на-

граде: ордену Отечественной войны 1 степени посмертно.

Вот все, что я мог вспомнить о героическом подвиге отважных комсомольцев Александра Филиппова и Марии Усковой.

Всего вам хорошего!

Генерал-майор в отставке
М. П. Аглицкий».

ГЛАВА 5

УДАЧА

Мы не могли считать первую часть поисков законченной — документа, подтверждающего работу Марии Усковой в разведке, не было. Впрочем, такого документа не было и на Филиппова, но это уже другой разговор. Да, появились свидетели, люди, знавшие и помнившие Марию, их воспоминания необходимы в нашем деле. И все-таки — документа не было.

Поиски застопорились. Мы переписывались с ветеранами, но ничего нового эта переписка не давала. Николаев уже собирался ехать в Волгоград, оформлял командировку, как вдруг редакция получила письмо из Свердловска, от Григория Исаевича Цаура.

«Уважаемые товарищи! По просьбе Ивана Николаевича посылаю свои скромные воспоминания. Может быть, они пригодятся вам.

Имена Саши Филиппова и Марии Усковой имеют для меня особое значение. Так вышло, что мне пришлось участвовать после окончания боев в Сталинграде в перезахоронении этих героев-комсомольцев. Я был в то время начальником похоронного бюро. Я еще и еще раз пересмотрел документы своего личного архива, записи, письма друзей-ветеранов, чтобы подробнее восстановить те события. В то время Николаев И. Н., Семенихин В. А. и я находились в одной воинской части, а именно — 96-й отдельной стрелковой бригаде. Суть подвига Саши и Марии пересказывать не буду — она вам известна. Тем более, что я с ними не работал и не видел их живыми.

Хоронили мы Сашу и Марию 14 февраля 1943 года, под вечер. Был траурный митинг, на котором старший лейтенант Семенихин произнес небольшую речь, рассказал о подвиге юных героев. Был дан салют из автоматов. Специальная комиссия составила Акт осмотра трупов. Сколько человек было в этой комиссии, уже не помню точно, но я этот документ подписывал. Из участников комиссии, которые подписали Акт, хорошо помню мать Саши Филиппова, Евдокию Афанасьевну, военфельдшера Назарова.

В Акте осмотра трупов значатся только Саша и Мария. Но на самом деле мы обнаружили три трупа — вместе с Сашей и Марией был повешен еще один неизвестный парень. Мы похоронили его в той же могиле. В Акте он не упоминается потому, что мы не знали, кто это.

Если этот документ найдется, это будет неопровержимым доказательством подвига Марии Усковой.

К сожалению, память об отважной разведчице Марии Усковой нигде не увековечена и имя ее практически нигде не упоминается. Все это и побудило меня взяться за перо и дополнить известные факты о Марии Усковой.

Мы, фронтовики, убеждены, что «никто не забыт и ничто не забыто». И я уверен, волгоградцы воздадут должное отважной разведчице Марии Усковой, увековечив ее память.

Всего вам доброго! Гвардии старший лейтенант в отставке — Григорий Цаур».

— Я уже несколько лет не имел о Цауре никаких сведений, — сказал Николаев, прочитав письмо. — Последний раз мы виделись в Волгограде, на 30-летию Победы. Написал ему на всякий случай. И вот видите, какой результат. Вообще Григорий Исаевич уникальный человек. На фронте он потерял ногу, инвалид 1 группы. А после войны стал, знаете, кем? Геологом! Правда, трудно себе представить геолога без ноги? Но вот — геолог. И не просто теоретик, нет, в экспедиции ходил. Потом, конечно, занялся

Старший лейтенант Г. И. Цаур.
Фото 1943 года

научной работой, написал несколько книг по геологии, сотни статей... Если нам удастся найти Акт, о котором он пишет, можно считать, полдела сделано...

Так совпало, что Николаева командировали по его работе в Волгоград. Через неделю Иван Николаевич вернулся. Ничего не рассказывая и не объясняя, он положил мне на стол этот страшный документ.

«АКТ

1943 года 14 дня февраля месяца, г. Сталинград

Мы, нижеподписавшиеся, комиссия в составе:

1. Капитана Симоненко В. А.
 2. Ст. лейтенанта Семенихина В. А.
 3. Нач. похоронного бюро мл. лейтенанта Цаур Г. И.
 4. Военфельдшера Назарова И. С.
 5. Капитана Марьясина.
 6. Члена Исполкома Ворошиловского райисполкома депутатов трудящихся тов. Герасимова М. И.
 7. Гражданки этого же района Филипповой Е. А.
- составили настоящий Акт в том, что комиссией в вышеуказанном составе от 12.02.43 г. про-

изведена откопка и обследование трупов, повешенных 23.12.42 г. гитлеровскими извергами в районе Дар-гора города Сталинграда.

1. В результате обследования мужчины — Филиппова Александра Александровича, 1925 г. рождения, жителя г. Сталинграда, ул. Брянская, 83, установлено:

Нижняя челюсть сдвинута вправо-вниз, рот приоткрыт. Язык прикусан, кровоподтеки в области обеих глаз, что свидетельствует об ударах твердым предметом. В правом углу губ имеется резаная рана длиной 1,5 см.

На шее затянута обрывок веревки, что свидетельствует о повешении на веревке.

2. Труп женщины — Ускова Мария Ивановна, 1917 года рождения, житель г. Сталинграда, пос. Ермана, ул. Прибарачная, № 4.

Выколот правый глаз, рот открыт, язык высунут, наличие кровоподтеков в области левого глаза, что свидетельствует об ударах твердым предметом, затянута на шее обрывок веревки свидетельствует о повешении на веревке.

Указанным товарищам, как участникам в разгроме фашистских войск в Сталинграде воинской частью сделаны гробы, они похоронены в сквере по ул. Рабоче-Крестьянской г. Сталинграда.

В чем и составлен настоящий Акт в двух экземплярах.

Подписи: 14.02.43 г.»

— Где вам удалось найти Акт?

— В таком месте, что никогда бы не догадался. Я зашел в школу имени Саши Филиппова, познакомился с преподавателями, просмотрел документы о Саше и, представьте, среди них был и этот. У меня было двойственное ощущение. С одной стороны — крупная удача, неопровержимое доказательство подвига и гибели Марии. С другой — какое-то тяжкое недоумение. Как же так?

М. П. Аглицкий,
начальник штаба 96-й особой
стрелковой бригады, генерал-майор
в отставке

Столько лет в школе существует точная информация — вместе с Сашей была повешена и Мария Ускова, есть год ее рождения, есть ее довоенный домашний адрес — и не сделано никаких попыток что-либо узнать о ней!

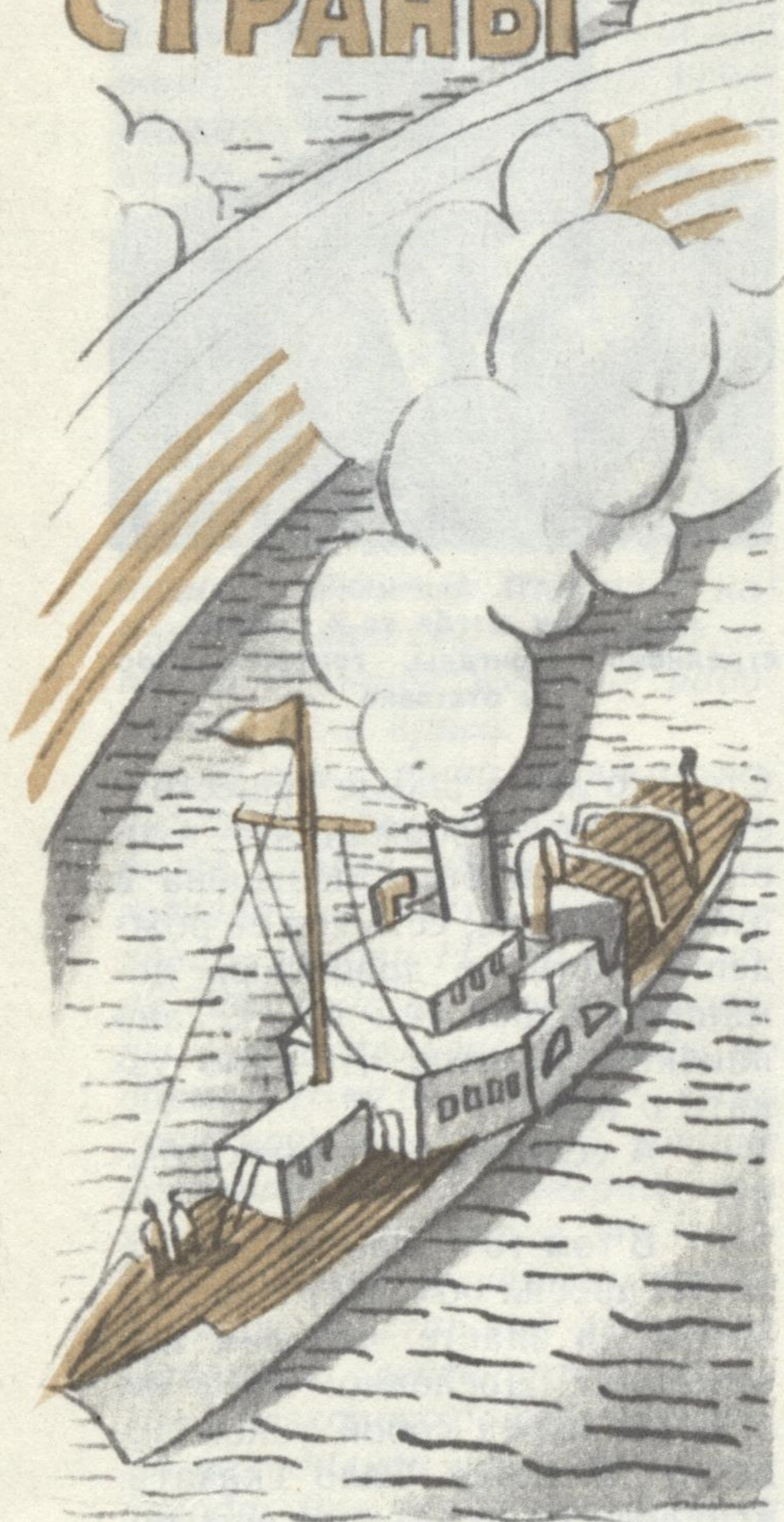
— А если такие попытки были?

— В том-то и дело, что не было. Я спросил об этом пионервожатую, и знаете, что она мне ответила? Дословно: «Мы не ставили перед собой такой задачи». Я хотел было сказать: «Но ведь у вас в школе есть поисковая группа, почему же, черт возьми, она не ставила такой задачи?» Но посмотрел на эту вожатую, на ее сонно-равнодушное лицо, и ничего не сказал. Понял — вразумительного ответа мне не добиться.

— Как эта бумага попала в школу?

— В школе находится фотокопия, а оригинал — в Волгоградском областном архиве. Как попал этот документ в школу — не знаю. Да это и не важно. Главное сделано, можно приступать ко второй части поиска...

ГОРОД ЮНОСТИ НА КАРТЕ СТРАНЫ

Комсомольск-на-Амуре. Город, ставший символом комсомольской романтики, стойкости, мужества. Один из самых молодых городов страны. 10 мая 1932 года сотни энтузиастов высадились с пароходов «Колумб» и «Коминтерн» на крутой амурский берег. Их не встречали с оркестром. И для митингов времени не было. К вечеру рядом с мало кому известным селом Пермское вырос палаточный городок. А уже на следующий день комсомольцы взялись за работу. Стране был срочно нужен новый промышленный центр на Дальнем Востоке.

Судьба по комсомольской путевке

Я прилетел в Комсомольск, чтобы встретиться с замечательным человеком, Евдокией Петровной Селютиной-Сидоренко. Она — одна из первых строителей города. И одна из самых в то время юных. В 1932 году ей было 18 лет.

— И восемнадцати-то мне тогда никто не давал, — смеется Евдокия Петровна. — Я маленькая была, шустрая. Удивлялись, откуда тут взялась тринадцатилетняя девчонка?

Из окна небольшой квартиры на Октябрьском проспекте видны современные многоэтажные дома, новое здание драматического театра, за ним — новый Дворец пионеров. Вдали — большой железнодорожный мост через Амур (Комсомольск — крайняя восточная точка БАМа). Пробую представить эту панораму безлюдной и пустынной. Что-то плохо получается. Евдокия Петровна, словно угадав мои мысли, достает альбом со старыми фотографиями.

— Прибыло нас сначала тридцать девушек. Тайком приплыли.

— Как тайком?!

— Когда эшелоны с добровольцами приехали в Хабаровск, начальник строительства Иосиф Каттель сказал: «Мы едем на голое место, там — сплошные болота, жить негде, не девичье это дело!» Расстроились мы не знаю как! Что делать? И тогда Маруся Анисимова, тоже ростовчанка, уговорила ребят посадить нас тихонько в трюм парохода, чтобы никто не видел. Так в трюме и плыли по Амуру. Сошли на берег, Каттель нас увидел, но ничего не сказал, только погрозил пальцем.

— Евдокия Петровна, а как складывалась ваша судьба до Комсомольска? Почему вы решились приехать сюда?

— Родом я с Ростова-на-Дону. Отец погиб на гражданской войне. В 18-м году умерла мама. В 19-м — бабушка. Переехала я жить к тете. Но и она

умерла в 20-м. Осталась я сиротой. Работала домработницей у кулаков. И вдруг — призыв ЦК комсомола ехать на Дальний Восток. Я до сих пор храню комсомольскую путевку. Поехала строить новую жизнь. А то, что будут трудности, подразумевалось само собой. Даже неинтересно казалось без трудностей-то.

...Готовясь к встрече с Евдокией Петровной, я прочел дневник комсомольца Михаила Ильина, в котором он фиксировал главные события первого года строительства.

«11 мая. Начали корчевать лес.

18 мая. Неожиданно выпал глубокий снег. В палатках стало жить трудно. Начали копать в откосе крутого берега землянки...»

— Мы их называли «копайгород», — кивает Евдокия Петровна. — За сутки построили. Снег держался почти неделю. А приехали почти все налегке, кто в чем. Шили парусиновые сапоги с деревянными подметками. Шагнешь в грязь, и нет подметок.

«17 июня. Упал набок каркас больницы.

1 июля. Объявлена декада борьбы за чистоту.

4 июля. Первый самолет с почтой из Хабаровска.

6 июля. Первая комсомольская конференция стройки.

24 июля. Началось строительство дома-коммуны...»

— Это была инициатива Ивана Сидоренко, — добавляет Евдокия Петровна. — Дом мы строили вечерами, после работы. Мечтали, что будут жить в нем те, у кого все будет общее: все заработки в складчину, а расходы — как постановит собрание.

«6 сентября. В честь XVIII Международного юношеского дня проведены стрелковые соревнования».

— На этих соревнованиях мы с Ваней и познакомились. Он был отличным стрелком, хорошо стрелял с обеих рук. Позже, на фронте, организовал даже отряд снайперов-дальневосточников. Ну и, конечно, занял первое место. А я неожиданно для всех (и для себя)

Евдокия Петровна Селютина,
фото 1931 года

заняла первое место среди девушек. Потом мы вместе чистили винтовки — такая своеобразная была награда победителям. Ваня с этого дня стал за мной ухаживать.

...Евдокия Петровна, человек скромный, рассказывает о своем муже гораздо охотней, чем о себе. Судьба Ивана Даниловича Сидоренко и правда удивительна. В комсомол он вступил в 1926 году. Работал на строительстве Харьковского тракторного завода. Бригада тогда называлась не бригадой, а комсомольским сводным батальоном красногвардейцев пятилетки. А Иван был его командиром. На заводе стояли австрийские бетономешалки. В инструкции было написано, что при правильной эксплуатации машина может сделать 501 замес за смену. Иван с друзьями усовершенствовал технологию и установил рекорд — 669 замесов. А потом — 801 и даже 937. Прослышав о советском рабочем, в Харьков приехал австрийский инженер. Своими глазами увидев работу комсомольцев, он попросил разрешения потрогать Ивана: «Я хочу убедиться, что вы — не сон, что вы существуете на самом деле».

За трудовые достижения Сидоренко получил необычную премию: рейс на теплоходе «Украина» вокруг Европы. По-

бывал в Гамбурге, Лондоне, Генуе, Стамбуле. Об этом путешествии он позже много раз рассказывал первостроителям Комсомольска. А на Дальний Восток его долго не хотели отпускать. Иван горячился, доказывал, что его опыт нужнее на новой стройке. И убедил, наконец, — получил комсомольскую путевку. Был у него талант убеждать людей. Поэтому и выбрали его комсомольским секретарем строительства Комсомольска-на-Амуре.

— Кстати, Евдокия Петровна, как появилось имя у будущего города?

— Иван Данилович придумал. Правда, никогда этим не хвастался, всегда говорил, что решение так назвать город было общим. Произошло это в первый же месяц. Все уже крепко спали в бараке после трудового дня, а Иван дописывал письмо домой. Заклеил конверт, собрался написать обратный адрес, но вдруг вскочил и стал всех будить: «Вставайте! Что ж, мы так и будем селом Пермским? Мы же строим город будущего!» Ребята спросонья поворчали, но потом всех захватила идея дать городу имя. Спорили чуть не до утра. Иван воскликнул: «Комсомольцы сюда приехали? Комсомольцы! И город строят комсомольцы. Пусть он и будет Комсомольск. Комсомольск-на-Амуре». Написали о своем предложении в Кремль. Там одобрили. И 10 декабря 1932 года Президиум ВЦИК постановил преобразовать селение Пермское Нижне-Тамбовского района Дальневосточного края в город Комсомольск-на-Амуре.

К тому времени сделано было уже много. В июле заработал лесозавод, его построили за два месяца! На закладку судостроительного завода приехал Блюхер, командующий Особой Краснознаменной Дальневосточной армией. Он еще не был тогда маршалом. Блюхер говорил: «Стройте дома не из дерева, а из кирпича. Вы приехали сюда надолго, навсегда».

Первую городскую улицу мы назвали Интернациональной. Ребята ведь приехали со всех

Иван Данилович Сидоренко,
фото 1942 года

концов страны, русские, белорусы, украинцы. Даже болгарин был, врач Коста Стоянов. Его еще мальчиком привезла в Советскую Россию мать-коммунистка, спасаясь от пришедших к власти фашистов.

Жили мы дружно, работали весело. Построили клуб. Комитет комсомола организовал кружки — драматический, спортивный, стрелковый. Хотя 1932—33 годы были самыми тяжелыми. Сущим бедствием были комары и мошка. Мешали работать, дышать, а главное, не давали спать. А потом наступила ранняя зима. Приходилось постоянно двигаться, чтобы согреться. Но главной бедой оказалась цинга. У людей кровоточили десны, выпадали зубы, распухали и ныли ноги. На человека наваливалась слабость, апатия. К этой болезни мы были не готовы. Не хватало витаминов, лук выдавался по рецептам. Я почему-то не заболела, наверное, потому, что осенью часто собирала в тайге клюкву, бруснику, голубику. А Иван мой заболел, хоть и держался изо всех сил. Коста Стоянов сказал ему: «Здесь я тебе помочь не смогу. Каждому больному я даю по сырой картошке в сутки, а ее в больнице осталось 20 килограммов. Бери винтовку и отправляйся в тайгу на десять суток. Разрешение я выпишу. Подстрелишь птицу

или зверя, пей сырую кровь, ищи ягоды под снегом...» Иван так и сделал. После возвращения стал выздоравливать.

Особенно тяжело больных отправляли в Хабаровск на грузовиках по льду Амура.

— А были такие, кто не выдержал этих суровых условий?

— Были и такие. Да и многим перед отъездом на Дальний Восток обещали более легкую жизнь и большие заработки. Зарабатывали мы, действительно, неплохо, только тратить деньги было не на что.

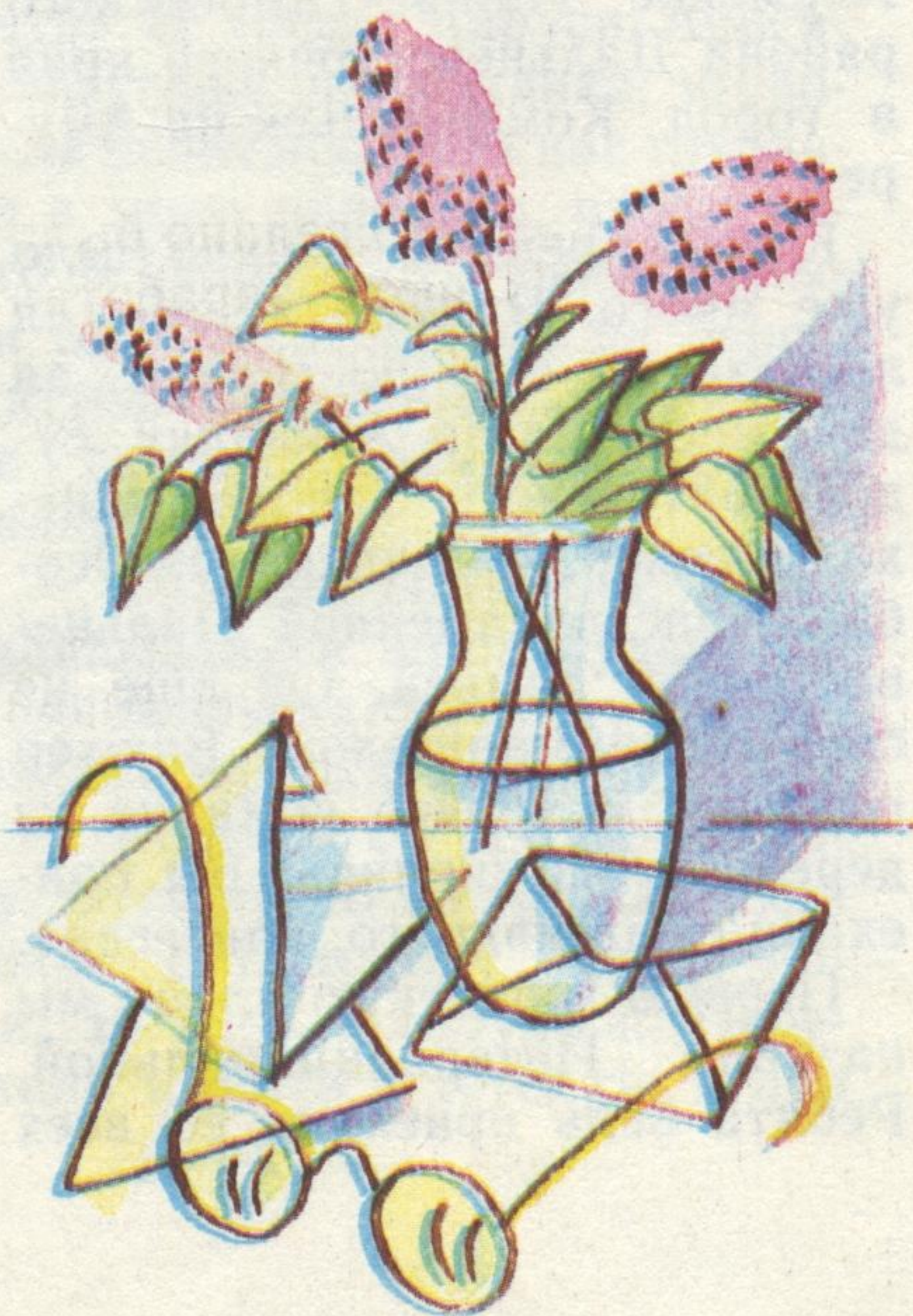
Началось дезертирство. Убегали, в общем, случайные люди, лентяи, прогульщики. Но порою сманивали за собой неплохих ребят, которые растерялись. Иван их переубеждал: «Вот построят здесь красивый город. А вы, где бы ни находились, будете читать о нем в газетах, думать о нем. И жалеть, что вы не с нами. Да и куда вы бежите? От себя не убежишь». И ребята оставались.

— Знаете, Евдокия Петровна, после вашего рассказа мне странно читать в газете, что сегодня дома в Комсомольске строятся очень медленно, что на одной из центральных улиц образовалась огромная лужа, через которую ни пройти, ни проехать...

— Это, конечно, возмутительно! Немало еще бюрократов-начальников, которые тормозят развитие города, страны. Меня возмущает, что в нашей богатой стране не хватает про-

дуктов, других необходимых товаров, вещей. В 30-е годы тоже не было изобилия, но ведь мы строили город на голом месте. Впрочем, бюрократы и тогда были. В 38-м году Иван Данилович даже написал в Москву, когда местное начальство замедлило строительство металлургического завода. Он сам в работе не жалел себя и требовал этого от других. Ему говорили: не суйся не в свое дело, пожалеешь. В те годы были на то основания. Был репрессирован Василий Константинович Блюхер. Погиб Гамарник, бывший секретарь Далькрайкома партии. Начались аресты и среди комсомольцев.

— Мне приходилось слышать мнения, что этому периоду нашей истории зря уделяется сегодня так много внимания. И что пионерам знать обо

всем и вовсе необязательно. Это, мол, подорвет в них веру в правильность нашего строя.

— Нет, нет, это очень вредная мысль. Ребята должны знать всю правду об истории своей страны. Может быть, оттого, что многое у нас умалчивалось, и появились среди молодых панки да наркоманы. Как хорошо, что сейчас наступило время правды! Я так надеюсь сегодня на молодежь. Бюрократам-то не хочется перестраиваться. А молодые, по себе знаю, всегда хотят сделать жизнь лучше и справедливее. И главное, это им по силам.

...За многолетний труд Евдокия Петровна награждена орденом Ленина. Она вырастила четырех сыновей, троих внуков. А Иван Данилович погиб под Сталинградом летом 1942 года. Пять писем получила Евдокия Петровна с фронта. Последнее, пятое письмо к жене и сыновьям, мне довелось прочесть.

«...Это письмо пишу под разрывами снарядов и свинцовым дождем пуль из пулеметов и автоматов, но, несмотря на это, я жив и здоров, почти не ранен, хотя все время нахожусь на передовой и бью фашистов.

Особенно был большой бой 3 августа, в котором я лично из снайперской винтовки убил десять фашистов. Возможно, об этом вы прочтете в сводке Информбюро. Возможно также, что вы получите извещение, что я убит 5 августа, но не верьте, так как я был окружен и был под пулеметным огнем фашистов и в часть попал только на второй день, когда меня уже занесли в списки убитых...

Как видите, я воскрес.

Вот и все. До свидания, мои дорогие.

8 августа 1942 года».

А осенью пришла-таки похоронка...

Именем Ивана Сидоренко в Комсомольске-на-Амуре названа улица. Имя его носит пионерская дружина школы № 11.

С. МАХОТИН,
Комсомольск-на-Амуре — Ленинград

Фото из домашнего архива
Е. П. Селютиной-Сидоренко
и из архива ЦК ВЛКСМ

Владимир СУВОРОВ

Я СУДЬБОЮ ДОВОЛЕН ОТНЫНЕ

Я судьбою доволен отныне.
Мне увидеть в саду довелось
На окутанной снегом рябине
Уцелевшую алую гроздь.

Ни травинки вокруг, ни побега,
Но весной запахло уже:
Горстка ягод в оправе из снега —
Вот и праздник великий в душе.

АРТИСТ

Мы ставили «Бориса Годунова».
Молчали зрители и не кричали «бис»,
На сцену вышел царственно суровый
Преступный царь, несчастный царь Борис.
И сколько было ярости и страсти
В тревожном хриплом голосе его!
Он говорил: «Достиг я высшей власти,—
Ни счастья, ни покоя, ничего!
Как тяжело! Как горло жжет от страха!
Как душно в белокаменной Москве!»
И серебрилась шапка Мономаха
На стриженной ребячьей голове.

ЛЮБОВНОЕ ПИСЬМО

Окончен труд.
Стиль верный. Слог искусный.
Вот подпись: Вова.
Вот письмо само.
Коварный брат,

разбойник,
циник гнусный

Украл мое любовное письмо.
И я, его ногтями полосую,
Кричал: «Отдай!» — и корчился от слез.
Смеялся он,
Он хохотал и все
Он десять раз то имя произнес.
И я бежал,
И спрятался в сарае.
Меня искала дотемна семья,
И умирала

самая большая
Любовь десятилетняя моя.
Когда наутро

с гомоном и писком
Вошли мы в класс,
мальчишек сорванье,
Я не отдал ей глупую записку,
А просто дернул за косы ее.

Рисунок К. Почтенной

Черемуха

Рюрик ШОРИН

РАССКАЗ

Рисунки В. Топкова

Огромное темное дерево с раскидистыми ветвями, к одной из веток привязан канат, на нем качается девочка и смотрит на нас. Мы с мамой идем вдоль решетки сада и кажется мне, что я, глядя на девочку, стою, а решетка движется. Я считаю рукой прутья: один, два, три... многие искривлены, многих не хватает... пятнадцать, шестнадцать...

Цементные столбы ворот, песчаная дорога, ведущая к желтому двухэтажному дому с темной черепичной крышей. Девочка все качается, все смотрит на нас. Ветер играет золотистыми бликами в темных кронах огромных деревьев с узловатыми стволами. За домом взгорок, весь в черемухе, черемуха шумит. Рядом с домом турник. Двое мальчиков в одинаковых бледно-синих трико с оттянутыми коленями, повиснув на нем, сцепились ногами и пытаются сбросить один другого. На крыльце сидит рыжая девочка и внимательно жует веревочку.

— Не сиди на камне, простудишься,— говорит ей мама.

Девочка растягивает рот, в нем не хватает зубов.

— Встань, девочка!

— А чево? — девочка хохочет.

Махнув рукой, мама ведет меня дальше в комнату, где за письменным столом сидит ворона в очках, склонившись над журналом мод. На вороне платье красное, как кирпич.

— Здравствуй, Галочка! — улыбается мама.

— Здравствуй, Зиночка! — улыбается ворона и блестит золотыми зубами.

— Вот привела,— мама садится на кожаный диван, сажает меня рядом,— возьмете?

Ворона скрипучим голосом принимается объяснять, что у них в санатории есть только одно место и то в старшей группе, где всем ребятам по тринадцать лет. Я ковыряю в носу, фыркаю, как лошадь, и разглядываю картину на стене — «Три медведя». Мама, улыбаясь, говорит, что я люблю со старшими, и всем друзьям моим по четырнадцать лет.

Толстая фиолетовая муха ползает по моей коленке, облизывает ее, мне щекотно.

— Не фырчи! — одергивает мама.

В спальне свисают с потолка матовые шары-плафоны, вдоль мертвенно-синих стен два ряда кроватей, застланных синими одеялами. На коричневом полу лежат бежевые квадраты света, в них играет светло-коричневый узор лиственной тени. У окна стол, за ним сидит грустный мальчик и рисует воина с ведром на голове и крестом на щите. Я сажусь поближе к нему:

— Рисуешь?

— Это крестоносец,— отвечает он, внимательно вглядываясь в свой рисунок.

— Тебя как зовут?

— Валера.

За дверью кричат:

— Не трогай меня! Ха-ха-ха, ху-ху-ху! Чего ты, Сафрон, хохочешь?

— Печенье будешь? — спрашиваю я.

— Давай,— Валера откидывается на спинку стула, жует печенье.— А черемухи поешь желаеть? — говорит он с полным ртом,— у нас тут много.

В соседней комнате на полу лежит толстый, похожий на хомяка, мальчик, на нем сидит здоровый парень, лопухий и конопатый, дает щелбана толстяку, а тот фальшиво хохочет:

— Ху-ху-ху, ха-ха-ха! Не надо, Петя!

Мне страшно и неприятно, я делаю вид, будто не заметил их, иду за Валерой, стараясь держаться к нему поближе. Он не обращает на ребят внимания. Мимо рыжей девочки, которая по-прежнему сидит на крыльце и съела почти всю веревочку, мы идем на взгорок.

На самой высокой и ягодной черемухе сидит мальчик в голубой рубашке и черных со стрелками брюках, синими пальцами он ломает веточки, усыпанные ягодой, и прячет за пазуху. Меня берет зависть, ведь снизу все обломано.

— Сашок, кинь веточку,— просит Валера. Сашок бросает нам веточку.

Ягоды удивительно сладки, маслянисты и костлявы, вяжут рот.

— Еще, еще кинь, Сашок! — кричу я радостно.— Веточку, одну веточку, Сашок! Кинь, пожалуйста, веточку! — и прыгаю, вытянув вверх руки.

Он смеется, обламывает большую ветвь и бросает. Мы с Валерой, стараясь обогнать друг друга, щиплем ягоды. Рыжая девочка подбежала к нам, подседа и тоже рвет, куда проворнее, чем мы с Валерой.

— А мне? — раздается сзади и ветка уходит из наших рук: ее забрал Петька, тот, что мучил Сафрона.

— Слушай, Петух, давай нагнем это дерево,— говорит Сафрон и глаза его начинают блестеть.

— Кончайте,— неуверенно требует Саша, обнимая ствол черемухи.

Сафрон, уцепившись за тонкие ветви, повисает на них всей тяжестью.

— Подсобляй, Петька...

Петька хватается за ствол и трясет его что есть силы.

— А ты, шкет, что стоишь? — говорит он с угрозой,— а ну, хватайся!

Уцепившись за ветви, я, по примеру Сафрона, повисаю. Девочка тоже виснет на ветке.

— Кончайте, кончайте! Дураки! — Саша выпучил глаза. — Кончайте!

Мы все хохочем, орем от радости, как на веревках, качаемся на ветвях.

— Мама! А-а-а-а! — визжит Саша. Черемуха трещит и медленно падает на нас. Саша летит через наши головы, катится вниз по склону. Валера берет меня за руку и ведет к Саше.

— Шею-то не свернул? — спрашивает Валера. — А ноги... как, ноги не поломал? А руки?

Я подхожу к Саше с другого бока, подражая маме, глажу по голове, приговаривая:

— У собачки болит, у кошечки болит, а у Сашеньки...

— Уйди! — Саша отпихивает меня локтем.

— Чего ты? — застывает Валера. — Он ведь жалеет.

— Он черемуху ломал! — плачет Саша.

— Он не ломал, он ягоды рвал, — оправдывает меня Валера. — Я лучше видел.

К Валере часто приходили две девочки из младшей группы. Одна из них была курносая и косолапая, звали ее Валя. Другая, та самая, что качалась на канате, когда мама привела меня в санаторий, была худая и бледная. Она всегда молчала и убирала поминутно падавшую на глаза каштановую челку. Ее звали Ольга. Я любил на нее смотреть. В ней была какая-то тайна, которую очень хотелось разгадать.

Валера, единственный из старших, говорил с нами абсолютно серьезно и читал нам книгу про космические путешествия. Книга была скучная, как и сам Валера. Он был большой, неповоротливый и угрюмый. Его так и звали — Угрюмый. Ольга и Валя повсюду за ним таскались, вместе с ними и я. В вестибюле Валера возил нас по очереди на спине, широкой и мягкой. Рисовал нам на листках, вырванных из тетрадки, смешных кривоногих человечков и объяснял:

— Палка, палка, огуречик — вот и вышел челдобречик.

— Не челдобречик, а человечек, — поправляла Валя.

— Какой же это человечек? Это челдобречик, — серьезно объяснял Валера.

На реке я с девочками катался на черной лодке, а Валера собирал на берегу плоские камешки и пускал их вприпрыжку по воде. Но сначала показывал нам и объяснял:

— Вот этот камень называется кремень, а вот этот известняк. А вот этот камень знаете какой, а-а? Не знаете. Это, друзья мои, известняк, только пожелтевший. А малину пойдем рвать сегодня?

— Пойдем, пойдем! — кричала Валя и прыгала с лодки на берег, и не допрыгивала, мочила ноги. Оля всегда молчала, не обращала на меня внимания. А мне хотелось, чтобы обращала. Я задавал ей всякие вопросы: «Мороженое любишь? Шоколадки любишь? Ты дура или умная?..» Оля в ответ либо кивала, либо отрицательно мотала головой, и челка болталась по лбу.

В заброшенном малиннике ягод было мало, они были черные, засохшие и червивые. Я ел сам, Валера собирал в ладонь и угощал девочек, они из-за голых ног не могли пробраться в заросший крапивой малинник, стояли рядом, под огромным шелестящим деревом, и смотрели. Валя кричала:

— Вон ту сорви, Валерочка, видишь, сзади! Какой ты глупый!

Ствол дерева был утыкан гвоздями и обмотан ржавой колючей проволокой. Рядом, среди бутылочных осколков и замытых дождями газетных клочьев лежало вверх дном ржавое дырявое ведро. За деревом тянулась пыльная дорога, а за нею на взгорке кривился крытый заплесневелым тесом рыбацкий сарай. Возле него на шестах шевелилась мережа, а в ней металась испуганная трясогузка. Я подбежал, раздвинул мережу, поймал птичку, но она, бешено забившись, вырвалась. Резко порхнув к земле, стремительно взметнулась ввысь и пропала. Валя засмеялась. Оля как-то особенно безразлично посмотрела на меня.

— Крепче держать надо, — сказал Валера.

В нашем санатории отдыхали дети из детского дома. Рыжую девочку звали Елкина. По имени ее никто не называл. Я хотел пройти в санаторий, а она, как всегда, вертелась на крыльце и жевала, правда, не веревочку, а резинку. Так вот, она стала в дверях и не пускает. Я справа хочу ее обойти, она делает шаг вправо, я слева, и она влево. На турниках сидели мальчишки из младшей группы, их я считал малышами и слабаками, хотя все они были на год старше меня. Они засмеялись. Елкина оттянула резинку и щелкнула меня по щеке. Я заплакал и убежал в кусты. А малыши по всему санаторию разболтали. И наши парни меня стыдили: «Елкиной испугался, Елкиной, ха-ха-ха».

Потом я с Валерой поссорился. В младшей группе был один маленький худенький и пугливый мальчик. Лицо было у него всегда чумазое, сопливое, руки грязные. Молчаливо бродил он вокруг санатория, втянув шею в плечи, испуганно оглядываясь по сторонам. Что ему ребята приказывали, он беспрекословно исполнял. Воспитатели его за это ругали, и ребята ругали, но не помогало. Сафрон нашел среди развалин немецкого блиндажа червяка, толстого, длинного... Мальчик пугливый недалеко стоял, прутиком в песке ковырялся. Сафрон говорит мне:

— Хошь, я заставлю чурика этого червя съесть?

— Зачем?

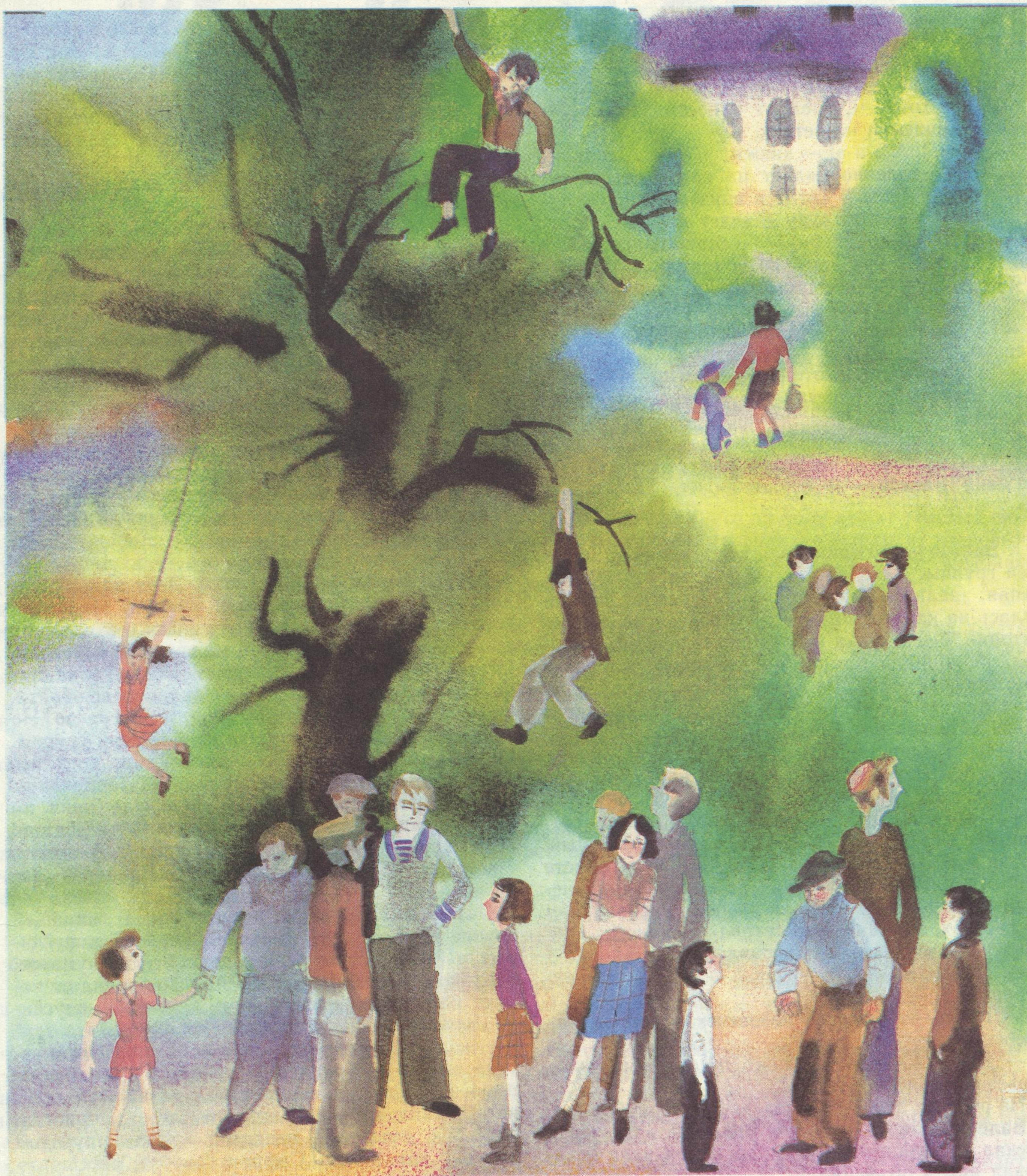
— Интересно, — и кричит мальчику: — Эй, чурик, а ну сюда!

Мальчик подошел. С турников малыши прибежали посмотреть, что за шутку придумал Сафрон. Сафрон-хомяк этот завел мальчика в кусты и сказал:

— Вот, ешь, а то худо будет! — и протянул на ладони червяка.

— Я не могу сразу, — испуганно отвечает мальчик, — большой больно.

— А ты его надвое разорви.

Все, кто был рядом, с веселым любопытством наблюдали. Мне было гадко смотреть, но какая-то сила держала меня. Сафрон наслаждался. Медленно текло время.

— Да что ж ты делаешь, идиот! — закричал вдруг неведь откуда возникший Валера и, записав палец в рот мальчику, вытащил и отшвырнул пожеванного червяка.

— Иди, иди отсюда, — он толкнул мальчика в плечо, и тот пошел, спотыкаясь и испуганно оглядываясь на Сафрона. Сафрон улыбался застывшими губами.

— А ты, дурак, что смотрел?! — закричал на меня Валера. — Вот дурак! — махнул рукой и пошел прочь.

Я побежал за ним.

— Валера! Я не дурак, Валера!

— А кто же?

— Я не хотел, Валера!

— Иди к черту, дурак, ненавижу! — он оттолкнул меня, слабо, а я притворился, что сильно, упал на землю и заплакал. Он не стал жалеть и утешать меня.

На другой день вечером приехал отец. Я маму

ждал, а пришел отец. Через решетку санаторного сада он потрепал меня по голове и протянул шоколадку.

— А мама почему не приезжает? — спросил я.

— Не знаю, занята, наверное, — он грустно усмехнулся. — Ну, ладно, я пошел. Старших слушайся.

Он просунул голову меж прутьев, хотел, наверное, поцеловать, но передумал. Хотел было пожать мне руку, но тоже передумал. Хотел было потрепать меня по плечу, но и это сделать забыл... Махнув рукою, пошел вдоль решетки, я за ним, и отстал — отец шел очень быстро.

Ах, где же, где же эта мама?!

Мне было невыносимо, и я пошел к реке, чтобы, сбегая по береговому склону, забыться, а потом, взбегая на бугорок, где шевелится мережа с трясогузкой, почувствовать приятную тяжесть в животе и на секунду забыть о своих несчастьях. Закат все в природе сделал розовым, невообразимо нежным, напоминающим сон. Если в такое закатное время идти среди деревьев, пронизанных лучами, покажется, что деревья летят, шевеля ветвями, над тобою и вокруг тебя вместе с криками птичек, запахами воды, тепла, коры, цветов, испаряющейся земли.

Над склоном берега ветвится черемуха, пронизанная светом, вишневая и прозрачная. По ней лазают Валя и Оля. В розовых от заката платьях, с черными губами, и лицами нежными, как на открытке. Девочки смеются, и кажется мне, что голоса звучат у них, как в кино... Оля смотрит на меня и говорит, я не понимаю, о чем она, отвечаю, не слыша своего голоса. Залезаю на черемуху, что-то говорю, смеюсь, кричу, как во сне, не чувствуя себя. И тут я, наконец, начинаю понимать что-то такое... осознавать что-то этакое... в себе и во всем. И уже знаю наперед, что будет со мною, какой я, и зачем, и для чего, и какая тайна спрятана во мне, и в ней, в Ольге. Я думаю, думаю не словами, не картинками, а одним лишь напряжением головы и всей души, как сказала бы мама.

Меж деревьями виден кусочек луга и большая пятнистая корова, она мычит. Я слезаю с черемухи, поднимаюсь вверх, обхожу кругом эту толстую корову с лоснящимися боками, она косит на меня карим глазом, прогоняя хвостом мошкарку. Я оглядываюсь на черемуху. Девочки исчезли. «Оля моя сестра, да...» — говорю я шепотом, сам удивляясь своим словам.

Вдоль решетки ходит Елкина, туда и обратно, туда и обратно. С широко разинутым ртом, бречит по прутьям заржавленной трубой. Дон-н, дон-н, дон-н.

— Елкина! — позвал я. — Елкина! — она обернулась. — Елкина, хочешь шоколадку? На! — я достал шоколадку из грудного кармана рубашки, развернул, отломил половинку, протянул.

Она подошла и взяла с безразлично-независимым выражением. Мне стало до слез жаль шоколада, остро захотелось есть, но я не съел другую половинку.

На канате раскачивался мальчик, которого за-

ставили есть червяка. Он думал, что никого нет рядом, разговаривал сам с собой:

— На вот тебе, на, на! Получил, схватил?! Гадина такая! Аха-ха, у-ху-ху!!

— Эй, мальчик! — позвал я с невольной властью. — Шоколадку хочешь?

Он испуганно обернулся.

— На вот, — я протянул ему остаток шоколада.

Он взял, слез на землю, посмотрел на шоколад, потом на меня (подумал, наверное, что это какой-то подвох).

— Ешь! — приказал я.

Он откусил кусочек, медленно разжевал. Потом тихо спросил:

— По морде хочешь дать?

— За что же?

— А чего ты хочешь?

— Я маму хочу! — сказал я. — Маму! Понял? — и пошел в санаторий.

Ночью, когда все уснули, мне стало жутко. Мне вдруг представилось, что мама умерла, и отец поэтому приезжал сегодня, но побоялся мне сказать. Из санатория меня увезут в детский дом, туда, где Елкина, где Валера. Я буду жить там... Ноги и руки заледенели. Чтобы хоть как-то спастись от этой жути, я стал представлять, как буду жить в детском доме. Отец пришлет письмо, придет меня проведать, пожалеет и заберет, и Олю заберет. Я попрошу его, ведь она моя сестра, а значит, его дочка...

Мы будем жить с отцом, Оля будет готовить еду, я — ходить в магазины и убирать в доме. Я буду ее защищать... Ни за что не останусь в детском доме!

В соседней комнате зажегся свет, кто-то с кем-то шепотом пререкался:

— Днем не приезжаете, а ночью, когда все спят...

Дверь отворилась. Я сразу узнал маму. Вскочил с кровати, бросился к ней.

— Рыбонька моя, сыночек!..

Я обнял ее за шею, обхватил ногами и прижался к ней что есть силы. И теперь только почувствовал, что живу, что все хорошо. Мама хотела освободиться, но я обнял ее еще сильнее. Она села, а я все обнимал ее.

Утром я обнаружил на своей тумбочке пакет с ирисками и печеньем.

— Это от мамы, — сказал я Валере, — мама приезжала. Хочешь, угощу?

Валера пробурчал что-то невнятное.

— Ну-ка, дай-ка, — сказал Сафрон.

— А мне? — сказал Петька.

— И мне, и мне...

Я принялся всех угощать и раздал все, оставив себе лишь крошки на дне пакета. Валера сказал:

— Ребята, не надо грабить малыша, — и отдал мне печенье. И Сережа отдал, и Петя, и те, кто не успел еще сгрызть, отдали ириски и половинки печенья со следами зубов.

Я стоял посреди спальни, держа в одной руке пустой кулек, в другой гостинцы. Сафрон выхватил пакет, надул его и хлопнул ладонью, раздался взрыв. Мальчишки засмеялись. Во рту у меня

было горько, а в животе холодно от обиды на маму за то, что привезла так мало гостинцев.

В последний день августа всех увезли, и так получилось, что остались только я и Оля. В санаторий пришла дочь директора Оксана. У Оксаны были две куклы. Они с Олей их раздевали; катаясь на лодке, полоскали одежду в реке; сушили, разложив на скамейке. Я сидел на берегу, Оксана болтала, а Оля ее слушала. На меня девочки не обращали внимания.

— Ты из детского дома? — спросила Оксана. Оля кивнула.

— А мама у тебя есть?

— Не-а.

— А папа... папа у тебя есть? — Оксана достала из кармана ириску. Протянула Оле и отдернула, как только та захотела взять.

— Папа есть, я спрашиваю?

Она кивнула.

— Где же он?

Оля пожала плечами.

Только теперь Оксана отдала Оле ириску. На минуту она задумалась. А потом как закричит:

— Ах ты моя сиротинушка, бедненькая моя скилетушка! Как же ты на свете-то без папы, без мамы живешь! — и давай Олю по голове гладить, будто перед нею кукла.

— А хочешь, я маму попрошу, чтобы она тебя к нам в дом взяла, сестренкой мне будешь. Кровать тебе в моей комнате поставим... Хочешь?

Оля кивнула, стала закручивать челку.

— Пойдем, я маму прямо сейчас попрошу.

Оля вспомнила про меня, даже не вспомнила, она все это время знала, где я сижу, потому что не искала меня, сразу нашла глазами как бы говорящими: «Ну, что, увидел, выкусил...» И пошла за Оксаной.

— Нет, ты постой! — приказала Оксана власт-

ным голосом. — Собери тут все, кукол одень, только быстро!

Оля стала одевать кукол, но одежда была мокрая и куклы одевались плохо. От старания она закусил губу, опять взглянула на меня и выдала взглядом свою беспомощность. Я бросился к ней на помощь. Не сказав друг другу ни слова, мы одели кукол.

Она схватила их и побежала в санаторий. Я побежал за нею чуть сзади и споткнулся, когда сбегал вниз с черемухового бугра. И упав, понял, что споткнуться заставила меня какая-то сила, которая есть во мне и которую я не замечаю.

Оля вошла в санаторий. За решеткой проехала машина.

Через некоторое время Оля и Оксана вышли и, разговаривая о чем-то, пошли к дереву, на котором висел канат. Оксана за него уцепилась, Оля стала качать. Оксана хохотала, визжала и кричала:

— Сильнее, сильнее! Еще, еще...

И тут я увидел маму, она шла вдоль решетки и смотрела на девочек.

— Мама, мама! — закричал я и бросился к ней, позабыв обо всем на свете.

Только когда мы, забрав вещи, шли на остановку, я вспомнил про Олю и оглянулся. Она шла за нами и смотрела на маму.

— Мама, — сказал я, — давай возьмем эту девочку к нам.

— Какую? — мама оглянулась.

— Вот эту, — я показал на Олю.

— А может, лучше ту? — с усмешкой мама показала на Оксану. — Та красивее.

— Нет, эту, мама, эту.

— Ну, хорошо, — сказала мама, — в следующий раз.

Когда мы сели в автобус, Оля стояла, просунув голову между железных прутьев, и смотрела на маму.

70 ВЛКСМ

Началось восстановление разрушенного гражданской войной народного хозяйства. В стране царил разорение. Стояли заводы и фабрики, бездействовали железные дороги. Не хватало самого необходимого.

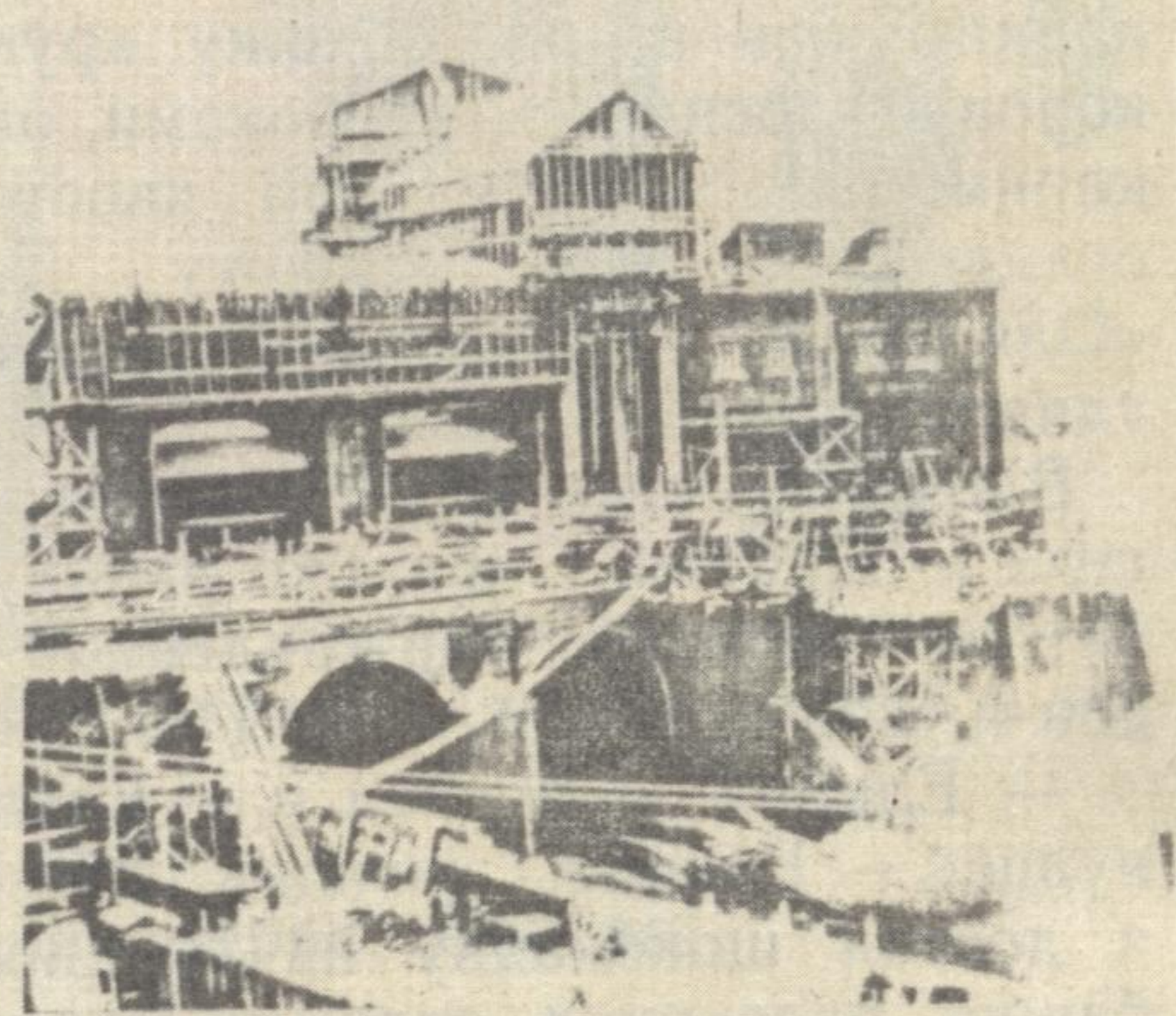
«Комсомолец — на трактор!» «Комсомолец — за парту!» «Комсомолец — за станок!»

Нужно было в короткие сроки вывести Советский Союз в число наиболее передовых промышленных стран.

Немало на нашей земле памятников комсомольской сла-

вы, созданных в эти годы трудом молодых. Магнитка и Турксиб, Днепрогэс и Комсомольск-на-Амуре. Первый советский трактор и первый са-

молет, первые трудовые рекорды.

Вот так создавалась Волховская ГЭС, с которой началась электрификация страны.

ЧЕЛОВЕКУ НУЖНА ПОМОЩЬ

Александр ГОСТОМЫСЛОВ

Рисунок О. Маркиной

Давно это было. Александра Александровича Католикова попросили взяться за работу, сложнее которой трудно найти, — стать директором очень плохой школы-интерната, в которой жили дети, оставшиеся без родителей.

Пошел Католиков смотреть интернат. Хозяйство разрушено: стекла выбиты, двери выломаны, мебели почти никакой, электропроводка местами совсем сгорела — кошмар какой-то! Канализационные трубы полопались, в подвале вода. Не дом, а помойка. Много больных ребят.

Прихрамывая, с палочкой обошел он помещение. До сих пор давали знать старые раны — несколько лет назад, вытаскивая детей из застрявшего на железнодорожных путях автобуса, сам отбежать не успел... Тогда детей он спас. А сейчас?

Окружили Католикова одинаково одетые, печальные ребятки. Одно маленького, глазастого, спросил:

- Как тебя звать?
- Саша Макаров.
- А что же ты такой... худющий?

Тот потупил голову. На интернатской еде сильно не растолстеешь.

Александр Александрович пошел в канцелярию, посмотреть личные дела. Открыл одну папку.

«Главврачу Дома ребенка, г. Сыктывкар.

Эжвинский ОВД направляет вам мальчика (фамилия и другие данные неизвестны), которого оставила мать в Эжвинском райисполкоме. Возраст мальчика около двух лет. О матери мальчика ничего не известно...» Потом шла характеристика: «Мальчик ласковый, доброжелательный, но очень медлительный. В любом деле всегда последний. Моментально забывает, что ему делать, теряет свои вещи. У него слабая память, трудно запоминает стихи. Требуется кропотливая индивидуальная работа...»

Поднял от стола голову — в кабинете стоял Саша Макаров и внимательно смотрел на него. И что-то такое было во взгляде Саши, что Александр Александрович Католиков понял: он будет работать в этом интернате.

10 июня 1973 года Католиков стал директором Сыктывкарской школы-интерната № 1. Первым делом решил вывезти ребяткишек на дачу. Попросил помочь знакомых летчиков, шефов городского Дворца пионеров. Они взяли инструменты, старших ребят и за десять дней привели лагерь в порядок. А лагерь — один жилой корпус без крылечка, да навес, под которым ютилась столовая.

И вот первое построение в лагере.

— Вот здесь, где мы стоим, построим хорошую линейку. На берегу речки у нас будут цветники, теплицы, построим летние и зимние корпуса. Будет у нас лодочная станция, городок аттракционов...

Ребята усмехались:

— Ну, расписал... Сколько жили, ничего не было, а тут сразу все объявится...

Но только кончилась линейка, в лагерь въехали грузовики со щебенкой. Это пришли на помощь новые шефы из «Сельхозтехники».

И в тот же день в лагере стала исчезать скука. Мальчишки разравнивали гравий для линейки, делали носилки, ремонтировали тачки, таскали дерн с окрестных лугов.

Через двадцать дней была готова прекрасная линейка. Ребята с удивлением смотрели друг на друга — получилось!

Одновременно со строительством в лагере Католиков начал ремонт в интернате. В сентябре ребят надо из лагеря забирать, а жить им негде, ремонт вовсю идет. Малышей развезли по другим детским домам, а ребята шестого, седьмого, восьмого классов стали жить на турбазе.

Это было тяжелое время для всего интерната. Рано утром, еще сонный Саша Макаров приходил в интернат. Католиков был уже здесь. Встречал воспитателей, учителей, ребят. Шутил со всеми, и на сонных лицах появлялись улыбки. Ребята работали со строителями до обеда, потом шли в школу. После уроков возвращались и снова работали до позднего вечера.

Саша видел — Католикову труднее всех, но именно он всегда шутит, веселит всех, и начинает казаться, что не так уж и трудно им. А когда сил на дорогу совсем не оставалось, раскладывали здесь же кровати и засыпали на голых матрасах.

И вот к 9 ноября ремонт закончили. Саша не узнавал интернат. Раньше были этажи мальчиков и девочек. Католиков сломал этот порядок — в одной семье братья и сестры разве живут порознь? Прежде спальни были огромные, а теперь они разгорожены, у каждого класса — своя спальня-квартира из нескольких комнат. Появились уголки, отгороженные зеленой стенкой, где можно посидеть с книгой, отдохнуть от шума.

Это был настоящий праздник! Никогда Саша еще не видел свою столовую такой нарядной — на столах пирожные, мороженое — невиданные в интернате лакомства. Католиков пришел с огромной самодельной куклой, одетой в тельняшку, пел собственные частушки.

Всех, кто отличился на ремонте, награждали дивным подарком — тельняшками. Когда Католиков вручил Саше тельняшку, тот надел ее прямо на рубашку. Да так и ходил весь вечер. Это была не просто одежда, это была награда, как медаль.

Католиков видел — того, что дает государство, интернату недостаточно. На общем собрании объявил — они начинают жесткую экономию во всем, начиная с одежды, и развернут работы в своем лагере в Междоре.

Саша Макаров с удивлением крутил в руках картофелину — где у нее верх, где низ, как ее сажать? Первый гектар картошки ребята сажали вручную. На следующее лето купили лошадь, стало легче. Соседний совхоз раскорчевал им семь гектаров леса под пашню. Появился у них трактор, начали строить гараж.

Саша Макаров простился с интернатом, пошел служить в армию. А когда вернулся и снова попал в лагерь, не узнал его. Матово поблескивали обтянутые пленкой теплицы, смоляным духом отдавали рубленые из сосен летние дома, стояли среди деревьев зимние корпуса. На речке в шлюпках и на моторных катерах копошились малыши, готовились в поход. Крутились вовсю карусели городка аттракционов. Поднялись поодаль набитые инвентарем склады, ползали по полям собственные тракторы, и мальчишки управлялись на них.

Откуда все это появилось? Ранний картофель интернат выкапывал в августе. Первые мешки себе в столовую, остальное сдавали в магазин. Картофель шел нарасхват, потому что совхозы начинали уборку на месяц позднее. Выращивали капусту для засолки, а в совхозе ее совсем не было. Снимали три урожая редиски, три урожая укропа. В лагере выращивали целое море цветов, в городе они шли нарасхват, потому что сорта хорошие, интернат делал большие букеты и не ломил цену. Частники ругались на неожиданных конкурентов и тоже снижали цены.

Саша пришел к Католикову: — Возьмите меня к себе в гараж.

Сначала Саша работал шофером, потом стал заведовать гаражом. И вместе со всеми он радовался, когда сразу три их выпускника поступили в институт. А на будущий год в институт поступило сразу шестеро. Саша Макаров подумал-подумал, а что, если ему пойти в педагогический?

Пришел вечером в кабинет директора посоветоваться, а директор сидит грустный, сердце у него болит — на столе письмо и записка корявыми буквами: «Мои папа и мама пьют. Возьмите меня к себе с моим другом собачкой. Напишите только одно слово — «да» или «нет».

Еще один сигнал бедствия. Еще одному человеку нужна помощь.

Сыктывкар

КЛЕТКА для БУЙНЫХ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

А. Тютюнник
А. Щегалев

Рисунки О. Филипенко

Жизнь в школе продолжалась. На третьем уроке произошел любопытный эпизод. Завхоз обнаружил в вестибюле длинную скамейку из физкультурного зала на четвертом этаже. «Хулиганов развелось», — подумал он и снял двух десятиклассников с урока, чтобы немедленно вернуть скамейку на прежнее место. Десятиклассники добросовестно исполнили порученное и вернулись на урок. Через десять минут завхоз, вновь проходя по этажу, убедился, что скамейка стоит на прежнем месте. Тогда он ворвался на урок и потащил их разбираться. Уже в вестибюле обнаружилось, что скамейки там нет, и красный завхоз подумал, что он переутомился на работе.

Кроме того, в школе в этот день имели место и другие происшествия, участники которых впоследствии либо ссылались на собственное переутомление, либо недобро поминали скрывающихся под школьной формой «оболтусов». Например, в самом конце одной из перемен, когда уже прозвенел звонок, находившиеся в учительской педагоги вдруг обнаружили, что выход загорожен намертво застрявшим в дверном проеме гимнастическим «козлом». Учителя очень спешили, поэтому вынуждены были преодолевать спортивный снаряд кто как умеет. Одни перелезали, другие проползали, самые энергичные — вроде учительницы пения — совершали опорный прыжок. Физкультурник устанавливал порядок, приговаривая: «Жаль, трамплина нет». Были и еще случаи. На последней перемене Матильда, войдя в свой кабинет, споткнулась о невероятных размеров классный журнал, лежавший на полу в развернутом виде. На каждом листе было только название предмета и ее фамилия с проставленной в четверти двойкой. Дойдя до математики, Мария Теодоровна заплакала... Буфетчица позорно бежала из столовой, уверяя встречных, что пирожки вполне доброкачественные, а какой-то пионер превратился в скелет, сжимающий в зубах пирожок. Когда взбудораженная толпа ворвалась в столовую, никакого скелета, разумеется, не было. О других же маловероятных событиях остается только сказать: «Ну, вообще!»

Иначе говоря, Саша Токарев хорошо поразвлекался в этот день — с выдумкой, с огоньком. А потом вспомнил о Марине. Вернее, она сама о себе напомнила, когда демонстративно приняла приглашение некоего мальчика из параллельного класса покататься на спортивном велосипеде. Они договорились так: после уроков расходятся

по домам, затем новый друг берет дома велосипед и заезжает за Мариной. Тут уж Саша все припомнил — и ее вечные подколы, и вчерашние оскорбления.

В нужное время он сел в засаду. Он видел, как некий мальчик подкатил на велосипеде, спрыгнул и весело побежал приглашать Марину. Саша, не дрогнув, пропустил мальчишку мимо себя. Дальше он не медлил. Скользнул к вражескому велосипеду и спровадил его в густые кусты неподалеку. Затем с мрачной решимостью занял позицию, обратившись в точно такой же двухколесный велосипед.

Марина выскочила принаряженная, в брючках. Вокруг увивался некий мальчик. Она оседлала мнимый велосипед и резво закрутила педалями. Некий мальчик потрусил следом, разъясняя особенности спортивных машин, но она прибавила ходу. Мальчик оставался еще где-то за домом, когда Марина, объехав кругом, подъезжала к парадной. В этот момент Саша резко мотнул головой, и руль вывернулся из ее рук. Норовистый велосипед сбросил девочку прямо в лужу, широко раскинувшуюся после ночного дождя, сам же на полной скорости въехал в кусты.

Марина, опираясь рукой о колено, тяжело поднялась на ноги и выбралась на берег, едва не упав снова. Ее пошатывало. Лицо было залеплено грязью, у блузки белой осталась только спина, а модные брючки и вовсе напоминали одежду работника канализационной службы. Очень жалкий вид был у нее. Тут и некий мальчик подбежал. Он завизжал, мигом утратив возвышенное состояние души: «Где велосипед, Марецкая?» В ответ Марина заплакала. И побрела в парадную, прихрамывая. «Где!» — крикнул мальчик вдогонку. «Чего орешь, придурок? — сказал вылезший из кустов Токарев. — Там твой драндулет».

16. ...я понял, что мне жалко Марину. Ей, конечно, было больно. Зря я не подумал об этом раньше. Глупая получилась месть, да и стоило ли вообще мстить? Тем более девчонке. И чего я так разобиделся? Бывало, по-всякому обзывались, а потом самим же смешно делалось. С велосипедом, кстати, сейчас мне все ясно стало. Марина тоже дура — куснуть меня хотела, позлить. А я, между прочим, и так уже злой был. Зацепила она меня вчера с этими вещами... Может, я и в самом деле поглупел? Дурацкое сочинение не мог написать. Еще летом собирался Уэллса в библиоте-

ке взять. Рацию забросил... Но за глупость кусать нечестно.

Тихо в квартире. Первый раз не тянет что-нибудь включать. А ведь поначалу все вместе врубал — кайф ловил. Почитать, что ли? Шкаф не открывается.

И вообще, как-то стыдно. Мшу, ерунду вытворяю. Кстати, вчерашний хмырек с чердака превращаться мне запретил. Словом смешным грозился — демонтаж, я запомнил. Если он, конечно, не приснился. А вдруг я влип со своими шуточками? Уж больно странный был этот «пришелец». Может, действительно, я каким-то инопланетянам поперек дороги встал? Наверное, не стоило мне превращаться. Ведь чувствовал же! А удержаться не мог — все Токаревы такие, заводные. Да, мне еще доказывать надо, что я не верблюд! Инспектор явно дело шил — самовольно, мол, хапнул собственность. Надо бы пораскинуть мозгами. Такие дела творятся! Что-то он там про граждан плел, вроде бы я выселил кого-то в ночь перед вторым сентября. Между прочим, тогда в самом деле подозрительная ночка была. Скрипы, кряхтенье, завывание из шкафа. Уж не сидел ли «гражданин» в шкафу? А потом начались заморочки: со шкафом, с красками, с пианино. Следующей ночью я в телевизор превратился. И понеслось! Сегодня утром с кактусом чертовщина какая-то. Может, все это друг с другом связано и что-нибудь означает?

Начала в моей голове мысль наклеиваться.

Я, правда, не успел понять, какая, потому что меня отвлекли. Заявился Алекс с очень важным видом. Оказалось, он пришел попрощаться. Петя Жаров решил сегодня же бежать из дома — ехать на Север и зарабатывать на магнитофон, — и Алекс должен ехать вместе с ним. Дело чести. Алекс был суров, немногословен, короче, готов к испытаниям. Рукавицы попросил и еще сказал:

— Хочу с твоим папашей переговорить, про Север разузнать.

Стремный поворот! Надо же, что придумали, идиоты! Настроение мгновенно поднялось. Смех из меня рвется, я даже опух, сдерживаясь, а тут звонок в дверь, и заходит — кто бы вы думали? Лена Печкина! И сразу спрашивает:

— Получил назад свой магнитофон?

Я не стал им ничего объяснять. Зачем? Я просто пошел, включил аппарат и поставил кассету. Алекс подбежал к магнитофону, выпучив глаза:

— Откуда он у тебя?

— Шутка, — говорю я и снова смеюсь. Смотрю, Алекс в лице переменялся. Посерел, будто пылью покрылся. Наверное, понял, что я их мастерски надрал. А потом вместо того, чтобы восхититься и начать выпрашивать, процедил: «Ну ты и сволочь». Он не стал ждать, пока я досмеюсь и объясню ему все толком, он взял и ушел, добавив вместо «пока»: «Набить бы тебе, Токарев, морду». Я всегда знал, что Черного — грубый дурак.

А Лене Печкиной было так же весело, как и мне.

Я, конечно, не раскрыл ей свои секреты и все такое. К тому же чувствую, настрой снова киснет. Захотел отвлечься. Музыка крутится, почему бы не потанцевать? Так прямо и сказал:

— Печка, давай потанцуем?

— А целоваться не полезешь? — вдруг спросила она. И покраснела. Я даже возмутился:

— Вот еще, очень надо.

Я так и не понял, обрадовалась она или огорчилась, но танцевать мы начали. Потоптались немного, тут нам и помешали. Пришел с работы папа. Печка сразу засмушалась, отодвинулась от меня подальше, громко попросила какие-то учебники, а когда я сказал, что нет у меня никаких учебников, она заторопилась домой. И напоследок ляпнула:

— Хорошая у тебя музыка, Токарев. Жаль, что у Алекса нет такого магнитофона.

Я, конечно, не выдержал.

— Ну и дуй со своим дураком Алексом на север!

Она похлопала глазами и убралась. Стрекоза.

Пока не пришла мама, у нас в квартире было спокойно. Мы с папой занимались «видиком», экспериментировали, записывали с телевизора всякую всячину. Я выпросил у папы еще одну кассету, он обещал купить. А мама все испортила. Ворвалась сердитая и тут же дневник у меня потребовала. Ясное дело, чем это закончилось. Учился я ведь всего-ничего, а уж полный набор в дневнике имею — пару схлопотал у Матильды, директриса замечание впаяла... Мама на меня наорала и прогнала делать уроки.

Уроки я, понятно, делать не стал. Вот еще! Решил родителей повоспитывать, а то все они меня — надоело... Взял полотенце и отправился в ванную, будто бы мыться. На самом деле я шутку одну придумал, рискованную, между прочим. А что? Я такой — смелый! Правда, не всем это заметно. Кроме того, мне интересно стало: смогу ли. Оказалось, могу! Разделся я, забрался в пустую ванну, лег и превратился в воду. Ощущение было довольно-таки непривычным. Впервые я почувствовал себя растекающимся, ничем не скованным, даже задремал ненадолго. А потом пришел в себя и увидел, что надо мной склонилось испуганное мамино лицо. Мама кричала, наверное, папе: «Тут только вода, а его нет!» Меня вдруг закрутило, потащило куда-то, я с ужасом понял, что мама выдернула затычку, мою голову засосало в темную дыру и через секунду...

Ночь четвертая НЕПОДОТЧЕТНЫЙ

17. ...Саша Токарев мчался по трубе канализации в неизвестном направлении. Поначалу он струсил — ему показалось, что он вот-вот распадется на неисчислимое множество малюсеньких Токаревых. Он пустил в ход все имеющееся у него мастерство и немного сгустился, прекратив тем самым опасный распад. При этом едва не переусердствовал — еще чуть-чуть, и он застрял бы в трубе.

Саша вынырнул в одном из ленинградских каналов, по счастью, не слишком далеко от дома. И, не теряя времени, осуществил обратный переход. Особенно удачным было то, что в его распоряжении оказалось полотенце, которое он случайно держал в руках во время превращения. И когда Саша добрался до берега, он обвязался этим полотенцем и пошлепал домой, притворяясь индийским йогом.

Дверь открыла мама. Увидев одетого не по сезону сына, покрытого к тому же разводами мазута, она бессильно привалилась к косяку:

— Ты где был, мерзавец!

— Мылся, — стуча зубами от холода, сказал Саша. — Ма, а где мочалка?

Тут прибежал папа. Вдвоем они втащили Сашу в квартиру и вихрем закрутились вокруг него. Опомился он уже в своей постели — отмытый, накормленный, пристыженный.

Перед тем, как заснуть, Саша неожиданно вспомнил. Была мысль, которую отогнал приход Алекса! Очень неясная, едва осознанная мысль. И вот какая. Превращения начались с телевизора, кроме того, «отходняк» имел телевизионный характер. Видимо, это не случайно. Но почему именно телевизор? Очень просто — он уважал телевизор больше всего. Без других вещей он еще мог бы прожить, а без телека никак. Потому-то с него все и началось...

Саша проснулся оттого, что кто-то дергал его за ухо. Он открыл глаза, успел заметить над собой нависший документ и тут же зажмурился: свет был включен.

— Распишитесь в моем приходе, — прозвучал начальственный голос. Саша спросил, еще до конца не проснувшись:

— Сколько времени? — и приоткрыл один глаз.

— Пишите: два часа пять минут, — пухлый пальчик потыкал в бланк. — Подпись ставьте здесь.

В руке у Саши обнаружилась авторучка, и он послушно расписался, второй раз в жизни. После чего окончательно проснулся.

Это был инспектор.

— Вам что, родители открыли? — уточнил Саша.

— Неподотчетные номер двадцать один и двадцать два отключены, — объяснил ситуацию инспектор. — А дверной замок нам как-нибудь подотчетен, — в его голосе прорезалась гордость. Затем он уверенно подошел к письменному столу и опустился на стул с таким видом, будто здесь и было его рабочее место. Отодвинул в сторону Сашино барахло, расчистив себе поле деятельности, достал неизвестно откуда кипу бумаг, набор канцелярских принадлежностей, в общем, устроился очень основательно.

— Двадцать третий, именующийся Токаревым, — скучно заговорил он. — Ты злостно нарушил предписание о неприменении незаконно присвоенной способности.

— Я... — челюсть у Саши вдруг затряслась, и он занял: — я нечаянно... я не хотел...

— Но в настоящее время, — монотонно продолжил инспектор, — этот факт не является ос-

нованием для демонтажа ввиду снятия с вас главного обвинения. Согласно существующим правилам главное обвинение становится известным обвиняемому лишь после его снятия или во время демонтажа. Поэтому теперь могу сообщить. Вы обвинялись в нарушении первой обязанности подотчетных мне граждан: не покидать и не менять клетку. Но подозрение о том, что вы гражданин, скрывшийся из своей клетки и меняющий облик, не подтвердилось. Таким образом, будучи всего лишь человеком, то есть неподотчетной стихией, вы подпадаете под действие только хозяйственного права или законов о непреодолимой силе.

При словах «хозяйственное право» Саша ощутил в животе вакуум. Пришло на ум, как хозяйственно поступают с поросятами и цыплятами. Да, страшноватая была речь. Саша понял из нее только одно — во время прошлого разговора его почему-то посчитали не совсем человеком. Но почему? Он всегда был уверен: нужно доказывать, что ты примерный ученик, отличник, или наоборот, что ты не щенок и умеешь классно махать.

Но доказывать, что ты человек?.. И потом, как определили, что он все-таки не сбежавший откуда-то «гражданин», а нормальный школьник? Саша потребовал разъяснений.

— Отвечаю по порядку,— сказал инспектор, по-прежнему не удастая подозреваемого взглядом.— Первое. Поскольку вы скрывались в разных клетках, используя при этом формо-державшую силу, мы и сделали вывод, что вы наш гражданин. Второе. На сегодняшний день все граждане зарегистрированы на своих местах, следовательно, вы не являетесь гражданином. Кроме того, вы превращались в воду, что подтвердило вашу вопиющую нецелесообразность.

— Что такое цесо... целесообразность?

— Это когда гражданин знает, зачем он,— объяснил инспектор.— Вот, например, зачем вы, Токарев?

Токарев открыл и закрыл рот. Очевидно, сказать ему было нечего. Инспектор снисходительно покивал:

— Конечно, вам не ответить. Вопрос «зачем вы?» имеет смысл только в случае вашего хозяй-

ственного использования. Сами по себе вы нецелесообразны.

— Кто это меня использует? — слегка возмутился Саша.

— Как кто? Мы. И год от года расширяем сферу вашего применения.

Саша недоверчиво хмыкнул. Инспектор, казалось, о чем-то задумался. О чем-то крамольном, нехорошем, во всяком случае, взгляд его некоторое время опасно блуждал по комнате.

— Вообще-то, двадцать третий, общаться с вами — значит подрывать мой устойчивый моральный облик. Кто-нибудь может подумать, что я занимаюсь мистикой или разговариваю сам с собой... Все-таки жаль, что вас невозможно подвергнуть демонтажу, жаль.

— А что со мной можно сделать? — дерзко спросил Саша.

— Укротить, как разбушевавшуюся стихию, — просто ответил инспектор.

Вот теперь необходимо было съязвить. В самом деле! Приперся какой-то микроб пузатый — и корчит из себя грозного, страшит, лапшу вешает на уши!.. Но острота не состоялась: что-то шлепнуло Токарева по макушке. Это упала со стены картинка, изображающая иностранную буровую вышку, — папин подарок.

Инспектор прокомментировал:

— Например, так. А могла бы упасть и полка.

Полка с учебниками висела как раз возле кровати. Саша осторожно посмотрел вверх и поежился. Да-а... Угроза была весома.

Инспектор встал и степенно прошелся по комнате, держа ладонь за лацканом пиджака. Кстати, нелепый у него был пиджак. Вместо пуговиц — застежки, как у портфеля. Потом он остановился, неожиданно согнулся пополам, заглянул под шкаф и снисходительно произнес:

— Приветствую. С какого числа на заслуженном отдыхе? С первого?.. Поторопились, дорогой мой, хотя воля ваша...

Саша опешил. Никого там под шкафом не было, кроме старого ранца, с которым еще папа ходил в школу. Саша забросил его туда именно первого сентября.

Инспектор принял надлежащий вид.

— Подумать только — тебя, такого бессмысленного, раздольного, зыбкого, еще обвиняли в вытеснении граждан из своих клеток!

— Это не я... — машинально отреагировал Саша.

— Да-да. Допросы пострадавших показали, что вторжение было произведено неким непознанным гражданином. То есть не тобой.

И тут Саша задал вопрос, давно вертевшийся у него на языке. Он спросил, ощущая пробегающий по спине холодок:

— Товарищ инспектор, а кто из граждан пострадал?

— В ночь с первого на второе нападению подверглись... — инспектор задумался, вспоминая, — ...шкаф книжный, стол письменный одно-тумбовый, фортепиано «Таймыр»... и так далее. Впрочем, я сейчас уточню.

Саше внезапно стало жарко. В голове его

образовалась каша, и при этом он, как ни странно, все-все понимал. Отдельные разрозненные события соединились в одну цепочку.

— Как я раньше не допер! — вскричал он, подпрыгнув.

Между тем инспектор осуществлял поиск списка потерпевших, сосредоточенно шаря где-то глубоко под пиджаком. Дело это оказалось простым. Судя по положению его руки, он уже добрался чуть ли не до спины. Даже пару застежек расстегнул. И вдруг, в результате неловкого движения пиджак распахнулся. Хлынул поток бумаг и папок, но инспектор судорожно дернулся, подхватил его и мгновенно запихал обратно. Саша успел заметить, что внутри этот канцелярский работник состоит из нескольких отделений.

— Беда с застежками, — впервые смутился инспектор.

— А вы что, чемодан? — тихо спросил Саша, проверяя свое открытие. Тот помолчал немного. Лицо его посветлело, разгладилось, губы тронуло подобие улыбки.

— Вы не поверите, но начинал я портфелем, — сказал инспектор почти растроганно. — Трудное было время. Помню себя таким свежим, пахнущим кожей, до краев набитым очень важными документами. Я часто лежал на диванах, кроватях — отдыхал после напряженной работы. С тех пор я люблю лежачие места. Были и тяжелые испытания. Однажды во мне оказался березовый веник, соленый огурец и какая-то незнакомая мне бутылка. Наверное, это был несчастный случай... Потом меня заслуженно заметили, стали продвигать, я добился права изменяться физически и морально, и теперь я работаю на чердаке. Я теперь...

Инспектор вдруг умолк. Стал медленно разбухать, наливаясь значительностью, навис над комнатой, недобро огляделся. Комната будто вздрогнула. Затрепетали занавески, скрипнула кровать, заурчало в батареях. Саша сделал вид, что не испугался.

— У вас что, на чердаке министерство?

— Как?.. Не-ет, чердак это... Это Чердак! Контролируем подотчетных в квартирах, учитываем проявления природных сил, осуществляем надзор, в общем, заведует. Мне доверили сложный участок. Пока справляюсь...

Инспектор увлекся. Но от избытка информации голова у Саши давно шла кругом, и он вскоре перестал различать слова. Интересный рассказ превратился для него в сплошной бубнеж. «...а недавно демонтировали одного невменяемого. Утверждал, что граждане сделаны людьми. Бедняга! Я был против крайней меры, предлагал принудительный ремонт...» Чтобы лучше было слушать, Саша забрался под одеяло, устроился поудобнее...

День четвертый

БОЕЦ

18. ...и честно говоря, я не заметил, когда этот хмырь убрался на свой чердак. Обидно, заснул на самом интересном месте. А утром проснулся боль-

ным. Не так чтобы очень. Просто горло побаливало и все такое — короче, вчерашнее купание в канале аукнулось. Мама вызвала врача, выдала мне антигриппин, сказала, что у нее сегодня комиссия, и ушла на работу. Я доволен, в школу идти не надо.

Стал прикидывать, чем бы заняться: расследовать дальше или в «Мстителей» поиграть. Но когда увидел Шери, то понял, что дело явно принимает серьезный оборот. Кошка выкидывала странные фортеля. Во-первых, она царапала когтями розетку. Во-вторых, на моих глазах она прошла по магнитофону и наступила на клавишу включения. Заиграли мои любимые «Морды». В-третьих, она перестала двигаться, как нормальная кошка, — плавно и мягко. Движения Шери теперь были резкими, как у электрической игрушки. Кроме того, она принималась время от времени мурлыкать что-то похожее на: «ты такой холодный...», иногда сбиваясь на «шерри шерри леди». Хотел выгнать ее на улицу проветриться, да она не пошла!

Волей-неволей, а котелком пришлось поварить — как я умею, если надо. Тем более, ночной разговор из башки не вылезает все утро. Вот задачка! Поверить пузатому инспектору значит самому себя в психи записать. А с другой стороны, как не поверить — что-то несусветное ведь творится! Оказывается, в нашей квартире больше тысячи граждан проживает. Вещи себя гражданами возомнили, а нас ни в грош не ставят. Потому что мы, видите ли, не целесообразные и не подотчетные. Надо же такие слова придумать! Между прочим, кто для них тела делает — то, что они клетками называют? Мы. И без наших клеток им одно место — на помойке. Они-то, небось, думают, что когда-то давным-давно произошли от нас, от стихий, а теперь сами по себе существу-

ют. Да, инспектор много странного наговорил. Будто они используют нас, учитывают, ставят на службу, и между прочим, это очень похоже на то, что мы сами про природу думаем. Например, включаю я утром магнитофон, протираю головку, а получается, что это он мной включился, мной почистился. Точно так же, как я считаю, что меня будит утро и умывает вода.. Мы для них — силы природы, вроде ветра, леса. Инспектор так со мной и разговаривал, будто с морем, прямо, как Пушкин, мол «...прощай, свободная стихия...». В общем, они уверены, что с нашей помощью двигаются, чинятся, ломаются, короче, мы работаем на них, а не наоборот. Неужели это правда? С точки зрения вещей — правда. Надо же! Действительно ведь, многое из того, что мы делаем, с самого начала вызвано вещами и предназначено для них. А мы еще кричим на каждом углу, как мы свободны и разумны! Смех один. И при этом думаем, что, кроме нас, некому больше думать. В свою очередь, и вещи знают как дважды два — люди не могут думать или иметь хоть какие-нибудь собственные цели. Кстати, в самом деле — какие у нас цели, кроме делания вещей?

Кажется, на папином дне рождения дядя Сева объяснял что-то в этом духе, про какие-то три мира. Сидел, развалясь, положив локоть в тарелку с холодцом, и вещал, прикрыв глаза ладонью. Дескать, есть мир природы, мир людей и искусственный мир. Природа создала людей, которые сказали, что они ее венец, а люди создали вещи, и выходит, что вещи — венец людей. Каждый следующий мир пытается подчинить предыдущий, вместо того, чтобы слушаться, как дети взрослых, и учиться уму-разуму. Так говорил дядя Сева, а я внимания не обращал, и мама смеялась, пальцем у виска крутила.

Окончание следует

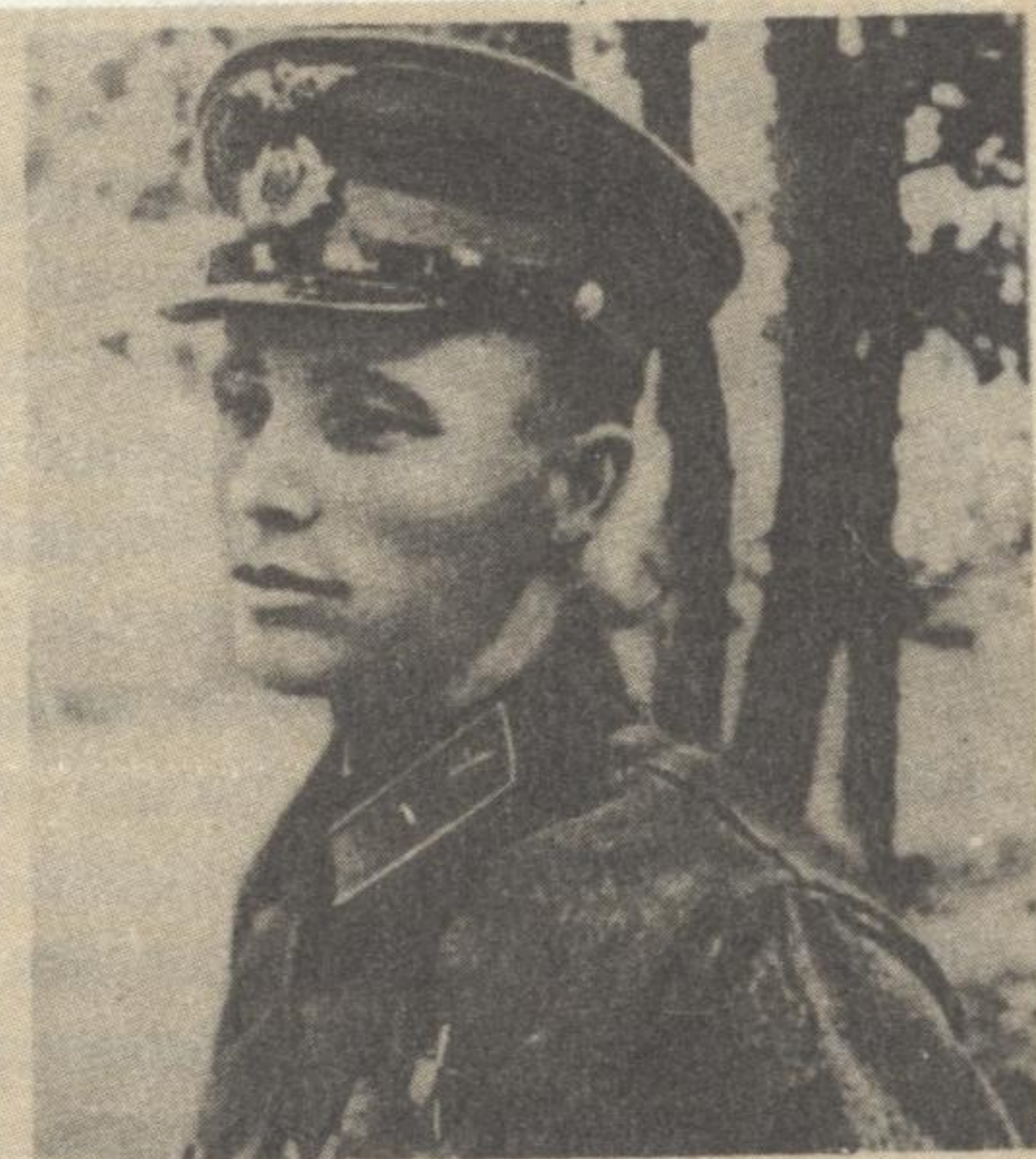
70 ВЛКСМ

22 июня 1941 года комсомол перешел на военное положение. Грозная опасность нависла над Советской страной. Первые эшелоны добровольцев уходили на фронт.

Августовской ночью летчик-комсомолец Виктор Талалихин вступил в бой с группой фашистских бомбардировщиков. Когда кончились патроны, Виктор Талалихин таранил вражеский «юнкерс»!

В тылу врага для подпольной борьбы с оккупантами остались тысячи патриотов-комсомольцев. 1213 партизанских отрядов были комсомольскими.

Навсегда в народной памя-

ти имена подпольщиков-молдогвардейцев!

Эти лаконичные строки хранит Книга Почета ВЛКСМ о подвиге партизанки:

«Космодемьянская Зоя Анатольевна.

Член ВЛКСМ, Герой Советского Союза, за заслуги перед Ленинским комсомолом, мужество и героизм, проявленные в борьбе против фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны».

ТРИ БЕРЕЗЫ

Вечер. На столе — стопка писем, заметки юнкором для «Барабана», рисунки и фотографии на конкурсы «Костра». Сегодня их набралось порядочно. Но я постараюсь ответить на каждое.

Все идет как обычно. Читаю письма мальчишек и девчонок, стучу на пишущей машинке, листаю разные справочники и энциклопедии. Как всегда, допекают «почемучки» — в их письмах бывают такие вопросы, что буквально ошарашивают, не знаешь, как подступить. В таких случаях звоню по телефону знающим людям — ученым, писателям, пионерским и комсомольским работникам. Впрочем, к «почемучкам» я давно привык, и те, к кому обращаюсь за помощью, тоже привыкли.

И вдруг — что это? Не может быть! Я же хорошо помню все, и все было именно так.

На листке ватмана — рисунок. На рисунке — река, на одном берегу три березы, а на другом — заводы, сосновые рощи и два двугорбых холма.

Но, может быть, просто совпадение? И это вовсе не Дес-

на, а Волга, Ока или Днепр? Но подпись на обратной стороне листа не дает отвлечься. Рисунок, который я держу в руках, называется «На Десне».

Но ведь и на Десне могут быть места как две капли воды похожие друг на друга.

«Конечно, может, но с этих двугорбых холмов, — услужливо подсказывает память, — были тогда фашистские пулеметы. А вы с Леной Дольниковым бежали к реке. И, если бы не эта роща, не могучие стволы деревьев, вас с Леной фашисты бы наверняка скосили. И вы навсегда бы остались лежать на том берегу».

Конечно, скосили бы. Но почему мы остались одни? Ночью вся дивизия, переправившись через Десну, вышла из окружения. И наш батальон тоже. Видимо, нам никто не сказал, а может, просто забыли. Но мы знали приказ: «Держаться до последнего». И держались и остались последними.

И вот бежим к реке. За ней — наше спасение. Леня бежал первым. У реки остановился и хрипло сказал: «Видишь, на другом берегу три березы. Старайся плыть прямо

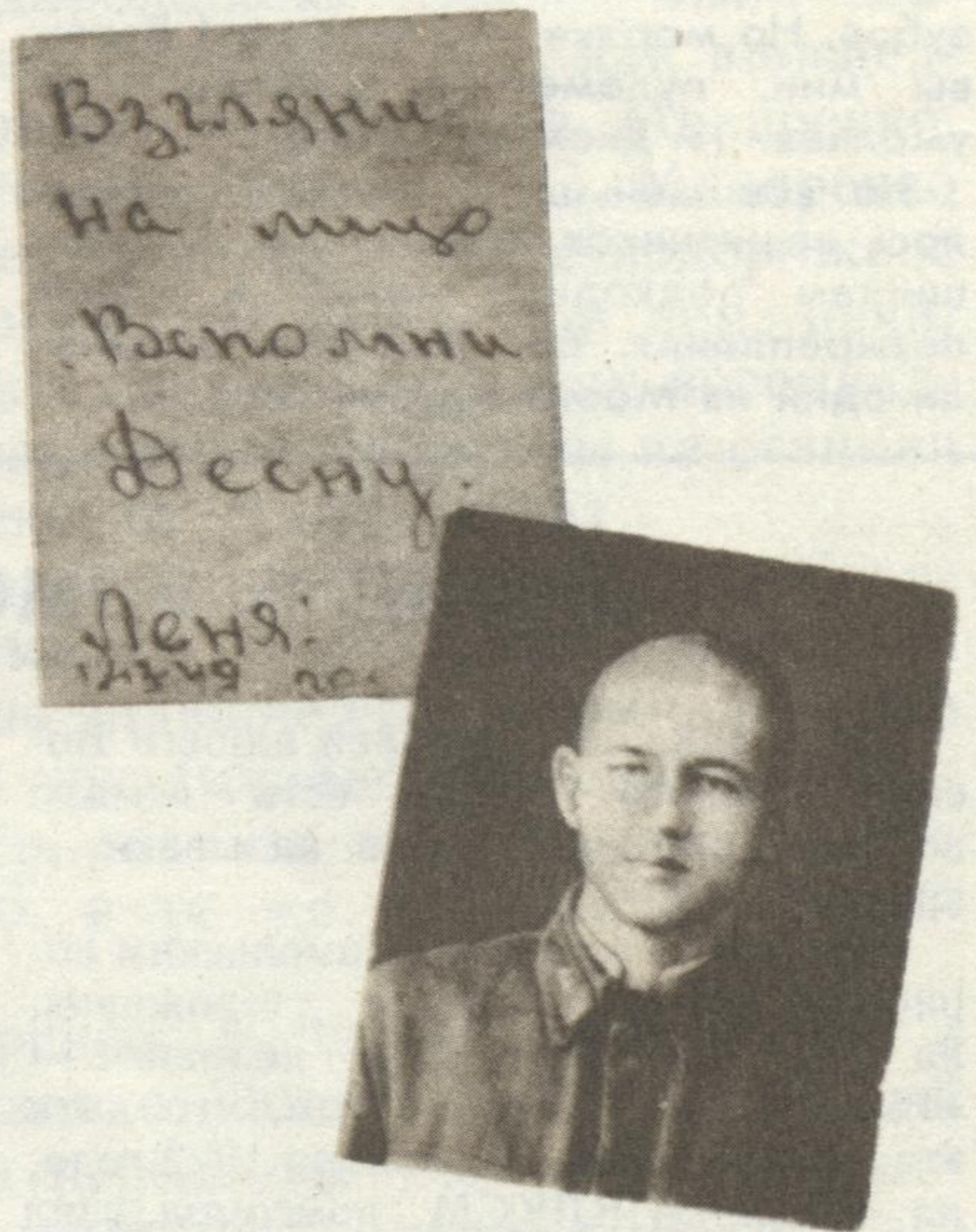
на них. Понял?» И я ответил: «Понял». А надо было честно сказать, что плавать я не умею.

Как он меня нашел на самом дне, не знаю. И как плыл со мной под пулеметным огнем? Тоже не знаю. Знаю одно: он плыл на эти три березы, под которыми я потом долго не мог очухаться. А когда очухался и открыл глаза, первое, что увидел, было — Десна, речные заводы, на берегу — лес и холмы. Картина, которую я никогда не забуду.

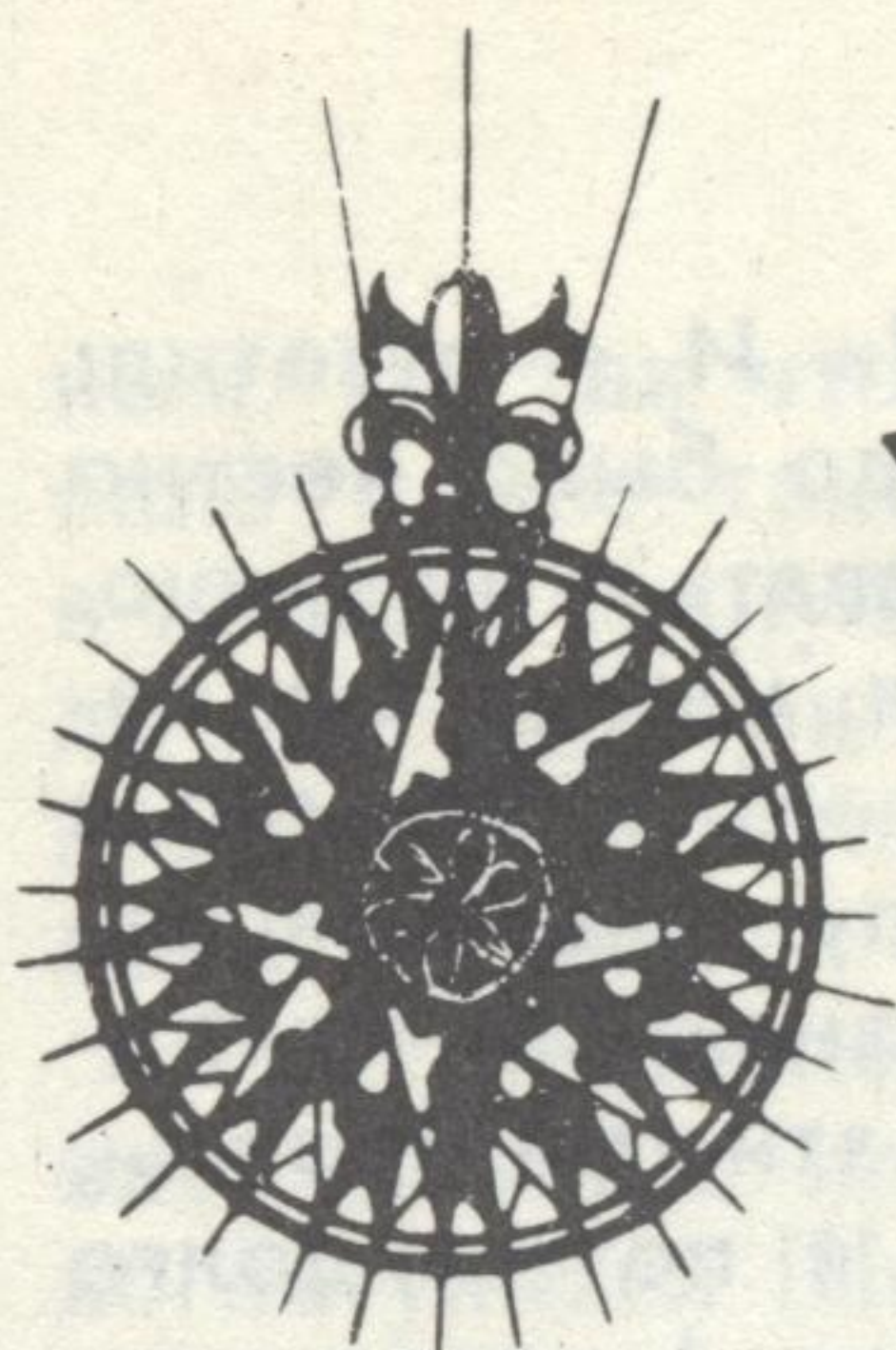
После войны мы не раз собирались приехать на это место. Собирались, но так и не приехали. Вернее, я приехал один. Но это было потом, когда Лени не стало. Три дня жил в гостинице города Шостки. Бродил по реке и нашел это место. В Шостке живет и семиклассница Света Пиук. Она тоже его нашла и оно ей понравилось.

Утро. Стопка ребячьих писем на столе почти не убавилась. Сегодня я читал другие письма — из Туапсе, от моего друга Алексея Георгиевича Дольникова, школьного учителя. На маленькой фотографии, которую он однажды прислал, написано: «Помни Десну».

Я помню, Леня...

Г. КНЯЗЕВ,
консультант пионерского отдела,
бывший комсорг батальона связи
155-й стрелковой дивизии

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

И. Орлов, один из защитников Моонзундских островов

Было это в трудные дни Великой Отечественной войны. В 1941 году... Фашисты с боями вышли на берега Рижского и Финского заливов и захватили город Таллин.

«Скоро все Балтийское море будет нашим!» — вещало фашистское радио.

Но на пути фашистских кораблей встали Моонзундские острова... Эти острова закрывают вход и выход из Рижского залива. Обороняли Моонзунд моряки-балтийцы.

Один за другим бросали на Моонзундские острова свои десанты фашисты. То темной ночью, подкрадываясь на небольших, незаметных катерах. То высаживали сотни солдат с больших транспортов, которые охраняли миноносцы. Они даже сбрасывали парашютистов, вооруженных до зубов. Но моряки не сдавались! Взрывы мин, пулеметные очереди — не умолкали ни днем ни ночью...

Но все меньше и меньше оставалось защитников Моонзунда. А к фашистам подходили новые и новые подкрепления. Вот они уже захватили один из Моонзундских островов —

остров Эзель... Вот уже атакуют другой остров — Даго...

Несколько недель обороняли Моонзунд наши. Пятьдесят тысяч фашистских солдат отвлекли на себя защитники островов... А это значило, что на штурм Ленинграда фашисты бросили на пятьдесят тысяч солдат меньше...

Осенней ночью к полуострову, где еще оставались последние моряки, подошли наши небольшие моторные боты. Держа над головами винтовки, по грудь в холодную воду входили люди в бушлатах и бескозырках. Их поднимали на борт... Спаслись с Моонзунда немногие... Те, кто остался в живых...

...Война окончилась. И прошло после войны еще несколько лет. Случайно на берегу Финского залива нашли зеленую от тины бутылку. Бутылку разбили и увидели, что внутри был свернутый листок бумаги, исписанный карандашом. Письмо в бутылке! Бумагу осторожно просушили и письмо прочитали. Это было послание — из 1941 года...

Вот что там было написано:

«Товарищи краснофлотцы! Мы, моряки Балтийского флота, находящиеся на острове Даго, в этот грозный час, клянемся нашему правительству и партии, что лучше все погибнем до единого, чем сдадим наш остров. Мы докажем всему миру, что советские моряки умеют умирать с честью, выполнив свой долг перед Родиной. Прощайте, товарищи! Мстите фашистским зверям за нашу смерть.

Центр острова Даго, полуостров Тахкуна. По поручению подписали Курочкин, Орлов, Конкин».

Позднее в довоенных архивах нашли фотографию одного из комсомольцев, подписавших письмо, найденное в бутылке...

Олег ОРЛОВ

С ИМЕНЕМ КОМСОМОЛА НА БОРТУ

Среди славных кораблей нашего Военно-Морского Флота есть немало кораблей, которые так и называют — комсомольские...

Наверное, первым комсомольским кораблем можно назвать сторожевик, на борту которого было название — «16 октября»... Дело в том, что дата эта — особенная: 16 октября 1922 года, на V съезде ВЛКСМ, комсомол взял шефство над молодым советским военным флотом. И в том же году начал бороздить волны моря учебный корабль — «Комсомол».

На деньги, собранные комсомольцами, была построена подводная лодка типа «Щ». Назвали ее — «Комсомолец». «Комсомолец» с честью воевал

с фашистами. А были и другие комсомольские подводные лодки: «Челябинский комсомолец», «Ярославский комсомолец», «Новосибирский комсомолец», «Ленинский комсомол».

В составе Амурской флотилии сражался монитор — «Дальневосточный комсомолец», а на Онежском озере воевал тральщик — «Московский комсомол».

После войны вышли на морские просторы корабли с атомными двигателями и лучший из атомоходов назвали — «Ленинский комсомол». Эта атомная подводная лодка совершила подвиг в мирное время: прошла к Северному полюсу подо льдами Арктики...

Немало и сейчас кораблей с именем

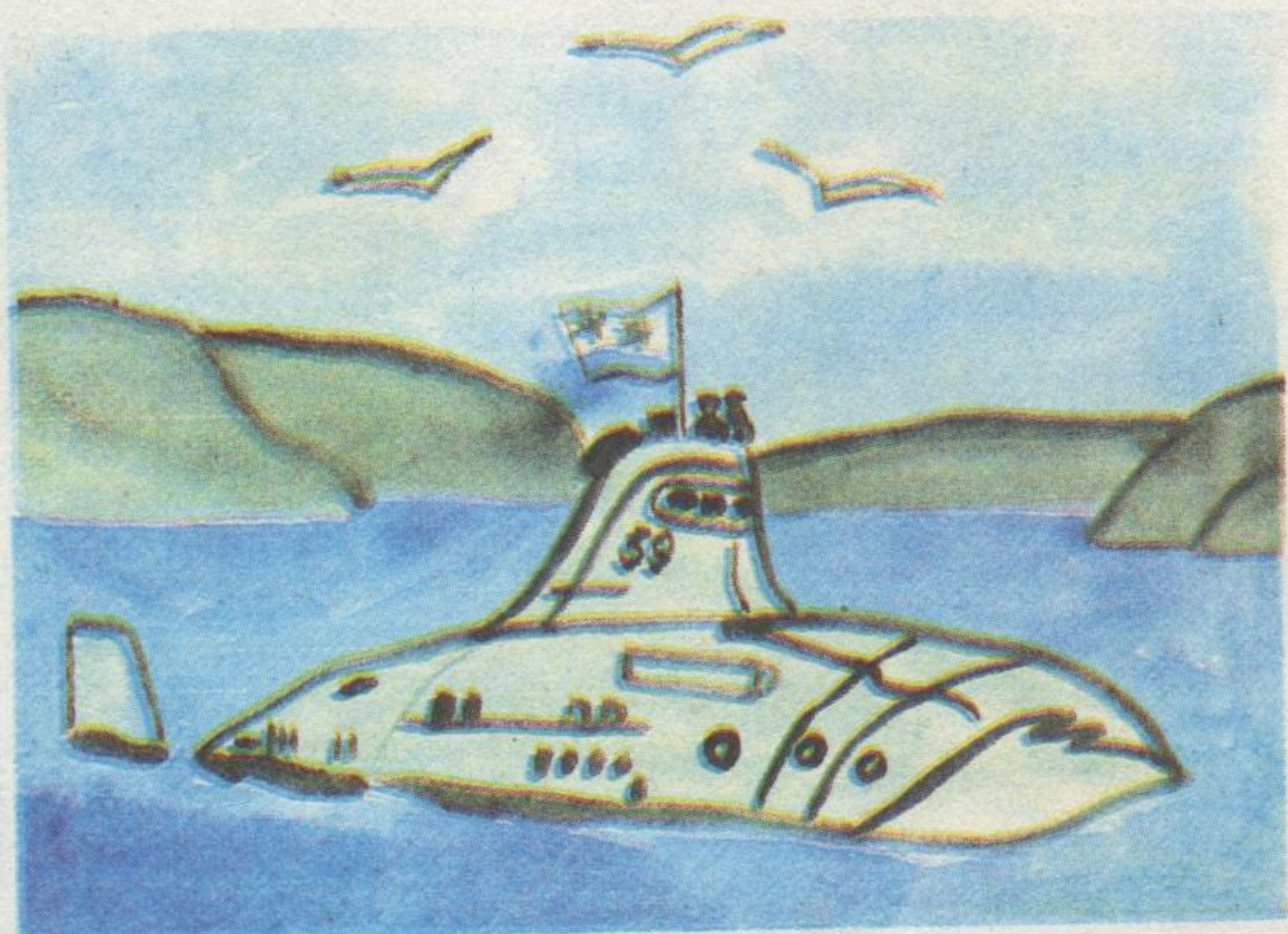
комсомола на борту. Сторожевой корабль и тральщик, ракетный катер и противолодочный корабль, крейсер и плавбаза, подводных лодок.

С. ЮРЬЕВ

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

ПОДВИГ «БРИЛЛИАНТА»
Владик Грецкий,
Миоры

В Японии построено судно, которое управляется с помощью компьютера. Компьютер связан с машиной судна, с рулевым управлением и с основными приборами. В чем же чудо? Пожалуй, в том, что компьютер подчиняется приказам с мостика. И не просто приказам. Компьютер запрограммирован на команды, которые отдаются только голосом определенного человека. А на команды постороннего компьютер никак не реагирует...

Ю. СТУДЕНЦОВ

КОЛОНИЯ ИМЕНИ ГОРЬКОГО

«Учительствование — это форма
самоожжения...»

А. С. Макаренко

«Педагогическая поэма». Мы привыкли к этому названию хорошо известной, всеми любимой книги. Но задумаемся в него: «педагогика» — это что-то сухое, нудное, и вдруг рядом с ней «поэма». Как уживаются они под одной обложкой? Уживаются, представьте себе, более того — составляют единое целое.

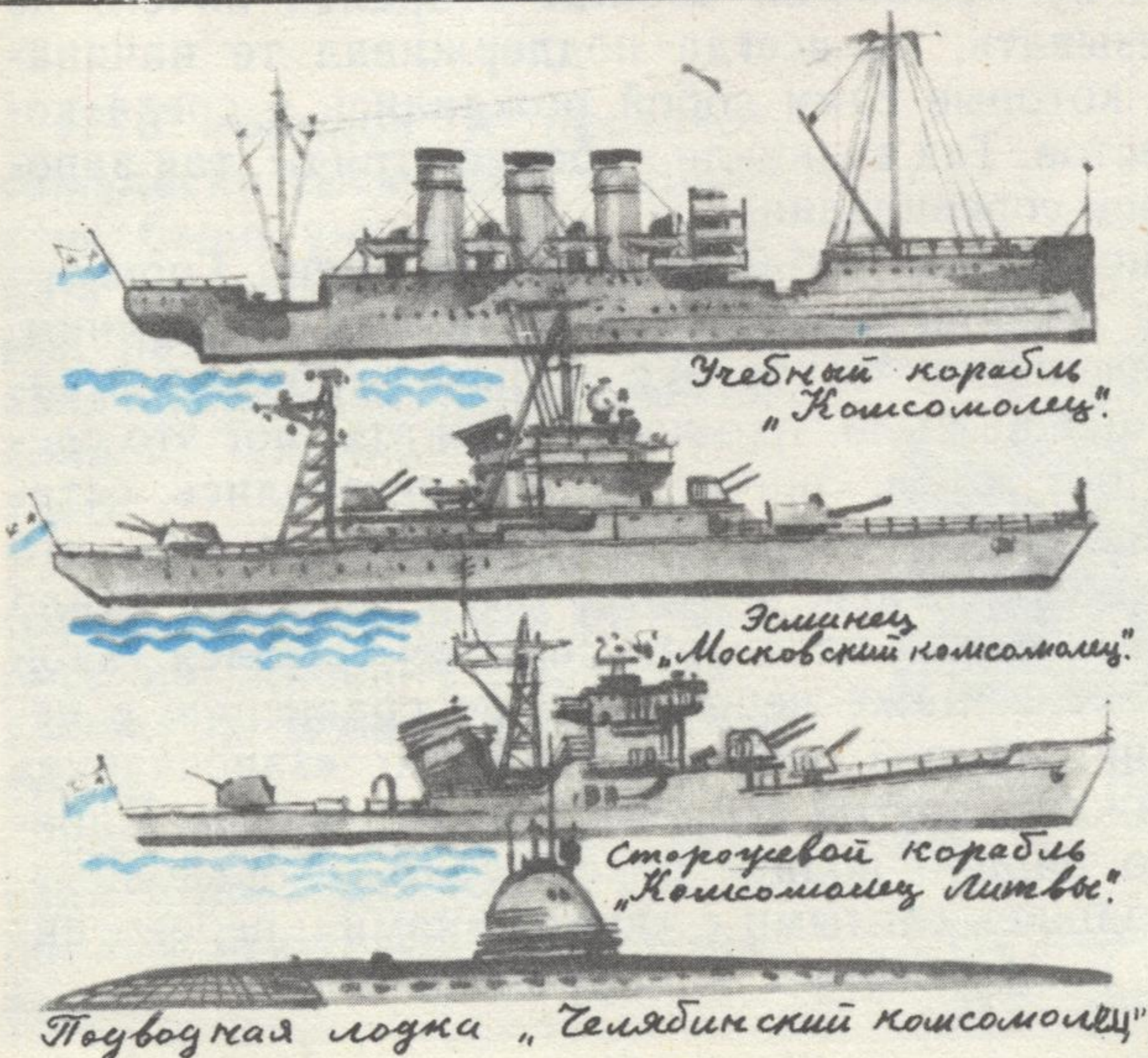
Эта удивительная книга чем-то напоминает «Робинзона Крузо» Дефо. Там идет простой рассказ — человек делает стол, сеет хлеб, строит дом. Тут тоже вроде бы бесхитростный дневник, записки заведующего колонией — когда распахали поле, где и как достали лошадей, во что одеты и обуты колонисты, а мы читаем страницу за страницей и не можем оторваться. Но у этих книг есть и различие: Робинзон — один, в «Педагогической поэме» герой — коллектив. Это книга о том, как он рождается и крепнет. И еще одно, наверно, самое главное: все, о чем рассказывается в ней, — правда, здесь описаны реальные события. Единственное, что автор изменил, это фамилии некоторых героев.

Автор книги — тот человек, от лица которого ведется рассказ, заведующий детской колонией имени Горького Антон Семенович Макаренко. Очень талантливый педагог и очень талантливый писатель.

Антон Семенович родился в небольшом городке Белополье неподалеку от Харькова в семье рабочего-железнодорожника. Семья была далеко не богатая, но сыновей учили, как впоследствии с благодарностью вспоминал Макаренко, «на медные деньги». В 1905 г. А. С. Макаренко заканчивает Кременчугское железнодорожное училище и педагогические курсы при нем, начинается его трудовая деятельность: ему восемнадцать лет, он учитель начальной школы на станции Крюково (недалеко от Кременчуга).

Макаренко проработал учителем девять лет, одновременно занимался самообразованием. Вообще люди, хорошо знавшие его, вспоминают, что человеком он был чрезвычайно одаренным, — любил музыку и театр, рисовал пейзажи и карикатуры на начальство, в те же годы написал свой первый рассказ.

Однако, Макаренко выбирает педагогику и в 1914 г. поступает в Полтавский учительский институт, одно из передовых учебных заведений того времени. Институт заканчивает в 1917 г. с золотой медалью. Потом заведует школами в Крюкове и Полтаве, и вот 1920 год. О том, что было дальше, узнаем из «Педагогической поэмы»: глава 1 «Разговор с завгубнаробразом». Этот человек (заведующий губернским, т. е. областным,

отделом народного образования) назначает Макаренко заведующим колонией для несовершеннолетних правонарушителей — по тем временам это, в основном, беспризорники.

Поначалу кажется, что «Колония имени Горького» — слишком уж громкое название для нескольких заброшенных строений без стекол с живущими в них шестью правонарушителями, не такими уж малолетними. А больше — ни мебели, ни одежды, ни книг — ничего.

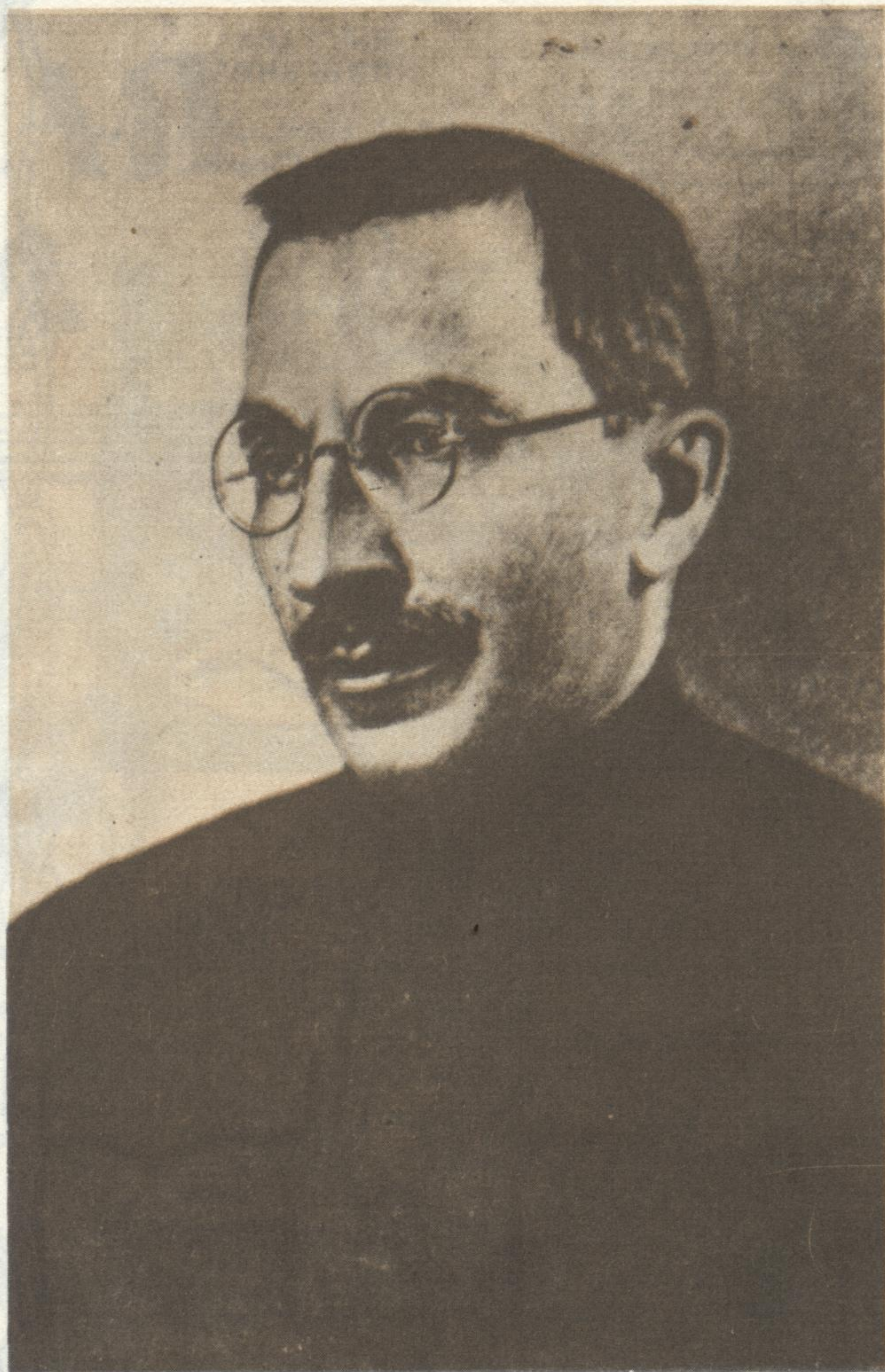
Но заглянем теперь на последнюю страницу. Аккуратные спальни и классы, ухоженная территория, цветы. Еще дальше — поля, свиноферма, мастерские. Почти четыреста колонистов шагают колонной под красным флагом. Почти всем необходимым они обеспечивают себя сами — и пахут землю и шьют одежду. А одновременно учатся, читают книги, играют в любительском театре. Откуда же все это взялось? Вот об этом и рассказывает книга.

Настоящий герой «Педагогической поэмы» — коллектив. И это вовсе не обезличка, ведь его составляют отдельные люди. Только тогда получится хороший настоящий коллектив, когда состоять он будет из ярких индивидуальностей. И Антон Семенович это очень хорошо понимал. Читая его книгу, мы следим за общим хором, но этот хор не заглушает отдельных голосов. Разве не запомнили мы Задорова, Карабанова, Марусю Левченко? Кто спутает точного и педантичного агронома Шере с немного смешным добрым Калиной Ивановичем? Каждый человек у Макаренко неповторим.

Но в колонии имени Горького из этих совершенно разных людей сложился настоящий живой организм, в него входили Бурун и Оля Воронова, малыш Ваня Зайченко и преподаватель Екатерина Григорьевна, и у всех, у детей и взрослых, жизнь была одна — общая жизнь колонии.

Снова хочется спросить: но как же это получилось? Что сплотило их, таких разных? Во-первых, и прежде всего — труд. В колонии все работают. И это не производственная практика. Макаренко вообще был против «труда ради самого процесса труда». Колонисты работают, чтобы жить. Поэтому они бросают силы на самое нужное, самое необходимое — зимой нужно заготовить дрова, весной вспахать поле. И только потом доходит дело до обуви и одежды, а там, смотрим, уже дошли руки до цветов и до театра. Кстати, детская коммуна имени Дзержинского, которой Макаренко заведовал впоследствии, полностью перешла на самоокупаемость.

А чтобы нормально работать, нужно организовать работу. Так возникают рабочие отряды — постоянные и временные, а с ними и совет командиров. Теперь этот совет решает все — кого и куда послать на работу, выдать ли замуж Олю Воронову, как наказать вора Аркадия Ужикова. А особо важные проблемы выносятся на общее собрание коллектива. Вот оно, настоящее самоуправление. Сейчас о нем много говорят, но чтобы оно получилось, нужен коллектив, без него самоуправление — пустой звук. А есть ли такие коллективы в наших школах?

Еще и сейчас Макаренко ставят в упрек — все, мол, у него держалось на железной военной дисциплине, на беспрекословном подчинении. Конечно, колонисты ходили строем, были у них барабанщики, горнисты и знаменосцы, но этим, кажется, «военизированность» и ограничивается. Ведь и сам Макаренко писал, что «дисциплина, основанная на приказе, догме, всегда имеет склонность обратиться в слепое повиновение». Этого ему было не нужно, он вообще старался ничего не навязывать, но всегда поддерживал те начинания, которые сами собой рождались в среде колонистов. Так возникли рабочие отряды, так зародилось соревнование.

Дисциплина ребят из колонии имени Горького была дисциплиной свободных людей. Напомним, что в колонии Макаренко не было заборов и охраны тоже не было. Кто хотел убежать, мог это сделать без труда. Значит, те, кто оставались, оставались сознательно. Просто сложилось так, что хорошо работать, учиться, быть со всеми стало делом чести. А насколько сильнее оказался такой коллектив, даже небольшой, по сравнению с неорганизованной толпой, показало «завоевание» Куряжа — другой колонии, где до приезда Макаренко царил полное разложение. «Горьковцы», оказавшись слитыми с «куряжанами», перевоспитали их буквально в пару недель.

Итак, в колонии Горького коллектив сложился, а в Куряже нет. Это, разумеется, не случайность. Есть в книге еще один персонаж, который присутствует на каждой странице. Это автор — заведующий колонией Антон Семенович Макаренко. Присмотримся к этому человеку, одетому в военный китель, внешне сухому и строгому. Как относятся к нему ребята — боятся, или наоборот — любят и уважают?

Вот что пишет бывший воспитанник колонии Семен Калабалин (в книге он — Карабанов): «Он был для нас постоянно действующим самым живым и убедительным примером. Нам хотелось хоть чем-нибудь быть похожим на него: голосом, почерком, походкой, отношением к труду, шуткой... Каждый из нас имел право на сыновнее чувство к нему...»

Так относились к нему колонисты, так и он относился к ним. Макаренко был настоящим педагогом, а «учительство» — как писал он, — это форма самосожжения». Этому нельзя научить. Сотня книг по педагогике не подскажет нового неожиданного решения в сложной ситуации, не поможет выбрать к каждому человеку тот единственно верный подход. А Макаренко всегда его находил — вот он доверяет Карабанову получить большую сумму денег, вот ставит лентяя Галатенко во главе рабочего отряда. И всегда попадает в цель.

Однако, педагогическое начальство относилось к успехам Макаренко с полным непониманием. Об этом много говорится на страницах книги. И между прочим, враги побеждают. Помните, чем кончается «Педагогическая поэма» — приезжает в гости к колонистам Горький, а потом колонию закрывают. Макаренко переходит в детскую коммуну имени Дзержинского, организованную не Отделом народного образования, а ЧК.

Так кончается книга. Что же было дальше? Макаренко заведовал коммуну имени Дзержин-

ского до 1935 г., а в 1937 переехал в Москву и полностью погрузился в литературное творчество. Писал он с полным напряжением сил, с утра до вечера — так же, как делал и любую другую работу.

Большую помощь Макаренко оказывал Горький. Еще во время посещения колонии он поддержал идею о создании книги, следил за работой Антона Семеновича, и надо сказать, что книга была напечатана во многом благодаря Горькому — сначала она выходила частями (1933 и 1935 годы) в альманахе под редакцией Горького. А в 1937 г. «Педагогическая поэма» появилась отдельным изданием.

Макаренко пишет потрясающе много. Кроме нового романа «Флаги на башнях» он выпускает «Книгу для родителей», много статей по вопросам воспитания, воспоминания «Горький в моей жизни». За свой труд Антон Семенович Макаренко был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

1 апреля 1939 г. Макаренко не стало. Хоронил его Союз писателей. Да мы и сейчас знаем этого удивительного человека скорее как писателя, чем как педагога, — его книги переиздаются, а колоний, основанных на его принципах, нет. И это при том, что за границей макаренковская система воспитания вызывает большой интерес и продолжает изучаться. За один лишь 1980 г. в ФРГ было выпущено около 800 работ о ней, в Марбурге существует даже лаборатория Макаренко. А ЮНЕСКО приняло решение в 1988 г. широко отметить столетие со дня рождения знаменитого педагога.

Отметим его и мы, вспомним и подумаем, а не обратиться ли в строительстве нынешней школы к принципам, так хорошо знакомым нам по нестареющей книге Макаренко «Педагогическая поэма».

Е. ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ

70 ВЛКСМ

1710 городов и поселков, семьдесят тысяч сел и деревень было уничтожено. Тридцать две тысячи заводов и фабрик лежали в руинах. Страна залечивала раны, нанесенные войной. Стране нужен был хлеб.

В феврале 1954 года первые группы добровольцев отправились на освоение целинных и залежных земель в казахские степи.

Еще через три года Советский Союз запустил в космос первый искусственный спутник земли.

И вот настал апрель 1961 года...

Из Книги Почета ВЛКСМ:
«Гагарин Юрий Алексе-

евич — воспитанник Ленинского комсомола. Первый в мире летчик-космонавт, проложивший людям земли путь в Космос...»

Весёлый звонок

Составил и оформил Л. Каминский

Ранним воскресным утром, когда на улице было еще темно, семиклассник Костя Крючков, прихватив с собой рыболовные снасти, термос с горячим чаем и транзистор, направился к автобусу, который идет в сторону Калининградского залива.

Когда он приехал на залив, уже рассвело. Костя выбрал подходящее место, насадил на крючок червяка и установил удочку. Потом он почувствовал, что пора завтракать. От достал термос, бутерброды с колбасой и включил транзистор, чтобы не было скучно.

Вдруг поплавок стал стремительно тонуть. Костя бросился к удочке и ногой задел термос. Термос покатился и шлепнулся в воду. Костя хотел его вытащить, но другой ногой задел транзистор, который плюхнулся рядом с термосом. Через секунду оба предмета исчезли в реке. Поплавок продолжал судорожно дергаться. Расстро-

енный Костя вытащил удочку и обнаружил на крючке маленькую рыбку, похожую на корюшку. Чешуя рыбки светилась ярким светом.

— Неужели — волшебная?! — ахнул Костя.

— Ты угадал, Костя, — сказала рыбка обычным человеческим голосом, каким и положено говорить сказочным рыбкам. — Отпусти меня, пожалуйста! Я исполню три твоих желания. Задумай, что хочешь!

«Вот бы термос вернулся...» — не успел подумать Костя, как рядом с ним оказался целехонький термос.

«И транзистор жалко...» — подумал Костя, и сразу же увидел рядом с собой радиоприемник, который, как ни в чем не бывало, напевал голосом Аллы Пугачевой веселую песенку «Три желанья».

— Вот это да! — обрадовался Костя. — Скорей бы домой вернуться — ребятам рассказать! Никто и не поверит!..

И вдруг Костя обнаружил, что он сидит у себя дома в кресле! Все три желания рыбка выполнила...

— Эх, и дурак я! — сам на себя рассердился Костя. — На что последнее желание истратил! Вполне бы мог на автобусе домой добраться! Хоть бы попросил у рыбки пятерку за контрольную по математике!..

Назавтра в школе Костя Крючков рассказал всю эту необычную историю ребятам. И ему действительно никто не поверил. Да и сам Костя стал сомневаться, было ли это на самом деле, или просто он спал в кресле под веселую песню Пугачевой «Три желанья».

Василий Серых,
юнкор 7-б класса
средней школы № 3
Калининграда

Ответы у доски

- От чего зависит температура воздуха?
- От термометра!

- Что нужно узнать в этой задаче?
- Сколько весит один килограмм масла.

- Как отличить съедобный гриб от ядовитого?
- По вкусу!

Ответы прислали:

Вика Сендиш
и Оксана Перхняк,
Мелитополь,
Настя Дворникова,
Осинники Кемеровской обл.,
Марина Попова
и Наташа Шумова,
с. Нюксеница
Вологодской обл.

Опять двойка?..

Эта популярная картина известного художника Ф. П. Решетникова особенно хорошо знакома четвероклассникам, потому что репродукция с нее напечатана в учебнике русского языка для 4-го класса. И многие, конечно, делали упражнение № 185 — писали по ней сочинение. Правда, у некоторых ребят сочинения получились довольно оригинальные. Сегодня я подобрал наиболее смешные отрывки из таких сочинений.

Учитель смеял

«На переднем плане мы видим мальчика. У него на лице светлая голова с хохолком на макушке».

«У мальчика грустная физиономия на фоне стены».

«С радостью его встречает собака, с которой он катался на коньках».

«Мальчик вошел в комнату, опустил голову, и так стоял — вниз головой».

«Из портфеля ученика выглядывали коньки и немного грустные глаза».

«Когда мать узнала про двойку, он опустил голову на пол».

«Что, опять двойку получил? — спросила мама. — Да, — ответил сын. Мама так и села...»

«Так описывает мальчика художник Решетников, получивший двойку по математике».

«Портфель не закрывался, пришлось его завязать веревкой, после чего он отправился на каток».

«Ученик пришел грустный из школы, а мама ему говорит: «Решетников, опять двойка?»

«Собака не знала, что он получил пару, поэтому она радостно улыбается, бросаясь на друга».

«Мама одета по-домашнему: комнатные тапки, на голове

платок, черная юбка и фартук».

«Мама сложила на коленях руки цепочкой. Она долбила сыну, чтобы он хорошо учился».

«К матери подъехал на велосипеде младший брат. Он гочет».

«В этой картине художник показал, что нужно добросовестно учиться, а не бить баклуши на коньках, огорчая свою семью».

Прислали:
Костя Савин,
Диана Игнатьева,
Лена Паринова,
Юля Сизова,
Инна Диканская,
Оля Косыгина,
Андрей Пргичини,
Женя Федоркин,
Ася Гареева,
Ваня Фильберт,
Маша Дуплихина,
Игорь Швед,
Катя Бронникова,
Гена Павлюков

Стихи Иры Калининой из села Гостилицы Ленинградской области написаны порою не очень умело. Но нам все-таки хочется их напечатать — настолько они просты, добры и искренни.

МОЕЙ ПОДРУГЕ

Летит письмо в Болгарию
Из дома моего,
Моей подруге Зорнице
Написано оно.

По морю-то по Черному
Летит, плывет письмо.
И пусть подруга Зорница
Скорей прочтет его.

И вот письмо от Зорницы
Летит в мое село.
В мое село Гостилицы
Написано оно.

Стихотворение Светы Наумец, как и любое хорошее стихотворение, нужно читать медленно. Оно все наполнено метафорами, яркими, неожиданными.

Света — ученица 5-го класса киевской школы № 141. Она занимается в литературной студии «Первоцвет» при журнале «Барвинок». А первое Светино стихотворение напечатала газета «Вечерний Киев», когда ей было всего шесть лет.

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Рядовой фонарь Вселенной —
Бледнолицая луна.
Мышью белой в норке темной —
В туче прячется она.

А две звездочки — девчонки,
Колокольчиком юбчонки,
Две подружки, две болтушки,
Две веселых хохотушки
Учат технику мерцанья,
Удивленья, восклицанья!

Но в пейзаж вечерней сказки
Быстро выпрыгнул туман
И осенний, морозящий
Дождь — осадков атаман.

Рисунок Е. Аникиной

Карина Хумарян живет в Москве и учится в 6-а классе школы № 123. Карина прислала в «Костер» свою сказку. В редакции сказка понравилась. Надеемся, что она понравится и вам, ребята.

КЛЕНОВЫЙ ЛИСТ

Кленовый листик дрожал от страха. Только недавно он был со своими друзьями-листьями на веточке и весело переговаривался с ними. А сейчас... Промозглый ветер пронизывает бедный листик насквозь. Он летит по воздуху мимо оголенных деревьев над серым, невеселым асфальтом.

Ветер принес с собой с севера мелкий, колкий снежок. Только он на минутку прекратился, и листик думает, что сейчас он коснется земли, как снова начинает бушевать противный ветер и подбрасывает листик вверх, и несет. «Когда я был на ветке, — думает листик, — мне очень хотелось хоть немного полетать, а сейчас — совсем наоборот. Солнца нет, белых облачков, за которыми мне мечталось угнаться, тоже нет».

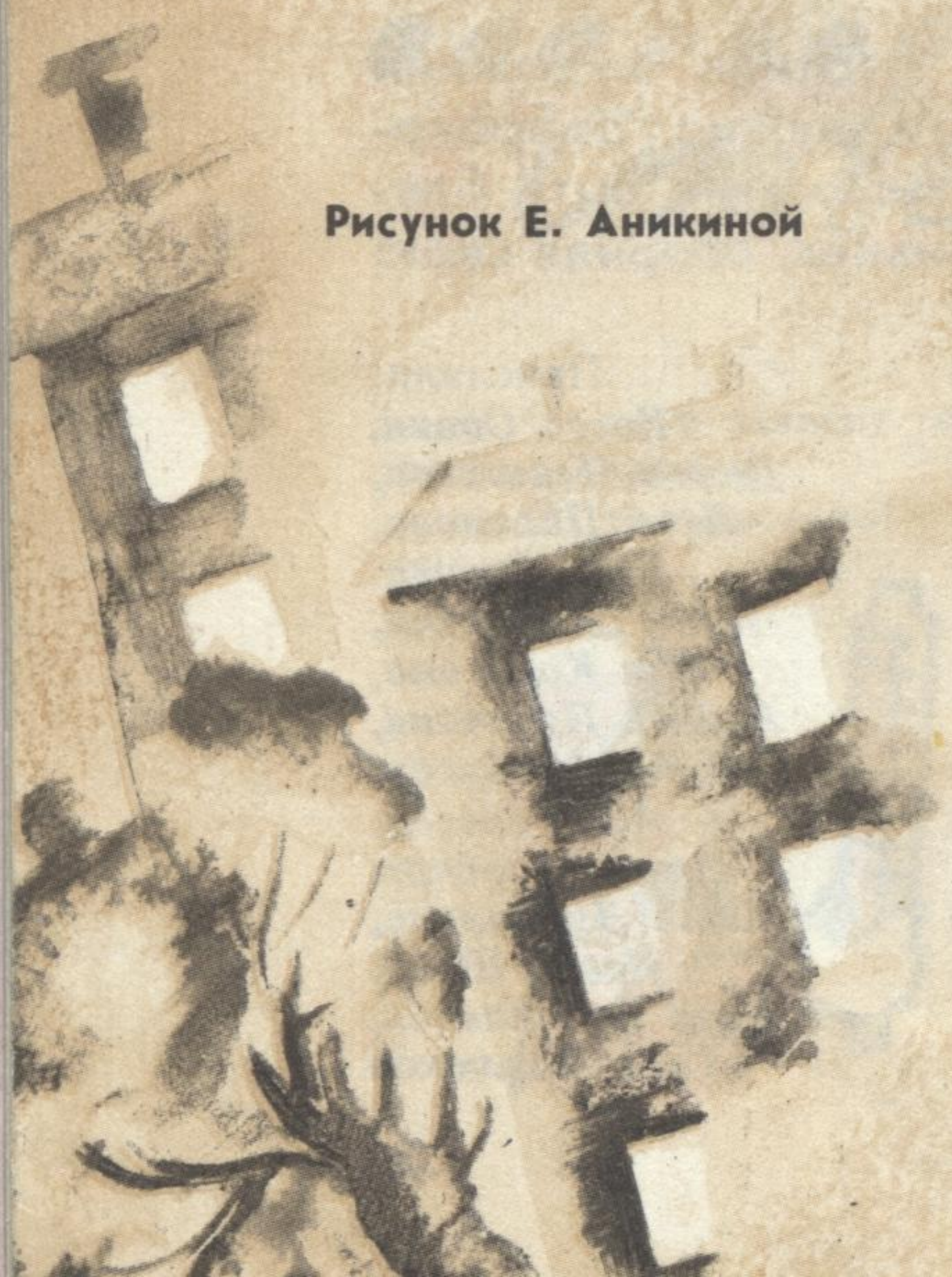
И в этот момент он опустился в руки девочки Ани.

— Ой! — обрадовался листик.

— Ой! — удивилась Аня, — из этого листика может получиться прекрасный львенок!..

Аня взяла бумагу, клей и краски. И стал листик львенком с рыжей гривой.

«Как хорошо все-таки кому-то приносить радость!» — сказал листик-львенок.

ЧЕМПИОНАТ-88

Перед вами, доблестные разведчики, финишная ленточка Чемпионата — десятый тур! Он выявит чемпионов, чемпионку и остальных победителей соревнований этого года, которые будут награждены призами и дипломами. Боевые задания призового тура принесут решившим по 15 очков. А кто не добрал в разрядных турах 10 очков до нормы, сможет возместить их теперь, если при сдаче на 4-й разряд решит четыре позиции, при сдаче на 3-й — пять, при сдаче на 2-й — все шесть.

Вопросов нет? Тогда — по доскам! ШАХМАТЫ.

А. Белые: Крг1, Са1, Кf6, п. h6; черные: Крh8, Сb7, п. g3.

Б. (Ф. Хили). Белые: Крд6, Фf2, Лс5, п. с3; черные: Крд3.

В. (Николай Зиновьев, Усть-Каменогорск). См. диаграмму.

Г. (Г. Венинк). Белые: Крh6, Сс8, п. g4; черные: Крf6, Сb4, п. e5.

Д. (В. и М. Платовы). Белые: Крh3, Са2, пп. с4, с6; черные: Крг6, Са8, п. h5.

Е. (Н. Григорьев). Белые: Крд2, п. a3, f5; черные: Крh7, Ка2.

Цель разведки: А — дается мат в 4 хода? Б — в 3 хода? В — в 5 ходов? Г, Д, Е — установить ожидающий белых результат.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. (С. Ковалев, Уссурийск). Белые: а3, с1, е1, е5, f2, h2; черные: а5, с3, е7, g5, h4, h8.

Б. (С. Ковалев). Белые: а3, b4, с3, d4, f2, g3, h2, h4; черные: а5, с7, d8, е7, f6, f8, g5, g7, h8.

В. Белые: d6, f6, h2, h4, h6; черные: b2, d8, f8, h8.

Г. (Д. Калинин). Белые: Д. f6, пр. a7, h4; черные: пр. с7, f4, h2.

Д. (Д. Калинин). Белые: Д. f6, пр. e5; черные: пр. a5, d8, f8.

Е. (Д. Калинин). Белые: Д. с3, пр. e1, g5; черные: пр. e3, g3.

Цель разведки: А, Б, В, Г, Д, Е — выявить пути к победе белых там, где они есть.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. (Деноел). Белые: 21, 26, 31, 40, 42, 44, 49; черные: 7, 8, 14, 23, 24, 35, 37.

Б. (В. Монсма). Белые: 27, 37, 38, 41, 42, 43, 47; черные: 8, 14, 18, 26, 29, 33, 36.

В. (В. Степанов). Белые: 30, 32, 37, 44, 45, 49, 50; черные: 12, 13, 18, 23, 25, 33, 39.

Г. (Фабр). Белые: Д. 31, пр. 24, 33; черные: пр. 17, 25, 35.

Д. (Ю. Шмидт). Белые: 19, 26, 27, 32; черные: 6, 7, 9, 17.

Е. (Бом-Гюйсман). Белые: 27, 28, 32, 35, 37, 38, 44, 45; черные: 9, 11, 12, 17, 19, 23, 26, 34.

Цель разведки: А, Б, В, Г, Д, Е — командуя белыми, проверить боеспособность противника.

КИОСК

«МГНОВЕННАЯ СПРАВКА»

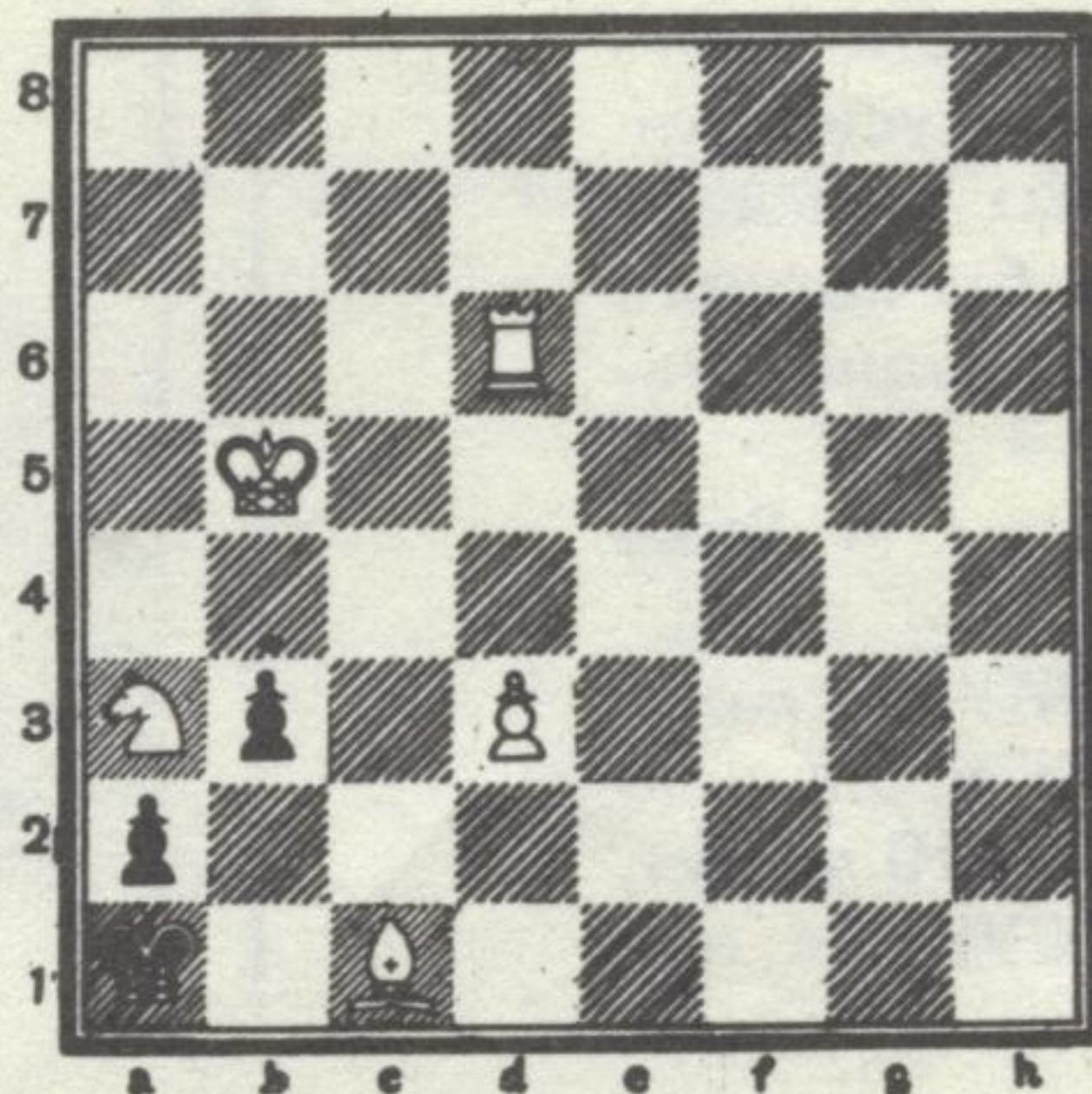
«Однажды у меня получилось положение — белые (мои): Крд5, Фh4; черные: Крb1, п. a2. Хотя и был мой ход, но выиграть я не сумел: никак не мог отогнать черного короля от пешки, чтобы побить ее. Я ходил 1. Фb4+Крс2 2. Фа3 Крb1 3. Фb3+, а он — 3...Крa1 и все приходилось начинать снова. А можно ли было выиграть?» — спрашивает Валерий Соев.

— Конечно! Смотри: 1. Фe1+Крb2 2. Фd2+Крb1 3. Крс4! a1Ф 4. Крb3! и у черных нет защиты от мата.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Расставь фигуры — белые: Крд2, Cf1; черные: Крf3, пп. a4, h2. Черные пешки вот-вот вступят на первую линию и превратятся в ферзей. Как же белым остановить их и спастись от поражения?

Этим боевым заданием подготовка резервников к переходу в разведчики заканчивается. Кто ее прошел, должен сначала отправить рапорт №10, а через три дня доложить Ферзьбери о числе набранных за время пребывания в Отряде резерва очков и просить о переводе из резерва в разведчики АРЧЕБЕКА. Затем ждать ответа от шахмат-адмирала.

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКА

За решение позиции Юрия Новикова («Костер» № 4, «Кого ждет приз?») награждается Роза Исламова (п. «Дружба»). Перейти к этой позиции можно хотя бы от такого естественного положения — белые: Д. c1, d8, пр. b2, с7; черные: пр. a5, a7, с5, d4, e5, f2, f8, h6, если сделать ходы — 1...b6 2. e3 e7 3. g1 d6 4. g5 f4 5. e3 d2 6. с3 b4.

За решение задачи Авенира Шапошникова («Костер» № 4, «Известно и неизвестно») награждается Володя Васютин (п. Тюлькино). Фигуры стояли так — белые: Крс5, Кd3; черные: Кра5, Ка3, Ка7, пп. a4, a6. Белые играют 1. Ке5! и у черных возникает цугцванг: из-за того, что они обязаны пойти, белые следующим своим ходом объявят мат.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 7 решаются так.

Чемпионат. ШХМ. А. Путь к ничьей:

1. Лс7 Крс5 2. Лb7 Кb4 3. Лb5+Крс4 4. Лс5+! и т. д. Если 1... Крb3, то 2. Лg7! Лс2 3. Лb7+Крс3 4. Лb3+!
Б. Путь к победе — 1. Крh3! (но не 1. Крг3 из-за h1К+! с ничьей) h1Ф+ 2. Крг3 Крf1 3. Лa1+ Кре2 4. Л:h1 Кре3 5. Лd1.

РШ. А. 1. b4! a1 2. e3! 3. d4! 4. d2X.
Б. 1. bc3! 2. cb4! 3. b2! 4. b4 5. c5X.

МШ. А. 1. 42! 2. 34!X. **Б.** 1. 33! 38 2. 34! 30 3. 44X.

Резерву. Мат дается в 2 хода: 1. Крa1! a4 2. Кс4X.

ПРИКАЗ № 10

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Всем арчебековцам отослать рапорты до 1 января.

§ 2. Выполнивших классификационные нормы представить к присвоению спортивного разряда, а победителей Чемпионата-88 наградить.

§ 3. Итоги Чемпионата-88 объявить в «Костре» № 5 1989 г.

§ 4. Всем доблестным разведчикам — участникам Чемпионата-88 и всему личному составу Отряда резерва объявить благодарность!

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Передо мной три письма, в которых спрашивается, как красить одежду. Как красить — рассказывать я не стану, об этом написано на пакетиках с анилиновыми красителями для шерсти или для хлопка. А к авторам писем у меня вопрос: какую одежду вы собираетесь красить? Иногда случается, что после стирки вещь теряет

цвет, линяет, иногда на ткань посажено пятно, которое может закрыть покраска. Бывает, что цвет вещи очень не нравится. Во всех этих случаях /а мы говорим о хороших вещах/, лучше бы сдать их в мастерскую. Так надежнее. Новые футболки я бы тоже не советовала красить. Я думаю, что в письмах они и имеются в виду — футболки! Старенькие, застиранные — другое дело, вот на них и потренируйся в крашении.

КАК СДЕЛАТЬ «РОЗУ» НА ФУТБОЛКЕ? Выбрав центр «розы», положи в этом месте под ткань пуговицу, стеклянный шарик, морскую гальку, а можно просто собрать ткань в комок и туго завязать или стянуть резинкой. Эта операция повторяется несколько раз /см. рисунок/. Не замачивая ткань, погрузи ее в кипящую краску на час. После полоскания /до чистой воды/ срежь завязки, повесь сушить. На месте завязок /краска туда не должна проникнуть/ получатся светлые лучистые концентрические круги. Как сделать **НА ФУТБОЛКЕ УЗОР ИЗ КРУЖКОВ ИЛИ ОВАЛОВ**, ты теперь догадаешься сама.

Для будущего карнавала тебе, возможно, понадобится **ПОКРАСИТЬ марлевку или другую ТКАНЬ В ПОЛОСКУ**. Сложи материал складками, как показано на рисунке, и перевяжи в тех местах, где нужна светлая полоса. Крась около часу, предварительно не замачивая ткань.

Для того, чтобы крашенные вещи лучше сохранили цвет, надо: стирать вручную в чуть теплой воде, при последнем полоскании добавлять в воду несколько ложек соли, не выкручивать, не сушить на солнце. И еще о марлевке. Эту ткань не гладят.

Любителям комнатных цветов предлагаю устроить **ДОМАШНИЙ САДИК — ТЕПЛИЧКУ**. Тепличка нужна растениям, для которых губительны сухой воздух и колебания температуры. Хорошо живут в ней бегония, гloxиния, папоротники, орхидеи. Аспарагусы не теряют листья. Узамбарские фиалки неплохо чувствуют себя на подоконнике, но никогда не достигают того роскошного бархатистого тона и почти круглогодичного цветения, какое появляется в тепличке.

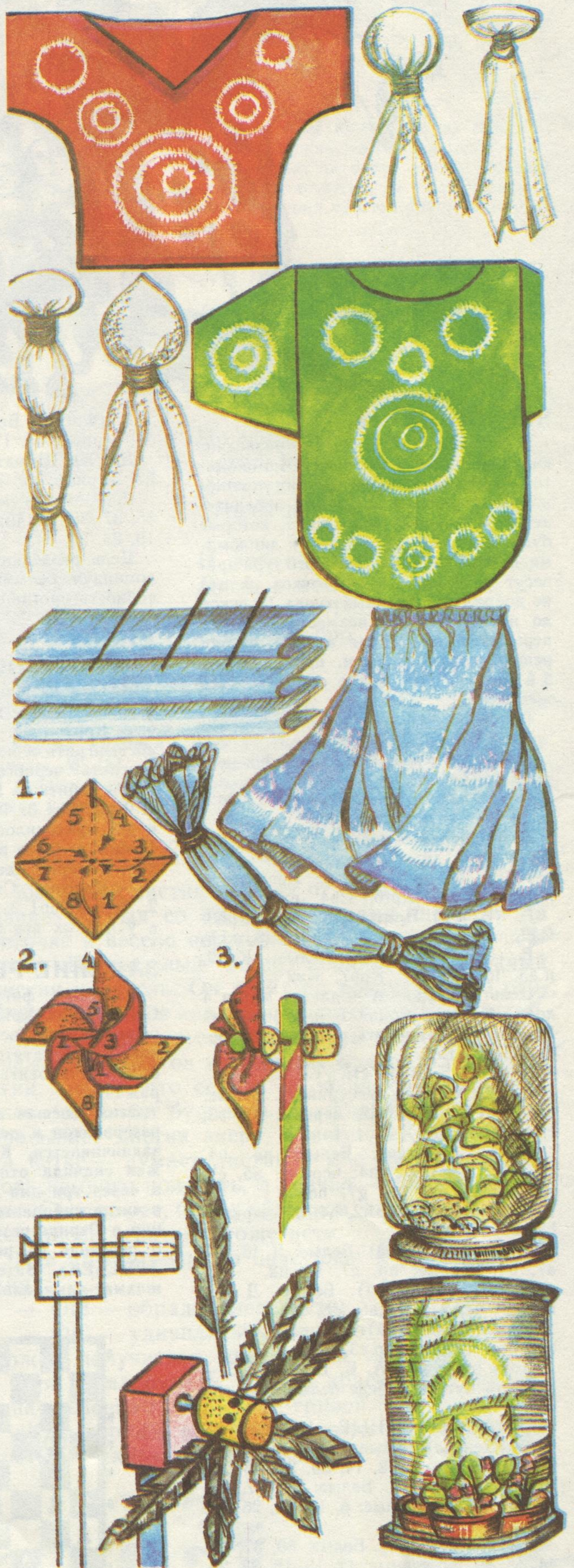
Устрой тепличку так, чтобы она не только приносила пользу растениям, но была бы и украшением комнаты. Тебе нужен стеклянный колпак или большая банка необычной формы с широким горлом. Растения в горшках ставятся на плоское блюдо, заполненное песком или мхом и прикрываются таким сосудом. Можно превратить в тепличку старый аквариум, накрыв его стеклом. Оставшееся между цветочными горшками место декорируй галькой, кусочками коры и затейливыми веточками. Стенки теплички досуха протирай. Грязное запотевшее стекло плохо пропускает свет. Необходимо ежедневное проветривание — 10—25 минут. Если появляется гнилостный запах или запотевание, открой тепличку на несколько часов или на ночь. Удаляй пожелтевшие и загнившие листья.

ВЕРТУШКИ ИЗ БУМАГИ И ПЕРЬЕВ я предлагаю для самых младших наших читателей. Бумажная вертушка посажена при помощи булавки на палочку, свернутую из листа плотной бумаги. Она свободно ходит между двумя бусинами. Для вертушки из перьев попросите своих вожатых просверлить в деревянной палочке отверстие, в котором бы хорошо вращался гвоздь. Перья в пробку втыкайте с небольшим наклоном набок.

МАША ОТВЕЧАЕТ Любе Мироновой /Тольятти/ и Вике Слезко /Курская обл./

Чтобы «ОЖИВИТЬ» **ЗАЧЕРСТВЕВШУЮ БУЛКУ**, смочи ее водой и поставь в сковородке под крышкой на огонь или заверни в мокрую бумагу и положи в духовку на 8—10 минут.

На твоей **ПРОМОКШЕЙ ОБУВИ ПОСЛЕ ПРОСУШКИ** выступают **БЕЛЫЕ ПЯТНА**. Протри их уксусом.

Конкурс! Конкурс! Конкурс!

В этом номере нашего журнала завершается Конкурс-88 Клуба «За семью печатями». Всем участникам остается решить задание десятого тура, послать в редакцию и ждать двенадцатый номер, в котором будут объявлены победители и самые активные участники. Итак, последнее задание нынешнего сезона!

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

Оформление А. Януса

2	2	2
3	3	3
4	4	4

ЗАГАДОЧНЫЙ КВАДРАТ

Цифры, размещенные в девяти клетках этого квадрата, надо переместить так, чтобы суммы чисел во всех направлениях /по вертикали, горизонтали и диагонали/ были одинаковы.

На день рождения к внуку профессора Сеницына пришли 7 его одноклассников. Но вот незадача — стульев для них оказалось всего 6. Что же делать?

— Сейчас я все улажу,— сказал профессор Сеницын.— Сделаем так: первого гостя я попрошу на минутку потесниться и пустить к себе на стул второго гостя. Третий гость сядет на стул рядом с двумя первыми, четвертый — рядом с ним. Пятый пускай садится напротив первых двух, шестой рядом с пятым. Как видишь, одно место осталось свободным. На него мы и посадим того гостя, что делил стул с первым.

Сможете ли вы объяснить, каким образом профессору Сеницыну удалось разместить 7 человек на 6 стульях?

20 очков.

КОНКУРС КРОССВОРДОВ

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ №9

Сколько учеников?
Ни один.

Конкурс кроссвордов

- Греция.
- Ядро.
- Обруч.
- Чемпионат.
- «Торнадо».
- Олимпия.
- Яхта.
- Атлет.
- Теннис.
- Старт.
- Тандем.
- Молот.
- Трамплин.

Из одного слова — другое
Пас-пат-пот-пол-гол.

Света и Стасик Корниловы из Курска прислали небольшой фигурный кроссворд «Елка».

По горизонтали: 2. Большой зеленый массив. 3. Животное, обитающее в Северной Америке. 4. Певчая птица наших лесов. 5. Млекопитающее, живущее в Южной Африке.

По вертикали: 1. Сказочный персонаж новогодней сказки.

Главный редактор О. А. ЦАКУНОВ

Редакционная коллегия:

Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, О. П. ОРЛОВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, А. Я. ТОЛСТИКОВ (отв. секретарь), Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор Д. Г. ЛАЗДАН

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-37169. Сдано в набор 06.06.88. Подписано к печати 11.08.88. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 8,0. Печать офсетная. Тираж 1 270 000 экз. Заказ 557. Цена 30 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 дважды ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского производственного объединения «Типография им. Ивана Федорова» Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, г. Ленинград, ул. Мира, 3.

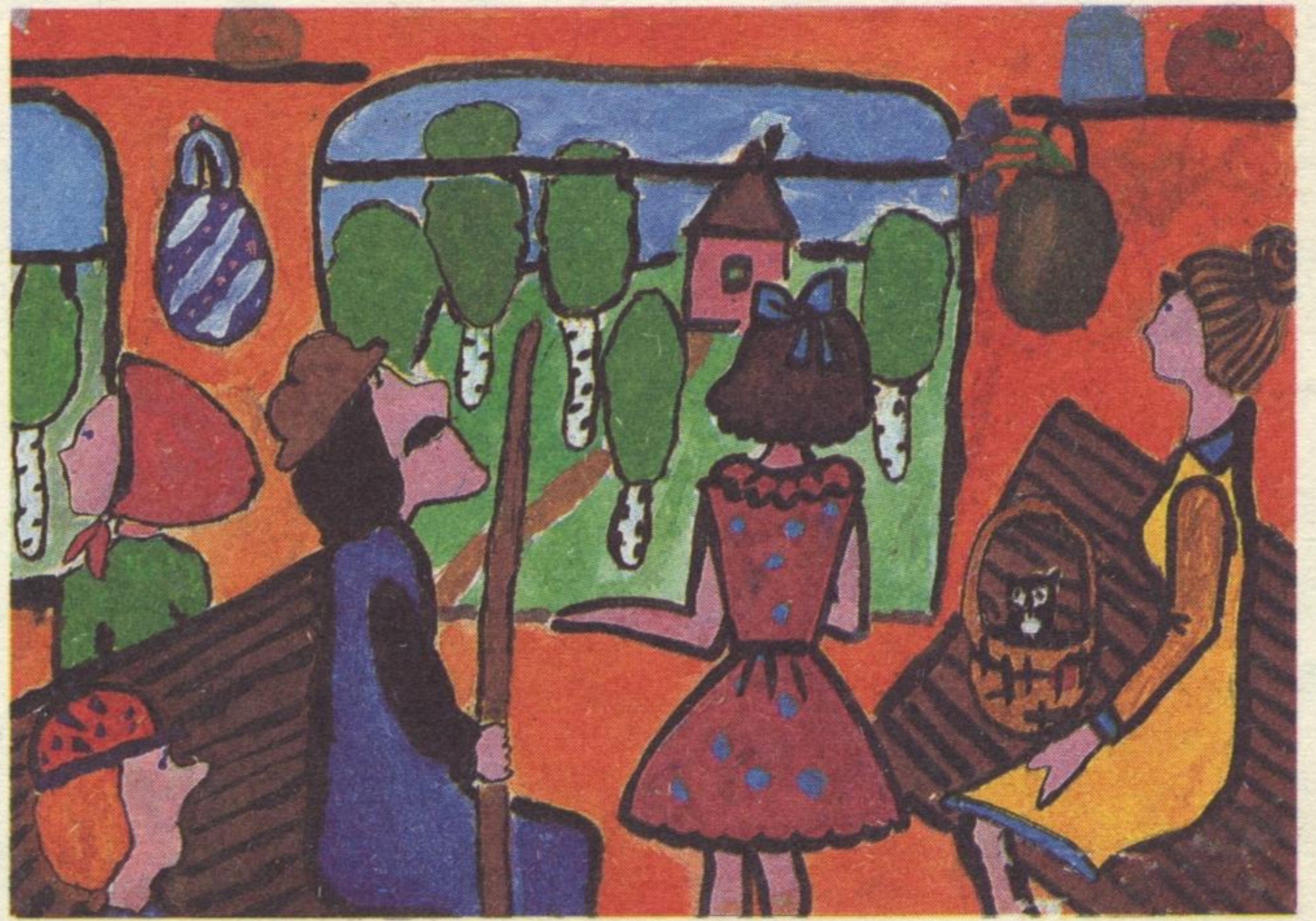
**ТВОРЧЕСТВО
ТВОИХ
РОВЕСНИКОВ**

Авторы этих рисунков занимаются в изостудии Дворца пионеров Комсомольска-на-Амуре. Ребята уже были участниками нескольких все-союзных и международных выставок детского рисунка. А сегодня юные художники — гости «Костра».

СТРОЯТ ГОРОД

Толя Сыропятов, 10 лет

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

Люба Возжаева, 8 лет

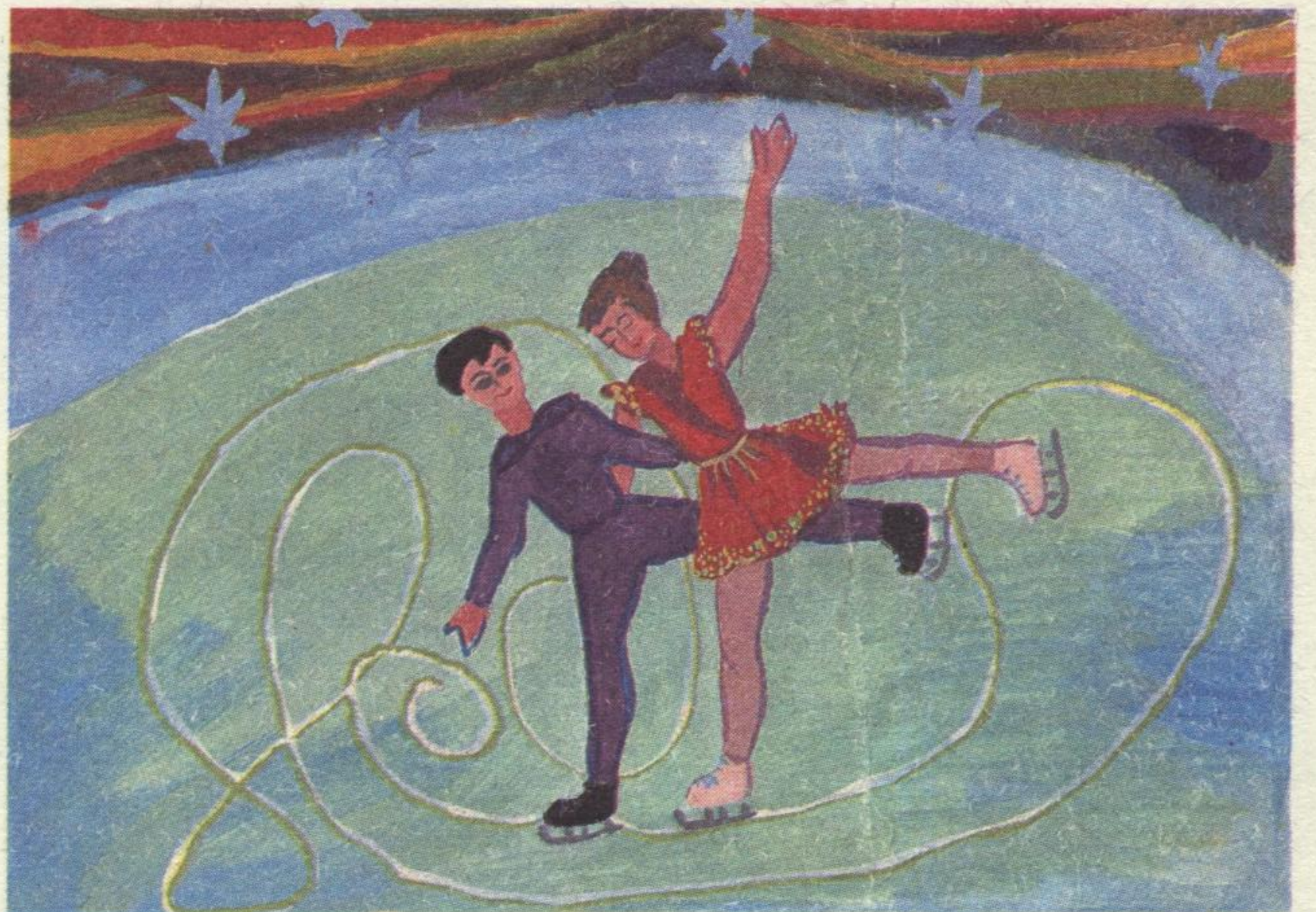
СНЕЖНАЯ КРЕПОСТЬ

Вероника Галиева, 10 лет

ПЕРВОКЛАССНИЦЫ

Ира Ракша, 9 лет

ЛЕДОВЫЙ ТАНЕЦ

Наташа Полищук, 10 лет

В ОТКРЫТОМ КОСМОСЕ

Катя Панова, 11 лет